

*Анекдотъ — короткій по содержанию и
сжатый въ изложеніи рассказъ о
замѣчательномъ или забавномъ случавъ;
байка, баутка.*

(В. Даль)



Провинциальный анекдот

Выпуск 4

Шуя 2004

шуйский государственный педагогический университет
Шуйский историко-художественный и мемориальный музей

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ

Чтения по региональной казуальной истории

Выпуск четвертый

Шуя
Издательство «Весть»
2004

ББК 63.3 (2-2Ив)
У 32

В сборнике представлены материалы V (2003 г.) Чтений по региональной казуальной истории, проводимых совместно ШГПУ и ШИХММ.

Авторов сборника – историков, литературоведов, краеведов и музейных работников объединяет не только «пространство-время» – Шуйский уезд Владимирской губернии в XIX – начале XX вв., но и общие представления о значимости истории повседневности, «микроистории» для знания о нашем историческом прошлом.

Раздел сборника «Записки провинциалов: век XX» содержит свидетельства шуян о прошедшем XX веке.

Книга адресована широкому кругу читателей.

*В оформлении обложки использован фрагмент вырезки
Капитона Воробьева – уроженца д. Тепляково Шуйского уезда.*

*Печатается по решению редакционно-издательского отдела
Шуйского государственного педагогического университета*

Рецензенты:

*доктор исторических наук В.А. Евсеев
кандидат исторических наук Е.Ю. Фаркова*

© Шуйский государственный педагогический университет, 2004

© Шуйский историко-художественный и мемориальный музей, 2004

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

Е.С. СТАВРОВСКИЙ
(г. Шуя)

КНЯЗЬ И.М. ДОЛГОРУКОВ И ШУЯ

Князь Иван Михайлович Долгоруков (1764-1823) – единственный внук казенного Анной Иоанновной фаворита Петра II князя Ивана Алексеевича Долгорукова и его жены Натальи Борисовны, знаменитой схимонахини Нектарии. Древний и знатный род Долгоруковых ведет свое происхождение от великого князя Киевского – основателя Москвы Юрия Долгорукова. Получив хорошее домашнее образование, И.М. Долгоруков сделал достойную своего рода карьеру, отметившись при этом на разных поприщах...

Первоначально наиболее ярко проявился актерский талант князя: в начале 1790-х гг. Иван Михайлович вошел в кружок наследника престола Павла Петровича, участвовал в драматических и музыкальных спектаклях при дворе. Но наибольшую известность среди современников он получил как поэт и драматург («стихоплет великородный» - назвал его Пушкин в X главе «Евгения Онегина»; впрочем, Пушкин же говорил о нем: «поэт не довольно еще оцененный»).

Женат князь И.М. Долгоруков был дважды и от первой жены имел десять детей, семеро из которых пережили полуторагодовалый возраст. Первая жена – выпускница Смольного института Е.С. Смирнова (1770-1804). Вторая супруга – из наших, из шуйских дворян! Впрочем, обо всем по порядку.

Свою карьеру князь Долгоруков начинал как военный (в чине прапорщика) в 1-м Московском пехотном полку. Принимал участие в войне со Швецией. Не найдя в себе призвания к военной службе, он выходит в отставку, но желает служить по гражданскому ведомству. Свою просьбу Иван Михайлович излагает собственноручно в письме Екатерине II. И в сентябре 1791 г. он получает пост пензенского вице-губернатора. Оставил И.М. Долгоруков эту должность не по своей воле, но удача вернулась к нему в 1802 году. На этот раз судьба его заносит в нашу Владимирскую губернию на самый высокий пост – на должность губернатора.

Князь Долгоруков рьяно берется за работу на новом месте. Прежде всего он объехал все уголки подчиненной ему территории, лично осматривая состояние мостов, дорог и казенных зданий. Во многих населенных пунктах Владимирского края Иван Михайлович запомнился как бескомпромиссный борец со всеми нарушениями закона: например, стараниями губернатора были сосланы на каторгу трое фальшивомонетчиков из числа «лучших обывателей» Кохмы, их не могли спасти от наказания ни толстый кошелек, ни их высокое положение в обществе.

И.М. Долгоруков не был кабинетным начальником – он проводил периодические обзоры губернии, посещал владимирские города и села по разным торжественным случаям. В одном из таких визитов (овдовевший в 1904 г.) князь познакомился с шуйской дворянкой Пожарской, тоже недавно овдовевшей. С этого периода из 13 уездов Владимирской губернии самым «любимым» для него становится Шуйский. 13 января 1807 г. Иван Михайлович венчается во Владимире с Аграфеной Алексеевной Безобразовой (1766-1848), дочерью отставного лейб-гвардии подпоручика А.Г. Безобразова, вдовой шуйского помещика А.Ф. Пожарского. (Так закончились для Долгорукова «сумерки жизни», как он называл период своего вдовства.)

Александр Филиппович Пожарский дослужился до высокого чина генерал-провиантмейстер-лейтенанта, вышел в отставку и проживал в основанной им же усадьбе Александрово Шуйского уезда. В те годы Александрово кроме барской усадьбы включало в себя также 11 крестьянских дворов¹. Поэтому это селение нужно называть сельцом, хотя сам Долгоруков в своих мемуарах называет Александрово деревней. Эта несуществующая ныне усадьба (сельцо), располагавшаяся на берегу речки Сальни, в 4 верстах от села Ильинского, оставила серьезный след в жизни и творчестве князя Долгорукова.

Ежегодно в летнее время Иван Михайлович проживал в Александрове со всем новым семейством: женой и ее детьми от 1-го брака Филиппом, Алексеем, Еленой (Аленой). Здесь им устраивались «театральные зрелища», здесь он отдыхал и работал, писал стихи и письма. Например, известны стихи, написанные в Александрове и посвященные пасынку Алексею. Особенно часто в литературных трудах Долгорукова упоминается любимица семьи Аленушка, умершая в юном возрасте.

«В Шуйском уезде жена моя имеет небольшую деревню, хорошо устроенную, в которую я часто ездил к ней в гости и влюблялся в нее после всякого визита больше и больше. Ныне я один ездил туда взглянуть на развалины и потужить о прошедшем: тут родилась, жила и веселилась Алена: тут для матери ее некогда все погоды были хороши; любовь ее к Аленочке украшала все около ее жилища. С кончины ее жена моя уже не была в своем Александрове. Я позавтракал, походил по саду, вздохнул и воротился домой»².

Частым гостем Долгоруков был и в погосте Ильинском, к приходу которого относилось Александрово. Несмотря на свой высокий пост, Иван Михайлович не только посещал службы в местной Ильинской церкви, но и даже неоднократно пел на клиросе (то есть в церковном хоре). Да и в создании самого храма активно участвовал своими пожертвованиями вместе с супругой Аграфеной Алексеевной. Их значительный вклад в создание Ильинской церкви был отмечен на памятной доске, укрепленной на западной стороне храма. (Церковь в Ильинском погосте была в советское время разрушена, чудом сохранилась только колокольня, которая в настоящее время восстанавливается.)

Бывал князь Долгоруков многократно и в Шуе как по служебным делам, так и с личными визитами. Среди его шуйских друзей нужно выделить А.Н. Кашинцова и семью городничего П.С. Шульгина.

С шуйским помещиком Андреем Никаноровичем Кашинцовым Долгоруков познакомился во Владимире, затем много раз был у него в имении и принимал участие в судьбе его сына Николая.

По протекции князя Николай еще в семилетнем возрасте был «записан» на государственную службу – во Владимирское губернское правление с чином коллежского регистратора. Князь Долгоруков опекал молодого чиновника сначала по долгу дружбы, а после смерти его отца оформил опеку юридически. Благодаря поддержке влиятельного князя Кашинцов получил место в Москве в Сенате, поступил на учебу в Московский университет.

Отметим, что Николай Андреевич Кашинцов (1799-1870) – автор стихотворения, известного под названием «Прощание с соловьем» (в оригинале стихотворение не имеет названия), положенного на музыку композитором А.А. Алябьевым и ставшего в свое время популярнейшим романсом.

Особо длительное время Долгоруков провел в Шуе во время войны с Наполеоном.

Война 1812 г. застаёт Ивана Михайловича в Москве, откуда он с семейством, а также забрав с собой актеров С.Ф. Мочалова и Е.А. Насову, уезжает в Шую. В конце сентября 1812 г. князь Долгоруков с женой прибыли на место. В конце октября – начале ноября был в Москве, затем вновь вернулся в Шую. Из нашего города семья Долгоруковых уехала в конце 1813 года. Жили они все это время в доме городничего Шульгина.

1812-1813 годы, проведенные в Шуе, необычайно плодотворны для И.М. Долгорукова в творческом отношении. Кроме отклика на московский пожар «Плач над Москвой» и ряда посланий (М.Н. Макарову, Н.М. Загоскиной) он писал «Записки о своей жизни», стихи, из которых надо упомянуть три наиболее резкие сатиры: «Черты свободного писателя», «Торжество совести» и «Нечто для весельчаков».

Особенно тепло князь Долгоруков отзывался о жене городничего Софье Алексеевне Шульгиной как о «милой и приятной даме во всех отношениях». Здесь же он написал: *«Когда французы выгоняли нас из Москвы и я не имел другого убежища, кроме Шуи, она нас приняла как родных..., я написал здесь стихи под названием «Плач над Москвою»..., посвятил их Софье Алексеевне, и в этом сочинении постарался изъяснить ей, и семейству ее, ту благодарность, то трогательное чувство признания, какое навсегда буду питать в душе своей, как совестный долг признательного сердца...»³.*

Но вернемся к началу нашего повествования. Существуют три версии, три варианта судьбоносной встречи И.М. Долгорукова с А.А. Пожарской, причем в разных городах. Не вдаваясь в подробности этих версий, можно утверждать, что не столь это и важно. Главное, что Шуя получила не только

своего почитателя и обожателя, но, прежде всего, бытописателя и, в некоторой степени, даже летописца.

С 1788 по 1818 гг. И.М. Долгоруков вел подробные автобиографические «Записки», изданные частично в 1916 г. под заглавием «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни». Записки содержат богатейший материал о культурно-бытовом укладе жизни в провинции, в том числе и в Шуйском уезде. В 1818 г. Долгоруков систематизировал сведения из своих мемуаров в виде подробного словаря своих родственников, друзей и недругов, который известен под названием «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни». Произведения князя Долгорукова, опубликованные даже в неполном виде, дают нам бесценную информацию как об отдельных шуянах, так и о жизни нашего края в начале XIX века.

Характеристики, даваемые Долгоруковым разным людям, кратки, емки, оригинальны. Со слов Ивана Михайловича мы узнаем, что шуйский исправник Ф.П. Траубе был «человек пронырливый и неблагодарный», а шуйская помещица княгиня Н.П. Куракина смиренна и добродетельна «выше всех отшельниц мира».

К сожалению, имя губернатора, поэта, писателя, мемуариста Ивана Михайловича Долгорукова в нашем городе незаслуженно забыто. Мы должны благодарить случай, который привел в наш край такого человека. Шуйская земля стала для князя Долгорукова настоящей «второй родиной», для подтверждения этого достаточно процитировать следующие его слова о Шуе:

«Город уездный, но прекрасный, на ровном месте, разбит правильно, имеет хорошие площади, окрестности его представляют приятные виды. Река Теза почестся может в числе лучших рек Владимирской губернии: она течет под самым городом, купечество промышленное и сытое, церкви богатые, хотя раскольников довольно; при мне еще граждане застроили огромной вышины колокольню, которая им станет тысяч в 200, но купцы любочестивы и ничего не щадят, дабы капиталы свои прославить. В соборе царские двери все серебряные, а помянутая колокольня совместницей назначена быть трем важнейшим башням в России: Ивану Великому, Таврской у Троицы и Печерской в Киеве...»¹

¹ ГАОУ.Ф. 47. Оп. 1. Д. 2. Л. 595.

² Долгоруков И.М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1870. Кн. 1. Ч. 2. С. 9.

³ Долгоруков И.М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. – Ковров: Изд-во «БЭСТ-В», 1997. С. 388-389.

⁴ Долгоруков И.М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1870. Кн. 1. Ч. 2. С. 9.

ДЕЛО О ПОЖАРЕ 1848 г.

Пожары – являются злейшим врагом человеческого общежития, причиняющим неисчислимые бедствия. Особенно велика их разрушительная сила у нас в России¹.

«Город Шуя горел не один раз. Первый из пожаров случился в 1539 году в период нашествия на Шую и другие города казанского хана Сафы-Гирея, который разорил и сжёг Шую. Во времена междуцарствия, когда Шуя отреклась посягнуть самозванцу Тушинскому, тогда поляки и их сообщник Суздальский воевода Плещеев разорили и выжгли Шую до основания. Ровно через одиннадцать лет Шуя снова поражена была неожиданным несчастьем – набегом враждебных Литовцев, Казаков, Черкес и Русских мятежников, которые превратили город в развалины и пепел. В 1629 году выгорело 32 дома из 154 домов. В 1640 году загорелось на посаде и сгорели церкви во имя Воздвижения Честного Креста и Бориса и Глэба, сгорел двор приказных людей, гостиный двор с товарами, кабак и таможня, губной двор, тюрьма и богадельня и посадских домишек сгорело 82, да разломано 42. Бывал пожар и в 1652 году, и в 1662, и в 1710 году, и в 1770 году. В 1776 году выгорела одна из лучших улиц города – Пищальная (ныне Стрелецкая), на Николин день, когда народ был на Шартомской ярмарке. Достопамятный пожар, известный у жителей под именем Покровского случился 1 октября 1792 года. Пожар произошёл от лавочек со сбитнем и льном, помешавшихся около Спасской церкви, и истребил весь город. После последнего пожара в XVIII столетии город получил вид и распланировку существующую и по сей день.

В 1847 году 11 августа в 4 часа по полудни в Шуе произошел пожар, было истреблено 10 каменных и 68 деревянных домов, убыток составил на сумму 247000 рублей серебром².

В XIX веке в городе была городская пожарная команда, состояла «из брандмейстера, его помощника и 24 человек рабочих. В обозе ее 18 лошадей, несколько пожарных машин, бочек, а также имеются и все пожарные принадлежности очень исправные и хорошо содержимые, содержание ее стоит городу 5698 рублей. Для предохранения от пожаров в 40-х годах нынешнего столетия вышло правительственное распоряжение обязывавшее городских жителей на каждый дом зданий, с деревянной крышей ставить кадки с водой и метёлкой для прыскания водой во время пожара. Для поставки делать на коньке крыши площадки, а для входа на них клались на крыше лестницы. Такие орудия от пожаров в Шуи красовались на каждой крыше, крытой деревом. Но так как в жаркую погоду вода в кадках высыхала очень скоро, а наливать её было затруднительно, то эти кадки стояли все да без воды и при случае пожара, служили чем-то в роде подтопки и сгорали первыми³. Наряду с городской пожарной командой братья Киселёвы

содержали личную пожарную команду, но несмотря на это в 1848 году произошел пожар в Киселевской больнице, построенной в 1844 году Шуйскими купцами братьями Киселёвыми – Иваном и Дмитрием – по завещанию их деда Василия Максимовича Киселёва в его память и в память об отце Диомиде Васильевиче, умерших от холеры в 1831 году. Род Киселёвых начинается от Максима Степановича (1734-1808), крепостного из Кохмы, который выкупился на свободу в 1779 году. Разбогатели торговлей английской пряжей. Их добрые дела живут в памяти по сей день. На их средства построены мосты через реки Тезу и Уводь, каменные казармы в городе Шуе, устроены городские мостовые.

Казалось бы, такое событие, как пожар, не может вызвать анекдотических ситуаций. Однако данное утверждение оспаривают документы из фонда № 10 «Архивная коллекция документов по Шуйской Киселёвской больнице, собранная краеведом Звездиным Н.А. (1886-1966)».

«Ноябрь 24 1848 года. В Совет Шуйской Киселёвской больницы исправляющего в оной должности надзирателя отставного Гвардия Унтер офицеров Зиновия Ефимова, сына Иванова, Ивана Степанова, Степана Лукьянова, рядовых Василия Степанова, Ивана Иванова Хлопунова, и крестьянина вольноотпущенного дворового человека Иванова, крестьянина Григория Иванова и фельдгегерского ученика Василия Григорьева Веселовского.

Рапорт.

Сего месяца 20 числа утром часов в 6 паходил их нас Ефимов в церкви для очищения свеч, а прочие в комнатах, услышали крик происходивший от крестьянина села Кузнецова Григория Иванова затопившего в бане печку, что из трубы выкинуло пламя, по сему в ту же минуту каждый из нас бросился к бане и первый вбежал в оную я крестьянин Иванов, за ним я Седов и прочие, а я Ефимов как должно прочие находился от бани, то несколько оставши от них бежать ежже двором и потом встречин был двоими пожарными солдатами, которые не знаю для чего преграждали путь стараясь схватить меня, однакож я успел от них удалиться и вскочил на баню, там как мог тушил пламя и прочие внизу бывшие гасили горевшие в печи дрова, почему извержение пламя совершенно и прекратилось во время тушения нами пламя один из пожарных солдат Соловьев кричал кому-то, чтобы меня Елфимова сбросили с крыши, и наконец он закричал, чтобы я шел к господину городничему, в следствии чего сошел я с бани и намеревался поспешить в занимаемую мной комнату. Чтобы одевшись в оной прилично идти к господину городничему, но пожарные солдаты не давая свободы потащили меня в одной рубашке в нижний коридор больницы однако ж там убедясь моей просьбой позволили войти в комнату и надеть шинель в это самое время вошел ко мне господин городничий и с азартом закричал как я смею не отпирать ворот для пожарной команды прибывшей к больнице с инструментами, не зная того была ли пожарная команда у ворот когда

сделалось мне известно о извержении из трубы пламя, я объяснил ему, что без необходимой надобности в раннее время ворота не отпираются глем более не предполагая и каковы приключения, а на этот раз не отпер же потому, что считал скорее утушить пламя, не видал и не мог видеть команды, но господин городничий не вняв моему справедливому объяснению приказал тем же пожарным служителям тащить меня в съезжую они же не только тащили но и били меня руками тащивши до съезжей, а в съезжей господин городничий пришедши в оную спустя несколько времени, наплечав мне в лицо и на знак отличия Святой Анны и медали имевшиеся на шинели, которая тогда была на мне. Тут я содержал было часов пять, вместе с какими-то пьяными людьми, в одной из приказчиков господ Киселёвых Алексеем Спиридоновичем, в какой-то чёрной комнате за запертой замком дверью. Присовокуплять мне унтер офицеры Фома Иванов, Иван Степанов, Степан Лукьянов, рядовые Василий Степанов, Иван Иванов Хлопунов, вольноотпущенный Евит Иванов, крестьянин Григорий Иванов, кроме унтер офицера Ефимова и фельдгегерского ученика Василия Веселовского, что нахи в печи бани огонь совершенно был потушен, а когда взят был Елфимов, то пожарной команды въехавшей на двор с машиною оставалось действовать и действовала она только на одну каменку печи. Опасности от выкинутого пламя ни кому больничному ни постороннему зданию не было и не могло быть, потому что на больничных железных крышах и посторонних отдаленных от оных зданий тогда много снегу, а в следствии сего и бывши в полной уверенности в скорости потушены вспышки сажки нарушить чьевого спокойствия тревогою и не считали мы долгом, да и кто же небросился бы прежде к потушенным такого малого пламя нежели к объявлению об нем кому-либо и притом когда ещё на дворе показались пожарные солдаты, отставной унтер офицер Зиновий Ефимов фельдгегельский ученик Василий Григорьев Зивловский. Отставной унтер офицер Иван Фома Иванов, крестьянин унтер офицер Степан Седов, отставной рядовой Иван Хлопунов, вольноотпущенный крестьянин Евгений Иванов Туркин занеумением грамоты по его личному прошению крестьянина Григория Иванова автора дворовой человек Иван Григорьев руку приложил»¹.

Этот документ не только курьезен, но и интересен для нас следующей информацией: в 40-е годы XIX века в городе существовала городская пожарная команда, о чем свидетельствует вышеизложенный документ, в то же время Рыжов В.В. указывает дату образования первой городской пожарной команды – 1851 год⁵.

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 24. – Россия, СПб. 1898. С. 155.

² Владимирские Губернские ведомости (ВГВ): Неофициальная часть. – 1847. – № 36. – 6 сентября. С. 161-163.

³ Журов Ф.Г. Исторический очерк г. Шуи. – Владимир, 1892.

⁴ Шуйский историко-художественный и мемориальный музей. Архив П.А. Звездина. Ед. хр. 2534/1271-1274. Сохранены орфография и пунктуация оригинала. Публикуется впервые.

⁵ Рыжов В. Город Шуя и Шуйский округ. Географическое, историческое и экономическое описание. – Шуя, 1930. – С. 325.

Т.А. ДОБЫЧИНА
(г. Шуя)

ИЕРУСАЛИМСКАЯ ПАСХА: ПИСЬМА ШУЙСКИХ ПАЛОМНИКОВ СО СВЯТОЙ ЗЕМЛИ

Путешествия верующих к Святым местам (паломничество) является одним из древних благочестивых обычаев христианства. Особенно благодатным считалось паломничество на Святую Землю – Иерусалим и Палестину – места, где прошла земная жизнь Иисуса Христа.

История странствий русских паломников в Святую Землю началась еще во времена князя Владимира. Наиболее популярными и массовыми паломничества русских людей становятся во второй половине XIX века, когда в 1847 году в Иерусалиме была открыта Русская Духовная миссия, а в 1882 году Православное Палестинское общество. С этого времени начинается массовое паломничество россиян к Святым местам.

Среди множества верующих, устремившихся в это время в Палестину, были и шуяне. Об этом свидетельствует целый комплекс экспонатов, хранящихся в фондах Шуйского историко-художественного и мемориального музея (далее ШИХММ). Среди них – фотография группы паломников, а также различные сувенирные вещи, привезенные из поездки¹. Но более всего интересны документы, доносящие до нас, можно сказать, живое слово шуйских богомольцев. Это два письма, адресованные родственникам в Шую². Письма напоминают дневниковые записи, где описываются события нескольких дней пребывания в путешествии. Вероятно, писались они ежедневно, а отправлялись тогда, когда «ходила почта». Автором писем была женщина. Имя ее остается неизвестным, несмотря на то, что в конце писем она ставила свой неразборчивый автограф³.

Исходя из того, что в одном из писем имеется пасхальное поздравление, датированное 9 апреля, можно заключить, что паломничество было совершено в 1889 или 1900 году⁴. Кроме неизвестного авторства и не установленной датировки, при прочтении писем возникает еще множество вопросов: кто была спутница паломницы «Аринушка», что передавала странница Иерусалимскому Патриарху от шуйской купчихи Листратовой и др. Думаю, со временем на них ответят краеведы и знатоки шуйской старины, нашей же задачей было сделать эти документы доступными для дальнейшего изучения, т. к. они представляют интерес не только для местной истории.

Эти письма, написанные полуграмотной странницей, свидетельствуют об огромной популярности в конце XIX-начале XX вв. обычая паломничества среди простых людей. Можно сказать, что тогда странничество на Святую Землю приобрело характер народного религиозно-нравственного движения⁵. Безусловно, в это время паломничали люди всех сословий, но наибольшее число паломников было именно из представителей крестьянской и мещанской среды⁶. Шуйская странница, судя по слогу писем, была мещанкой.

Известно, что путевые записи вели многие путешественники, но публиковать литературные описания своих странствий решались только «грамотные», «ученые» люди, обычно из числа духовенства и дворянства. Самый же массовый «народный» паломник остался самым «бесписьменным». В этом отношении публикуемые документы являются уникальными. Они дают нам возможность составить представление о том, как воспринималось посещение Святых Мест «рядовым» паломником конца XIX века.

Удивительно живо передает шуйская странница свои впечатления. Она не заботится о красоте слога, составляя письма простым, почти разговорным языком мещанской среды. Паломница впервые оказалась в разноплеменной многоязыкой, но охваченной единым чувством толпе. Интересно ее восприятие увиденного: ей кажутся странными облачения священников Коптской церкви, органная музыка и сидение за службой католиков вызывают ассоциации с концертом, а искреннее недоумение того, «как Господь терпит» многочасовые, сменяющие одна другую, службы инославных конфессий, просто вызывает улыбку. Автор пишет обо всем подряд: о встречах с духовенством, о посещении святынь, о ценах, товарах, кухне, погоде, обрядах, бытовых условиях жизни в паломнической гостинице. Но сквозь эти строки постоянно проступает чувство восторга и радости от ощущения близости к святыне и от благодати, наполнившей душу.

*«Иерусалим. Началось
4 апреля
Милый брат Степан и все Милыя сестры и все милыя племянницы, крепко вас всех целую и поздравляю с Приближающимся Праздником, дай Бог вам всем быть здоровым и покойным и благодарю за письмо Тебя Дуничка Верочка сестра Анюта Самохва и Софьи Ивановна за 2 письма очень очень благодарна. Милую Наташу крепко целую Твоя бы душечка и не вынесла бы такую дорогу, понеже здесь, часто я тебя и всех вас вспоминаю. Уж об мсре мы забыли, молим Бога что бы от сюда благополучно доехать. Сашеньке я не писала, пожалуй ей погожеу, устала и рука не пишет. Хорошо что она не поехала, трудно. А какая радость что мы будем этот праздник у Гроба Господня. 2 раза была на Горе Елеонской, Боже мой как трудно в гору идти, в Гефсимании была в саду долго Сидела где Господь молился. Ученики Его спали, 3 огромных камня лежат, сад принадлежит Армянам. Как он сохраняется хорошо какая кругом решетки, цветов сколько очень много таких как у нас, но они все махровые и розонов очень много. В Вифлеем ездила на фургоне 12 верст, а больше не где не была только у Гроба Господня и в некоторых монастырях Греческих, и я на Иордан в Назорет и в Горний че поеду боюсь на ослах. Если хочет Аринушка после Пасхи пусть едет, а я останусь со странницей которая привезла икону. Вчера и сегодня была здесь за службой. Евангелие читают и поют очень хорошо а завтра... Собираем:я идти к Архидею Иорданскому Епифанию. Он нас будет в монастыре соборовать и исповедовать поедем ночевать к Гробу Господню и 2 часа утра будем приобщаться у Гроба Господня, дай Господи выстоять и если не*

устанем, то и на субботу будем ночевать и нас поставит Архиерей Елфимий Гробовск. на хорошее место что бы видеть как Патриарх пойдет в Кувуклию и будет молиться о ниспослании Небесного Огня и когда будет умовение ног то и тогда нам дадут место, спасибо это уж монахиня знакомая Аринушка хлопочет. Здесь жара и палящее Солнце продолжается 4 часа а к вечеру очень свежо и особенно ночь, у нас сырой № 7. Днем очень хорошо а ночью иногда прикрываемся и шубами. Я теперь похожа на цыганку. Пожалуй приеду домой арабкой, но только бы быть здоровой; на днях приехал сюда Консул у него 3 девочки 1 мальчик. Гувернанка очень молоденька а его жене в Константинополе Бог дал еще маленькую, и еще Консул приехал из Яффы⁸ у того 3 мальчика и такой у нас в коридоре шум мальчишки резвятся бегают кричат, но за то в Церкви очень хорошо стоят, верно хотят говеть вот и сейчас такой крик у нашей двери. Аринушка ушла в баню здорова. Вчера знакомая была у Гроба Господня там говорят множество приехало полон собор. В Лазореву субботу мы стояли Всеночну здесь я на хорах стала очень хорошо, а к обедне ко Гробу Господню пошла в Воскресенский собор. Стояла у решетки видела как Патриарх служил и после херувимской пошла на хоры, после обедни был Крестный ход 100 человек было духовенства, и Патриарх 3 раза обходил кругом Кувуклию. Как теперь убрали Гроб лампад и цветов и при входе в Воскресенский собор сколько лампад повесили я ни когда не видовала, и как наш ход кончился, мы остались посмотреть пошли Армяны и за ними Копты,⁹ как странно их облачение, тоже по 3 раза обходят Кувуклию, а у Католиков до обедни нашей был Ход, и потом мы обедали и чай пили у Монахини, щи были с осетриной и вроде бывает тоже рыба и огурцы свежия, так вкусно поели еще было 2 купца и они носят при себе по несколько тысяч и не боятся, а нам рассказывали они ездили в Назарет и их фургон упал кому руку вывихнуло кого ушибло. Вот какая страсть ехать. Нам отсюда советуют ехать на 3-м пароходе¹⁰ а теперь ужасно будет тесно вчера уж 900 странников получили сви билеты и странниц множество, прощайте будьте здоровы.

Ф.П.

Машеньку Корнил. целую и всем (неразборчиво). Клеопатру записала на обедню, скажите»¹¹.

«Иерусалим

5 апреля

Среда. Мы ушли из даму в 9 часов прямо к Архиерею Епифанию у него исповедовались, славный старичок, потом пошли к Гробу Господню и в Воскресенском соборе соборовались теснота была страшная, потом опять обедали у Монахини спасибо ей угощала грядями свежой картофелем и свежими огурцами, но горячие было из чечевицы, и я не могла есть мелкий горох по нашему. И ночевала у Гроба Господня, нам давали особенный компот, и в 11 час началась утренняя и в 1 час проскомидию начали совершать и в 2 часа уже мы причастились у Гроба Господня, очень было тесно но слава Богу встала, пошли к Архимандриту Евфимию он нас угощат кофеом

а потом чаем и мы у него в келье на верху смотрели из окна как Патриарх умывал ноги 12-и иеромонахам¹². Иуда был Арабский священник¹³. На площадке было устроено возвышено место. Народу ужесть сколько было, и солдат много, был порядок. Когда Патриарх пошел, то зазвонили колокола, ходили и 12 иеромонах, взошел немного посидел приготовлено было кресло. И когда начали читать Евангелие он сам стал разоблачаться и подпоясаясь лентионом (?) положил, и другое полотенце надел на плечо и к первому пришел к Иуде и когда правую ногу обмыл вытер и поцеловал, а они у него руку и так у всех но у Петра¹⁴ долго стоял. Когда было подано серебряно блюдо, то Петр встал и говорил, слова, как сказано в Евангелии, и Патриарх очень громко говорил но жаль что погречески и все руками указывал на всех, продолжалось 2 часа и мы уже были в 11 час дома с таким удовольствием чай опять пили и ели картофель с огурцами свежими похожи на наши, фунт 10 копеек, Господи как мы рады что Господь привел нас причаститься у Гроба Господня.

Великий Четверг 6 Апреля

И сегодня так была рада получить 2 письма от сестры и Шуры и Маши но жаль что дети не написали что папа делает и еще от Анюты Слава Богу что все здоровы. Крепко целую всех и Наташу. Наташу тоже благодарю за письма, где это она теперь. Собираемся к 12 Евангелий¹⁵ к себе на русскую патрику. Тут будут читать по руски (почта пойдет на Пасхе). Скажите Степочке, что я передала Патриарху, и от Листратовой, он приготовит нам квитанций но теперь уж очень у него много бывает народу. Когда мы из Гевсимании шли по Страстной улице¹⁶ где вели Господа, Боже мой как трудно было идти улица уская грязная, верблюды ослы безпрестанно попадались и у Пилата дома мы сидели уж очень устали, высокая лестница и безпристанно ходили солдаты. По улицам а особенно по горам ужасно устала. На Субботу и Пасху ночевали у Гроба Господня. В субботу в 3 часа дня получила благодать Святого Огня¹⁷ вот радость была я жгли глаза и все что у меня болело руки горло и ни сколько не жгло, а после уж нельзя было до тронуться. Всем привезу по свечке. Арабы ужасно кричали¹⁸, но уж это я знала и раньше. Но как надоедает служба Армян Католиков и Коптов, как Господь все терпит.

9 апреля

Христос Воскресе! Заочно со всеми христосуясь. Слава Богу дожидла до Празника Утреню и Раннюю Обедню стояла на хорах близ Гроба Господня. Вчера приехал сюда Милон Сербский¹⁹ еще молодой брюнет мундир его красный и синяя лента через плечо и звезды бриллиантовые и он сегодня приобщался стоял и ходил в ходе рядом с Патриархам и сидел тоже в креслах почти рядом, пришла домой в 5 часов утра дождь шел и стало холодно а то все была жара 40 градус²⁰ во время Солнца. Видела как католики служат на Голгофе. Часто слышала их органы так бывает странно точно сидят в концерте. Весь храм был освещен лампадами

разноцветными стаканчиками. Чудо, чудо хорошо точно не на земле. Но когда пришла домой я так устала так и легла и здесь только что кончилась Утренняя и Обедня. Мы все здоровы подали суп из курицы хоть укрепились пиццей, ящцы красные продают, кулич в булочной заказала за 1 руб, да здесь слава Богу все можно достать но дорого. Прощайте молю Бога чтобы вы все были здоровы, говорят что сегодня уехали 1000 человек поклонников. Как получила благодать и дождалась Пасхи то и в путь и нам надо уже подумывать недели через 2 выехать. Иду к вечерне и всенощной. Много вас любящая Ф.П.

Пошла Верочке потом (неразборчиво) устала (неразборчиво) целую ее Душечку и Васю и христосуюсь с ней заочно и молюсь за всех вас много всех вас любящая Ф.П. Аринушка вам кланялась всем. Я ей очень довольна спасибо ей»²¹.

Опубликованные письма позволяют говорить о благочестивом православном обычае паломничества, распространение которого, при активной поддержке государственной власти, на рубеже XIX – XX вв. фактически сделало Палестину частью России²². Данное обстоятельство особенно актуально на фоне современного возрождения традиции паломничества во Святую Землю.

¹ Фото «Шуяне – паломники на Св. Землю» ШКМ 2444/2; Трость паломника ШКМ 2544/3; коробочка с лупой для просмотра сувенирных открыток ШКМ 2544/4; морская раковина из Иерусалима ШКМ 2544/5; Трубка для курения табака (чубук) ШКМ 2418/2; набор открыток «Сувенир из Иерусалима» с видами мест Святой Земли ШКМ 2418/3-33.

² ШИХММ. Ф. 8. Оп. 2. Ед. хр. 2914/102; 2914/103. Письма Посылиной Анны (?) Посылину Степану (?). Иерусалим. 1889, 1900 (?).

³ В конце каждого письма стоят инициалы «Ф.П.». Предположение музейных сотрудников, что письма написаны шуйской купчихой Анной Посылиной не является верным. Установить авторство теоретически возможно, «вычислив» его из круга имен родных, упоминаемых в письме.

⁴ Псалтирь Следованная. – М., Синодальная типография, 1888. См. раздел «Зрячая пасхалия». Безусловно, можно установить точную дату паломничества, сведя воедино все факты писем: упоминаемые имена священноначалия или выяснив, например, в каком году посетил Иерусалим 9 апреля на Пасху Сербский король Милан (Обренович).

⁵ Путешествия в Святую Землю: Записки русских паломников и путешественников XII – XX вв. / Сост. Б.Н. Романов. – М., 1995. – С. 8.

⁶ Поплавская Л. О традиции православного паломничества в России. / Православный Паломник. 2001. – № 1(1). – С. 12.

⁷ Имеется в виду гостиничный номер.

⁸ Русским консулам в Бейруте в периоды массового наплыва наших паломников в Палестину предписывалось лично приезжать в Яффу и Иерусалим для оказания помощи странникам. См.: Платонова З. МИД России и паломничество в Святую Землю / Православный Паломник. 2002. – № 2(4). – С. 55.

⁹ Имеются в виду представители древнейших христианских церквей – Армянской и Коптской, которые обладают правом служения на этом месте после совершения службы священством Иерусалимской Православной Церкви.

¹⁰ Для паломников из России были установлены специальные рейсы пароходов Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ). Для небогатых странников цены на билеты были очень низкие: см. Платонова З. Указ. соч. – С. 56.

¹¹ ШИХММ 2914/102. Сохранена орфография и пунктуация оригинала. Публикуется впервые.

¹² Имеется в виду обряд Умовения ног, совершаемый в Иерусалиме ежегодно в Великий Четверг. См.: Дмитриевский. А.А. Умовение ног в Великий Четверг в Иерусалиме и на острове Патмосе. СПб., 1908.

¹³ В обрядовом действе Чина Умовения ног каждый из участников получает имя одного из апостолов. По традиции в числе участников присутствуют два женатых священника из арабов, из которых один – эконоом Патриархии, а другой обязан изображать лицо апостола Иуды, не Искариотского. См.: Дмитриевский А.А. Указ. соч.

¹⁴ Имеется в виду иеромонах, изображавший в обрядовом действе апостола Петра.

¹⁵ Имеется в виду чин Утрени, совершаемой в Великий Четверг, на котором происходит чтение 12 отрывков из Евангелия.

¹⁶ Улица, по которой шел на крестную смерть Иисус Христос.

¹⁷ Сошествие Святого Огня – чудо, происходящее ежегодно в Страстную Субботу в Воскресенском соборе Иерусалима.

¹⁸ Православные арабы обычно бурно выражают свои эмоции во время испросительной молитвы православного Патриарха о схождение Благодатного Огня.

¹⁹ Милан Сербский – король Сербии Милан (Обренович) (1854-1901), находившийся на престоле с 1861 по 1889 гг. Заметим, что одна из версий датировки писем (1889г.) приходится на год его отречения от престола.

²⁰ Имеется в виду 40 градусов по принятой тогда шкале Реомюра, что составляет 50 градусов по шкале Цельсия.

²¹ ШИХММ 2914/103. Сохранена орфография и пунктуация оригинала. Публикуется впервые

²² За время существования Русской Духовной Миссии и Православного Палестинского общества некоторая часть земель Палестины была приобретена Россией в собственность, что, действительно, сделало Святую Землю частью России.

В. В. ВОЗИЛОВ
(г. Шуя)

ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ЛЮДИ И ФАКТЫ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ)

Одной из задач интеллигенции является духовно-идеологическое воздействие на собственный народ, в том числе путем его образования и воспитания. Интеллигенция отдельного локального мира также выполняет эту задачу. Развитие системы образования, популяризация научных знаний, внедрение достижений научно-технического прогресса – все это присуще интеллигенции в силу ее особого предназначения в жизни общества.

Научно-технические общества возникли в России во второй половине XIX века. Основной задачей их деятельности стало объединение интеллигенции, работающей в различных областях отечественной промышленности, путем создания организационных структур, проведения Всероссийских съездов специалистов, устройства выставок и издания технической литературы. Наиболее заметную роль играли следующие технические союзы интеллигенции: Общество распространения технических знаний (1870 г.), Политехническое общество при Московском техническом училище (1877 г.), Лесное общество (1881 г.), Общество горных инженеров (1887 г.). Эти общества были многочисленными по составу, объединяли значительное число технических специалистов и получали финансовую поддержку известных предпринимателей. Например, общество горных инженеров насчитывало к 1903 году более 600 членов, а общество распространения технических знаний объединяло 500 человек и содержалось на средства К.Т. Солдатенкова, С.М. Третьякова, Мамонтовых и других фабрикантов. Всего в России к 1917 году насчитывалось около 50 крупных научно-технических обществ и кружков¹.

Известным центром общественной работы инженерно-технических специалистов стало Русское техническое общество, первое собрание которого состоялось 24 мая, а торжественное открытие – 20 ноября 1866 года². Общество, просуществовавшее до 1929 года, ставило своей целью распространение и популяризацию технических знаний, содействие развитию техники и технической промышленности в России. Для достижения поставленной цели члены Общества использовали лекции и публикации, развитие технического образования и помощь в инновациях, организацию конкурсов и выставок, содержание музеев и библиотек. Почетными членами РТО были Д.И. Менделеев, Н.Г. Жуковский, Т.А. Эдисон, А.Г. Эйфель. Действительными членами – А.Б. Нобель, С.И. Мамонтов, Н.И. Путилов. Русское техническое общество существовало на членские взносы и пожертвования, а также получало правительственные субсидии на содержание музея, издание «Записок РТО» и расходы Постоянной комиссии по техническому образованию. Общество содержало своих стипендиатов в Технологическом институте и помогало инженерам, окончившим курс, в

устройстве на работу. Последнюю обязанность позже взяло на себя возникшее в 1884 году при Технологическом институте Общество взаимного вспоможения технологов, объединявшее к 1893 году около 700 человек.

РТО состояло из отраслевых отделов, число которых постоянно увеличивалось. Всего их было около четырнадцати, из них наиболее известен Электротехнический отдел, открытый в 1879 году под руководством П.Н. Яблочкова. Этот отдел взял на себя работу по организации и проведению выставок по электротехнике, издание журнала «Электричество» и проведение Всероссийских электротехнических съездов. Первый из них состоялся в Петербурге в 1899 году и собрал 650 участников. В 1881 году возник Отдел железнодорожного транспорта и его эксплуатации. Специальная комиссия РТО активно занималась вопросами строительства Транссибирской магистрали.

Совместно с российскими предпринимателями РТО участвовало в организации съездов, на которых обсуждались вопросы развития отечественной промышленности. В 1870 году Общество приняло участие в Первом съезде русских фабрикантов и заводчиков, проведя предложение о мерах по организации технического образования для рабочих. Организация профессионального образования стала одной из главных задач РТО. Обществом были созданы несколько специальных школ, в том числе электротехнического, печатного и часовых дел. В 80-х годах XIX века были устроены 18 школ для детей и взрослых, в которых обучалось около тысячи человек. Общество проводило съезды по техническому и профессиональному образованию, например, такой съезд состоялся в 1890 году. РТО собирало статистический материал о состоянии образования в России.

РТО проводило большую работу по пропаганде и развитию техники в России и русской техники за рубежом. В 1870 году оно участвовало во Всероссийской мануфактурной выставке и открыло Технический музей. В 1882 году организовало цикл лекционных поездок по стране. Общество представляло русские отделы на международных выставках в Лондоне и Филадельфии. Центральным печатным органом РТО были «Записки Русского технического общества» (1867-1917 гг.; с 1874 г. – «Записки Императорского РТО»). Издавались и другие периодические издания, в том числе журнал «Техническое образование» (с 1892 г.), а также «Записки» региональных отделений РТО.

Общество имело отделения в ряде промышленных и научных центров страны. К началу XX века таких отделений насчитывалось около пятидесяти. Наиболее крупные из них были расположены в Одессе, Киеве, Нижнем Новгороде, Москве, Казани, Харькове, Эстляндии и на Кавказе. В 1893 году только в Петербургском отделении насчитывалось 627 членов. Иваново-вознесенское отделение РТО было открыто в воскресенье 14 февраля 1871 года. В связи с этим был отслужен торжественный молебен, произнесены речи и составлен адрес на имя почетного председателя Общества князя Николая Максимилиановича герцога Лейхтенбергского.

Председателем отделения был избран М.Н. Гарелин. На торжественном завтраке был поднят тост за здоровье Государя Императора и исполнен гимн «Боже, царя храни».

История Иваново-вознесенского отделения РТО делится на два периода: 1871-1881 годы и 1895-1917 годы. На первом этапе своей деятельности отделение насчитывало около 90 членов (по состоянию на 1874 г. — 91 член), имело библиотеку и вело работу по осуществлению целей, заявленных в Уставе РТО. В эти годы отделение участвовало в выставках, занималось пропагандой научных знаний, поощряло научные и образовательные мероприятия. При отделении был создан минералогический кабинет, в основу которого была положена коллекция из 300 экземпляров, полученная от Петербургского музея прикладных знаний. В 1874 году отделение способствовало разысканию полезных ископаемых на территории Шуйского уезда, прежде всего каменного угля. Для достижения целей в области образования был создан класс технического черчения на 133 человека, содержавшийся на деньги М.Н. Гарелина. При этом классе существовали вечерние уроки арифметики. Была создана также комиссия по исследованию причин взрыва Барловских кубов. Собирались статистические сведения, в частности, о состоянии машиностроения в России. Отделение не оставалось в стороне от общественной жизни. В годы Русско-турецкой войны (1877-1878 гг.) оно собирало средства и дезинфекционные материалы для действующей армии и Красного креста.

26 февраля 1895 года по инициативе местных фабрикантов общество возобновило свою работу. Оно расположилось вместе с библиотекой в доме Городского общества. Общие собрания проводились в помещении Общественного собрания или городской Думы. Для залы заседания Совета отделения М.Н. Гарелин пожертвовал портрет Николая II. На втором этапе деятельности отделение возглавлялось Н.А. Ясунинским (в 1895-1910 гг.), М.Н. Крыловым (в 1910-1913 гг.) и В.А. Гандуриным (с 1913 г.). Почетным членом отделения стал М.Н. Гарелин. Членами общества были И.М. Сыромятников, Н.Г. Бурюлин, Г.Н. Дербенев, А.М. Гандурин. Основную часть отделения составляла местная инженерно-техническая интеллигенция, но при этом в него также входили рабочие и студенты. Членские взносы составляли 50 рублей в год.

Структура ИВО ИРТО включала в этот период Отдел химических средств и металлургии, Постоянную комиссию по техническому образованию, Механико-строительный отдел (с 1911 г.), рабочие комиссии. Из последних нужно отметить комиссию по выработке условий выемки проб сточных вод для анализа и комиссию по разработке вопроса регенерации олеиновой кислоты из сточных мыльных вод. Поддерживались отношения с другими отделениями, например, Московским и Бакинским. Основными формами работы были общие собрания членов, заседания Совета отделения, заседания комиссий, технические беседы, собеседования, публичные лекции, лабораторные анализы и прочее. Темы докладов, технических бесед и

собеседований носили практико-познавательный характер и имели главным образом прикладное значение. Основная часть докладов касалась текстильной промышленности, новых способов крашения и отделки хлопчатобумажных изделий. Были также доклады о новейших достижениях науки в области химии и физики, в том числе фотографии и электричества. Обсуждались также изобретения местных самоучек-«кулибиных».

В 1903 году была открыта химическая лаборатория отделения при местной школе колористов. Она занималась в основном заказами местных фабрикантов и проводила анализы, исследования и эксперименты, что приносило некоторую прибыль. Большую работу вела комиссия по техническому образованию под председательством директора реального училища И.М. Сыромятникова (в 1902 г. его сменил Я.Г. Владимирова). В 1899 году были организованы вечерне-воскресные классы для рабочих. В них обучалось до 200 человек в год. Обучающиеся сдавали экзамены, по результатам которых наиболее успевающим давались льготы в прохождении воинской повинности. По просьбе Постоянной комиссии ИРТО Иваново-вознесенское отделение собирало сведения о находящихся в Шуйском уезде школах при фабриках и заводах.

Отделение активно участвовало в общественной жизни. В 1896 году члены общества побывали на коронационных торжествах, промышленно-художественном и торгово-промышленном съезде в Нижнем Новгороде. В 1900 году многие члены отделения посетили Всемирную выставку в Париже. В 1914-1915 годах ИВО ИРТО занималось мероприятиями, связанными с организацией обороны страны: оказывали помощь раненым, способствовали переводу промышленности на военные рельсы, готовили инструкторов для заводов и фабрик, работающих для нужд фронта. Из числа членов отделения были исключены подданные иностранных государств, воюющих против России.

Отделение активно пропагандировало свою деятельность. С 1904 по 1916 годы вышло девятнадцать выпусков «Записок Иваново-вознесенского Отделения ИРТО». В отдельные годы публиковались ежегодные печатные отчеты о работе отделения. Был издан Устав и Инструкция Отделению, каталог библиотеки и несколько технических бесед. Нельзя не согласиться с выводом К.Е. Балдина, что отделение «способствовало дальнейшему развитию технического прогресса в текстильной промышленности ивановского края, распространению технических знаний как среди местной интеллигенции, так и среди рабочих»³.

В среде инженерно-технической интеллигенции Шуйского уезда неоднократно поднимался вопрос о необходимости открытия в Шуе и Иваново-Вознесенске средних и высших учебных заведений. Еще в 1816 году в Шуе было открыто духовное училище⁴. Кроме того, обсуждался вопрос о необходимости открытия учительской семинарии, которая могла бы обеспечивать учителями народных школ ряд уездов Владимирской губернии и технического вуза, который мог бы удовлетворить потребности местной

промышленности в квалифицированных инженерно-технических кадрах. В 1874-1875 и 1913-1914 годах решался вопрос об устройении учительской семинарии, но по разным причинам (вначале финансовым, а затем в связи с началом Первой мировой войны) она открыта не была⁵.

В личном деле И.И. Власова, хранящемся в бывшем музее М.В. Фрунзе в Шуе, имеется рукопись статьи «Образование Иваново-вознесенского политехнического института (из личных воспоминаний)», датированная 1928 годом⁶. По мнению Власова, идея организации технической школы была впервые высказана 17 ноября 1913 года в Иваново-вознесенском «Новом клубе» в лекции редактора-издателя «Вестника мануфактурной промышленности» Ч. Иоксимовича «Итоги балканской войны и промышленно-мануфактурный кризис», в которой прозвучала мысль, что для усиления конкурентоспособности ивановских тканей необходима организация технического образования в Иваново-вознесенском районе. Несмотря на резонанс, который произвело это выступление, ивановские фабриканты не смогли предпринять конкретных шагов к созданию высшей технической школы, т.к. в текстильной промышленности наблюдался спад⁷.

Ситуация изменилась в годы Первой мировой войны, когда из-за закрытия польских и белорусских фабрик и роста цен на хлопчатобумажные ткани ивановские фабриканты сосредоточили в своих руках значительные финансовые средства. В ноябре 1916 года во Владимире возникло организационное бюро съезда фабрикантов и заводчиков Владимирской губернии по техническому образованию, которое ставило своей целью учреждение в губернии технического учебного заведения. Организационное собрание фабрикантов и заводчиков состоялось 27 ноября 1916 года в Москве в гостинице «Метрополь». Разногласия между председателем собрания А.Ф. Малининым и ивановскими фабрикантами Н.Г. и Д.Г. Бурьлиными в том, где будет располагаться и на какие средства будет содержаться техническая школа, привели к тому, что в целом вопрос был отложен. Февральская революция, а затем и самоубийство 14 июня 1917 года А.Ф. Малинина отодвинули идею организации технической школы.

Становление высшей технической школы в Ивановском крае произошло после Октябрьской революции и связано с именем М.В. Фрунзе. Благодаря его усилиям, первым высшим техническим учебным заведением, созданным советской властью, был Иваново-вознесенский политехнический институт⁸. По воспоминаниям Власова, в апреле 1918 года на Третьем губернском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов комиссар просвещения И.Е. Любимов высказался за перевод из Москвы в Иваново-Вознесенск Рижского политехнического института. Это предложение поддержал М.В. Фрунзе. В Рижском политехническом институте, эвакуированном в 1915 году в Москву, в это время обучалось около 500 студентов при 100 профессорах. 2 мая 1918 года в губисполкоме под председательством Фрунзе состоялось расширенное совещание по вопросу открытия в Иваново-Вознесенске высшей технической школы путем

перевода Рижского политехникума, в котором принимали участие и представители ИВО РТО. М.В. Фрунзе предложил собравшимся высказаться о материальной поддержке института со стороны государственных и общественных организаций, а также частных лиц. Совещание признало, что перевод Рижского политехникума необходим в полном составе и губерния сможет оказать ему материальную помощь в необходимых размерах.

14 мая 1918 года в Москве на заседании Государственной комиссии по просвещению, соединенном с межведомственным совещанием, был окончательно разрешен вопрос об учреждении ИВПИ. На этом заседании М.В. Фрунзе, изложив результаты совещания от 2 мая при губисполкоме и указав на необходимость института для дальнейшего развития Иваново-вознесенского района, рассказал о проведенных им в Москве беседах с преподавателями и студентами. Он отметил, что профессорский состав высказывается очень нерешительно о переводе РПИ в Иваново-Вознесенск, а студенты в большей своей части высказались за такой перевод. Поэтому Фрунзе предложил Государственной комиссии решить вопрос о создании высшего технического учебного заведения в Иваново-Вознесенске и использовании для этой цели Рижского политехникума. Государственная комиссия вынесла постановление о необходимости открытия политехникума в Иваново-Вознесенске.

В Шуйском историко-художественном и мемориальном музее в личном деле И.К. Гамбурга, близкого друга М.В. Фрунзе, хранится машинопись воспоминаний о Фрунзе⁹. В ней, в частности, указывается, что 21 мая губисполком ассигновал 300 тыс. руб., шуйское общество заводчиков – 100 тыс. руб., шуйское земство – 196 тыс. руб., Куваевское товарищество ситцевой мануфактуры – 500 тыс. руб. на перевод РПИ. За короткий срок было собрано 3,5 млн. руб. 1 июня состоялось чрезвычайное заседание губисполкома с представителями профессорского состава и студентов РПИ под председательством Фрунзе. Было признано, что отведенные под институт помещения вполне пригодны для занятий, а собранные средства обеспечат перевод института в Иваново-Вознесенск. 8 июня состоялся вторичный приезд комиссии из Москвы. На заседании губисполкома председатель комиссии заявил, что считает этот день днем открытия высшего технического учебного заведения в Иваново-Вознесенске. По мнению И.К. Гамбурга, формально перевод РПИ не состоялся, т.к. по решению СНК он перебазировался в Ригу. Но по решению Наркомпроса и СНК осенью 1918 года в Иваново-Вознесенске был создан политехнический институт.

Открытие политехнического института в Иваново состоялось 10 августа 1918 года, а первые лекции в нем были прочитаны 22 октября того же года. ИВПИ заложил основу всех ивановских вузов¹⁰. С историей ИВПИ связано имя В.М. Гессена (1868-1920) – известного правоведа, члена ЦК конституционно-демократической партии. В конце 1918 года в Иваново был образован также педагогический институт. В последнем, в частности, преподавали крупные ученые того времени Д.М. Петрушевский,

А.А. Кизеветтер, Б.И. Сыромятников, А.Н. Зограф, Э.Э. Понтович и другие¹¹. Помню ивановских вузов в 1918 году в Шуе на базе духовного училища открылись краткосрочные рабоче-крестьянские педагогические курсы, преобразованные в 1921 году в педагогический техникум, который в 30-е годы стал педагогическим училищем имени Н.К. Крупской, а с 1939 года – учительским институтом.

Приведенные факты свидетельствуют, что интеллигенция Ивановского края, независимо от того, к какому политическому лагерю она принадлежала, старалась всячески содействовать развитию системы образования в провинции.

¹¹ См.: *Грушинский А.Е.* Тридцать лет жизни Учебного отдела Общества распространения технических знаний. М., 1902; *Лейкина-Саурская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971; Научно-технические общества в России. Исторический очерк. М., 1968.

¹² См.: Краткий исторический очерк деятельности РТО. СПб., 1893; Памятная книжка членов ИРТО (1866-1888). СПб., 1888.

¹³ *Галдин К.Е.* Иваново-вознесенское Отделение ИРТО – организация провинциальной технической интеллигенции // Земства и Советы: исторический опыт и современной проблемы местного самоуправления: Сб. ст. Иваново, 1995. С. 71-73. См. также: *Добрынина А.М.* Научные общественные организации Владимирской губернии второй половины XIX – начала XX веков // Краеведческие записки. Вып. VI и VII. Иваново, 2001. С. 261-270.

¹⁴ См.: *Правдин Е.* История Шуйского Владимирской губернии духовного училища. Владимир, 1887.

¹⁵ *Ставровский Е.С.* Учительская семинария: две неудавшиеся попытки открытия // Провинциальный анкет. Вып. 2. Шуя, 2002. С. 8-11.

¹⁶ НИИХММ (Шуйский историко-художественный и мемориальный музей). Мемориальный отдел М.В. Фрунзе. ИВФ. Фонд И.И. Власова. Инв. № 2051.

¹⁷ *Власов И.И.* Образование Иваново-вознесенского политехнического института (из личных воспоминаний). Вступ. ст. и подг. текста А.М. Семененко // Интеллигенция и мир. 2003. № 1-2. С. 105-114.

¹⁸ См.: *Будник Г.А.* Высшее инженерно-техническое образование в России в 1946-1970-е годы: Учебное пособие к спецкурсу. Иваново, 2001. С. 25-26.

¹⁹ НИИХММ. МО М.В. Фрунзе. ОФ. Фонд И.К. Гамбурга. Инв. № 2822. С. 12-14.

²⁰ См.: Годы. Люди. Сверхшения. К 70-летию текстильного вуза в Иваново. 1930-2000. Иваново, 2000. С. 12-13. См. также материалы VI областной краеведческой конференции, посвященной 80-летию образования Ивановского политехнического института (Краеведческие записки. Вып. VI и VII. Иваново, 2001).

²¹ См.: *Семененко А.М.* В.М. Гессен в Иваново-Вознесенске: неизвестные факты биографии // Иваново-вознесенский юридический вестник. 2001. № 11. С. 43. См. также: *Савенко Г.В.* Юристы социально-экономического факультета Иваново-вознесенского политехнического института (1918-1922 гг.) // Иваново-вознесенский юридический вестник. 2002. № 2. С. 34-40; *Семененко А.М.* И.И. Власов и Иваново-Вознесенск: штрихи к портрету // Иваново-вознесенский юридический вестник. 2002. № 1. С. 37-39. См. также: *Возилев В.В.* Интеллигенция провинциального города в истории России: Научные очерки и учебные материалы к спецкурсу по локальной истории. Иваново, 2003. С. 115-116, 157-160.

«КАК НА УВОДИ ВОНЮЧЕЙ СТОИТ ГОРОД НАШ МОГУЧИЙ»

В начале XX века Иваново-Вознесенск являлся самым крупным городом Владимирской губернии. За ним, по статистическим данным, следовали Владимир и Шуя. 59 промышленных предприятий, на которых работало более 27 тысяч человек, обеспечивали городской казне Иваново-Вознесенска самый высокий в губернии доход. Большинство предприятий составляли отделочные фабрики, которые выпускали готовые хлопчатобумажные ткани. Ивановские ситцы продавались не только на ярмарках в Москве, Нижнем Новгороде, Ростове, Харькове, но и за границей, поэтому город все чаще стали называть «Русским Манчестером». Сравнение с известным английским текстильным центром могло легко ввести в заблуждение любого человека, никогда не видевшего Иваново-Вознесенска в тот период и представлявшего себе благополучный и процветающий город. Что же в действительности представлял собой Иваново-Вознесенск начала XX века?

В августе 1909 года газета «Старый Владимирец» опубликовала статью «Русский Манчестер», автор которой дал описание города: «... поражает внешний вид Иванова. Не разберешь, город это или деревня. На улицах пыль и грязь, нет бульвара для гуляния, нет водопровода. Есть река Увось, но и она загрязнена отходами и похожа на безобразную кашу. Общее впечатление крайне удручающее!». Данная статья в очередной раз затронула одну из самых важных проблем города – состояние реки Увось, которая вплоть до XIX века давала не только воду для питья и хозяйственных нужд, но и обеспечивала жителей города рыбой. С появлением на берегах реки Увось текстильных фабрик вода в ней не только перестала быть пригодной для питья и бытовых нужд, но вызывала массовую гибель рыбы. Годом ранее то же печатное издание сообщало, что по реке Увось в Клязьму плыло несколько тысяч пудов мертвой рыбы, отравленной фабричными сточными водами.

Безусловно, вопрос о состоянии реки Увось неоднократно рассматривался на заседаниях городской думы. Впервые он был поднят в 1874 году, но не получил разрешения. Крестьяне, жившие в этих местах, пытались бороться с фабрикантами за чистоту Уводи. Дело закончилось тем, что их предупредили об увольнении и закрытии для них доступа на фабрики.

В 1895 году гласный думы фабрикант А. Гандурин заявил, что «очистка реки от фабричных отходов – пустая и даже вредная затея. Спуск нечистот ... полезное дело: загрязненная фабричными сбросами река испускает едкие туманы, которые дезинфицируют и очищают воздух от зародышей и микробов всякого рода эпидемий: холеры, чахотки, скарлатины».

Не изменили ситуацию и обязательные санитарные постановления для Владимирской губернии, изданные в 1904 году, где говорилось о недопустимости спуска грязных промывных фабричных вод в реки, ручьи и другие водохранилища.

Летом 1908 года смотритель рыболовства 3-го участка бассейна реки Волги г. Самойлович провел исследование воды в реке Уводь и получил печальные результаты. Вода в реке выше иваново-вознесенских фабрик содержала 4 % кислорода. Пробы воды, взятой у фабрики Зубкова, показали, что в ней вовсе не содержится кислород. В местечке Ямы в Уводи не вода, а сероводород². Для справки: жизнь карасей при наличии в воде 1,5 % кислорода невозможна. Такая ситуация серьезно отражалась на здоровье жителей города и близлежащих деревень. Люди страдали головными болями, массовыми были случаи отравления рыбой. В городе повысился процент больных кишечными инфекциями. Сено, которое жители заготавливали на корм скоту, оказывалось непригодным и вызывало падеж скота.

О плачевном состоянии Уводи в начале века можно судить и по следующим фактам. В Иваново-Вознесенске около фабрики Гандуриных рабочие занимались ремонтом Соковского моста. Они плавали под ним на плоту и смазывали сваи специальным составом, защищавшим от гниения. Для обработки двух свай состава не хватило, и рабочие, зачерпнув воду из реки, стали замазывать ей оставшиеся сваи. По внешнему виду отличить эти сваи от остальных было невозможно. Степень загрязнения реки была настолько высокой, что у Соковского моста существовали «нефтеловые заведения» - резервуары, куда отводился верхний слой воды с нефтью. Не удивительно, что при высоком содержании в реке нефтяных отходов вода могла гореть!

Единственное, что было сделано, - это открытый деревянный лоток для спуска фабричных вод, сооруженный в 1904-05 гг., но он заканчивался в центре города у Тулякова моста, поэтому все нечистоты продолжали поступать в реку.

В 1909 году санитарным советом при городском общественном управлении были рассмотрены выработанные Медицинским советом России нормы и правила, которым должны были удовлетворять сточные воды, спускаемые в общественные водоемы. Рассмотрев на своем заседании эти нормы, санитарный совет пришел к заключению о невозможности введения этих правил в городе до разработки данного вопроса законодательным путем.

В этих условиях населению приходилось пользоваться водой из колодцев, расположенных на улицах и при домах. Это были деревянные срубы, которые не предохраняли воду от загрязнения. Все колодцы были устроены жителями города без помощи фабрикантов.

Городская управа на своем заседании в 1911 году поручила санитарному врачу провести анализ воды не менее, чем в 20 колодцах и решила провести опрос жителей о состоянии колодцев и стоимости их содержания, для чего было подготовлено 300 опросных карточек. Были

получены сведения о 224 колодцах. Жители признали пригодной для питья воду в 156 колодцах. Из 36 колодцев вода берется только для домашних надобностей, но, по оценке жителей, «для питья нехороша, очень жесткая, содержит муть». Остальные 32 колодца были признаны совершенно непригодными для питья. В отчете санитарного врача содержатся еще более печальные факты. Анализ воды в 20 колодцах показал, что в 13 из них вода заражена кишечной палочкой и совершенно непригодна для питья. Оказался непригоден и «Таисин колодец», из которого брала воду почти четверть населения города, считая ее хорошей и мягкой³. Получив эти результаты, городская дума приняла самое простое решение - некоторые колодцы попросту засыпать.

В 1912 году в соответствии с циркуляром Владимирского губернатора вопрос о сточных водах вновь обсуждался на заседании городской думы. Врачебная комиссия, обсудив циркуляр, признала рекомендуемые нормы приемлемыми для города Иваново-Вознесенска в минимальных размерах и просила городскую управу составить проект обязательных постановлений и внести их на утверждение думы.

Проект содержал следующие требования к сточным водам, подлежавшим сбросу в общественные водоемы: они не должны содержать ядовитых веществ, температура воды не должна быть более 40 градусов, не иметь ярко выраженной кислотной или щелочной реакции, гнилостного запаха, пленок жира или нефти, кроме того, не должны были ухудшать санитарное состояние водоемов⁴. На своем заседании дума опять решила передать проект на рассмотрение комиссий: врачебно-санитарной и о местных пользах и нуждах.

Членами врачебно-санитарной комиссии был проведен осмотр реки Уводь в пределах Иваново-Вознесенска. Осмотр был начат с левого берега реки Уводь, где находилась отбельная фабрика Зубкова. Там начинался канал для спуска воды с фабрик. Почти наполовину своей глубины канал был заполнен осадками и требовал значительной чистки. Канал после фабрики Зубкова переходил на правый берег над рекой, поэтому все отходы фабрика спускала в реку. У фабрики Гандурина канал возвращался на левый берег, проходил через Куваевскую мануфактуру и вновь переходил на правый берег, вливаясь в реку. На протяжении канала имелись отверстия, через которые часть воды стекала в реку. Выяснилось также, что фабрика Витова отводит свои сточные воды особым каналом прямо в реку. По оценкам проверяющих, вода в реке в черте города была розовато-бурого цвета от взвешенных частиц. В воде была найдена кишечная палочка. Берега Уводи были завалены сваями и заборами, местами совсем преграждавшими путь к реке⁵.

В ноябре 1912 года состоялось очередное заседание комиссий с участием владельцев фабрик, на котором было решено выводить сточные воды за черту города особым коллектором. Комиссия постановила отложить рассмотрение вопроса, предоставив фабрикантам срок 3 месяца - до февраля 1913 года, который затем был продлен до августа, на выработку соглашения

между собой и составление смет и проектов на устройство идущего в земле закрытого коллектора для отвода сточных вод. Год спустя комиссия направила в городскую управу заявление, в котором сообщалось о невозможности постройки коллектора по техническим причинам. Только спустя год комиссия решила приступить к выработке проекта постановлений с санитарных требований к сточным водам, подлежащим спуску в городские водосмы. В феврале 1914 года городская дума наконец утвердила этот проект, и в августе он вступил в законную силу.

Таким образом, вопрос о состоянии реки Уводь, впервые поднятый на заседании городской управы в 1874 году, решался на протяжении сорока лет, что само по себе уже показательно.

¹ Старый Владимирец (Владимир). – 1909. - № 8.

² Старый Владимирец. – 1908. - № 7.

³ ГАИО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 585. Л. 8.

⁴ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4397. Л. 250.

⁵ Врачебно-санитарный обзор г. Иваново-Вознесенска за 1913 г. – С. 31.

М.В. ФРУНЗЕ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР В ШУЕ

22 мая 1906 г. на кинешемской конференции всех фабрично-заводских организаций РСДРП, включая Вичугу и Родники, М.В. Фрунзе («Арсений») выступил инициатором создания боевых дружин, призванных охранять демонстрации рабочих и митинги от противодействия со стороны полиции и жандармерии¹.

Вооружались револьверами, кинжалами, охотничьими ружьями. Кинжалы и патроны изготавливались на механических заводах. Револьверы собирали «с бора по сосенке»: у родных, знакомых, некоторые ремонтировали, изымая их из театрального реквизита. Оружие перехватывалось и на железных дорогах. Изготавливали и ручные примитивные бомбы – «македонки».

Весь этот арсенал сразу же пускался в дело: перестрелки с полицией и кровавые столкновения с казаками во время демонстраций, митингов, маевок, неоднократные «экспроприации» у фабричных кассиров, на железнодорожных станциях и пр.

Наиболее значительным событием в Шуе в годы первой русской революции стал захват в январе 1907 г. группой боевиков во главе с М.В. Фрунзе типографии для напечатания 2 тыс. листовок агитационного характера перед выборами в Государственную думу.

Однако не всегда боевыми дружинами ставились такие «благие» задачи. Зачастую их действия носили преимущественно уголовный характер, подпадая под статьи «Уголовного уложения» и «Уложения о наказаниях».

Так, в «Списке дел, рассмотренных Временным военным судом в г. Владимире в 1909 г.», касающихся г. Шуи и Шуйского уезда, помимо вооруженного нападения на винную лавку Сазановым Яковом (приговорен к каторжным работам на 13 лет, 9 месяцев, 27 дней) есть статья и «О покушении на убийство урядника Никиту Перлова в г. Шуя» М. Фрунзе и П. Гусевым («Северный»), которые были приговорены к смерти через повешение².

В «Приговоре по указу Его Императорского Величества 1910 г. сентября 22 дня» их действия подпадали под статьи, предусмотренные 13, 119 ст. Уложения о Наказаниях, п. 1 ст. 18 Положения об охране и ст. 279 XXII кн. С.В.П.³.

Согласно этому «Приговору...», «будучи недовольны (выделено мной. – А. К.) местным полицейским урядником Перловым за его служебную деятельность, по предварительному между собою соглашению 21 февраля 1907 г. в г. Шуя, в местности, объявленной на положении усиленной охраны⁴, умышленно, с целью лишить жизни названного Перлова, произвели в него ряд выстрелов из заряженных боевыми патронами револьверов, не причинив

Перлову никакого вреда, т.к. промахнулись, при чем судом признано, что оба подсудимые: Фрунзе и Гусев принимали в совершении изложенного деяния одинаковое участие»⁵.

По изложенным соображениям временный военный суд в г. Владимир постановил лишить их всех прав состояния и каждого подвергнуть смертной казни через повешение.

Однако данный приговор командующим войсками Московского всенного округа генералом от кавалерии Плеве 7 октября 1910 г. был заменен ссылкой в каторжные работы (Фрунзе на 6 лет, Гусев на 8)⁶.

Итак, именно «недовольство» побудило двух активных деятелей революционного подполья пойти на столь опасный шаг. Что же произошло в тот февральский день 1907 г.? Архивные материалы позволяют ответить и на этот вопрос.

Перлов пострадал за свою «служебную деятельность»! Согласно рапорту от 16 декабря 1906 г., «в 11 часов ночи 14 сего декабря отряд конных стражников под командой (здесь и далее орфография и стиль документа сохранены. — А. К.) урядника Перлова, находясь в разъезде по окрестностям г. Шуи, близ полотна железной дороги заметил сходку человек в 300 и направился к таковой»⁷. При этом был арестован провизор местной аптеки Волова Владимир Дробинский, у которого на квартире были найдены 74 нелегальные брошюры разного содержания, отчет Шуйской группы РСДРП за январь и февраль месяцы текущего года и несколько разных писем и записок, свидетельствующих о принадлежности Дробинского к противозаконной организации.

Это и было причиной дерзкого нападения через два месяца на Перлова Фрунзе и Гусевым, которые, вероятно, посчитали действия урядника опасными для деятельности как местной организации РСДРП, так и самой боевой дружины.

Сразу же после ареста начались волнения на фабриках, заводах: «Шуе арестован окружной агитатор Арсений все фабрики встали требуют освобождения ожидаю столкновений осаждают полицейское управление необходимо подкрепление составе не менее двух рот»⁸. Запрос Владимирского губернатора Сазонова вначале Министру внутренних дел: «Шуе забастовали фабрики вследствие ареста агитатора», затем предписание в Ковров командиру казачьей сотни: «Предлагаю немедленно выступить Шую для оказания поддержки Исправнику осажденному толпою рабочих» и ответ шуйскому исправнику: «Посылаются казаки и пехота открытый бунт не может быть допускаяем» не заставили себя ждать⁹.

В защиту арестованных выступили также члены Государственной думы Жиделев, Алексинский, Романов, которые в телеграмме Владимирскому губернатору четко определили свою позицию: «Полиция арестовала Шуе Гусева и других арестованных истязали настаиваем на немедленном расследовании освобождении Шуйские рабочие взволнованы нашим». Ответ Министра Внутренних дел Столыпина губернатору,

который впрочем, легко было предугадать, последовал незамедлительно: «Члены Государственной думы не имеют никакого права обращаться к Вам с требованиями и Вы совершенно правильно оставили их заявление без ответа» (всё от 24 марта 1907 г., т.е. в тот же день, что говорит о серьезности положения)¹⁰.

То есть, резонанс после ареста был достаточно сильный. Что и говорить, если Фрунзе этапировали во Владимирскую тюрьму две роты солдат и казаки.

Эти события, «пелевинское дело»¹¹, трудности партийного руководства, контроля за деятельностью дружинников поставили вопрос об их упразднении. V съезд РСДРП 19 мая 1907 г. постановлением «О партизанских выступлениях» подтвердил необходимость распустить боевые дружины, заменив их партийной милицией исключительно для охраны собраний, демонстраций, массовок.

¹ Виноградов И. Зарницы Верхнего Поволжья. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство. 1966. С. 45-46.

² ГАВО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2599. Л. 154.

³ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21433. Л. 32.

⁴ «Доношу, что уезды: Шуйский, Ковровский, Суздальский, Юрьевский, Покровский и Александровский, по которым проходит район Юрьев-польского отделения Владимирской губернии находятся в положении усиленной охраны» — Донесение № 615 от 6 сентября 1906 г. — ГАИО. Ф. 337. Оп. 2. Д. 3. Л. 42.

⁵ ГАВО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2599. Л. 32.

⁶ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21433. Л. 32. — 15 февраля 1915 г. П.Д. Гусев скончался в тюрьме от туберкулеза.

⁷ Там же. Ф. 14. Оп. 10. Д. 445. Л. 1.

⁸ Из телеграммы исправника Лаврова Владимирскому губернатору от 24 марта 1907 г. — Там же. Ф. 14. Оп. 10. Д. 445. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 7-8.

¹⁰ Там же. Л. 12-13.

¹¹ В 1906 г. в Вичуге был задержан начальник вичугской боевой дружины Метельков, который со своей организацией был обвинен в ограблении продовольственной лавки заводчика Пелевина. Из судебного дела нельзя было установить, кто ограбил лавку Пелевина, тем не менее привлеченные понесли суровое наказание (некоторые умерли в тюрьме от истязаний еще до суда). См.: Виноградов И. Указ. соч. С. 48.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЖИТЕЛИ ШУЙСКОГО РЕГИОНА

Выдвигаемая тема неоднократно и в разное время привлекала к себе внимание наших соотечественников. Прежде всего ее пытались поднять сами жители региона, нередко существенно расширяя ее границы до охвата всей России. Для начала напомним имена и выступления К.Д. Бальмонта, А.Д. Сумарокова, Е.Ф. Вихрева, крестьянина-мастерового И.М. Кищенко (из села Ширяево Ильинской волости). Свою лепту в ее осмысление и раскрытие внесли краеведы. В частности, около пятидесяти лет ею интересовался, собирал материалы для ее раскрытия доктор Н.А. Звездин. Беглая информация о ней появлялась в некоторых из их печатных выступлений (и на страницах местной прессы и в очерковых книгах)¹. Затрагивалась она и нами².

Однако многое в выдвигаемой теме еще не сделано. Задачи нынешнего нашего обращения к ней видятся в разыскании нового, в объединении с уже известным и в связи с этим – в укреплении самой проблемы и в воссоздании объемной и перспективной картины, а также – в призыве искать еще, может быть, обозначив на сегодня возможные ориентиры продолжения новых разысканий.

Результат, как нам представляется, будет иметь существенное значение для все более обостряющейся сейчас проблемы провинциальных культурных гнезд. Скромным людям из глубинки, в том числе – и шуянам – обычно свойственна недооценка своего бытия, они подчас не могут отойти от сложившихся далеко не всегда объективно стереотипов. Но именно глубинные роднички, ручейки и реки питали культуру регионов, делали ее многомернее, чем принято говорить об этом.

Применительно к Л.Н. Толстому сделанное разными людьми и наш скромный вклад убеждают не только в обилии материала по выдвинутой теме, но и в его значительности. Соглашаясь с аксиомой о невозможности объять необъятное, остановимся лишь на некоторых «сгустках», «узлах», важных для времени их возникновения и открывающих перспективу для будущих исследований и исследователей.

Уже восьмидесятые годы XIX века позволяют определенно говорить об интересе некоторых из шуян к Толстому в связи с участием в так называемом «противоправительственном кружке» (И.П. Предтеченского). Если сведения автора одной из первых статей³ об этом кружке верны, то раздумывали над текстами Толстого и художественными, и публицистическими, и нравственно-религиозными (в частности, читали полное критических идей «Новое евангелие»). Справедливости ради скажем, что здесь, как и в возникших параллельно или несколько позднее других «кружках самообразования», Толстой шел в ряду тех знаменитых людей, на чьих воззрениях и произведениях можно было поучиться: приобщались к

сочинениям Маркса, Лассаля, Чернышевского, Степняка-Кравчинского, Лаврова и др. И хотя роль Толстого в этих средах еще следует прояснять, нельзя не согласиться с И.И. Власовым, утверждавшим, что ряд молодых людей нашего региона пытался «строить жизнь» под воздействием отдельных идей великого писателя⁴.

К такой форме общения и развития восходила организация «толстовской коммуны» рабочим А.Е. Ноздриным в селе Жажлево, полагавшим вслед за своим учителем в пору поиска пути к «свету истины», что «жизнь деревень изобилует многими хорошими сторонами»⁵, но довольно скоро отошедшим от этого мнения. Вплоть до конца семидесятых годов XX века функционировало поселение толстовцев в деревеньке Савино (один километр от поселка Савино)⁶. Нельзя умолчать о подвижничестве Толстому и его идеям учителя Александра Ивановича Доброхотова (1865–1940), начавшего свою трудовую жизнь в Яснополянской школе и многие годы работавшего в селе Вознесенье. Еще большую убедительность раскрытие выдвинутой темы обрело бы при включении собранных когда-то (1976–1977 гг.) студенткой Ивановского государственного университета, впоследствии учительницей Л. Шкуриной, суждений старых крестьян нашего региона (преимущественно Южского района) о взглядах, произведениях, личности Толстого⁷. Единомышленники Толстого жили и в Палехе. Недавно художник К.С. Бокарев рассказал об относящихся к другому времени событиях из жизни своего земляка: «...еще до войны художник Бонокин был приверженцем учения Льва Толстого. И он не скрывал своих взглядов, за что и был посажен на 10 лет. А отбыв свой срок, он вернулся в коллектив художников. Но “толстовским” взглядам он не изменил. И вскоре был снова арестован и больше из заключения не вернулся»⁸.

Что-то из произведений великого бунтовщика и откликов на них приходило к читателям нашего края весьма стремительно в сравнении с сроком их создания. Подтвердим это фрагментом датированного 31 мая 1887 года письма (подпись неразборчива) из поселка Мстера, адресованного некоему Ивану Александровичу (может быть, известному книготорговцу Гольшеву, имевшему деловые контакты с рядом русских писателей?): «Привезенную Вами драму Л. Толстого (“Власть тьмы”, 1887. – Л. Р.) прочитал и нахожусь в большом раздумье..., прихожу к тому, что некоторые базарные рецензенты осмелили его раньше времени и весьма несправедливо. Правда, драма эта как специально для театральной сцены вещь почти никуда не годящаяся, но зато как литературный очерк нравов темной русской среды чрезвычайно редкая и, по моему слабому пониманию, очень талантливая: какое знание и знание исключительное простого народного говора, наконец, неподдельная правда нравов, а типы – это редкость. Одно мне не нравится, что все действующие лица обладают непременно излюбленными поговорками... Имеются свои неперменные поговорки; но имеют их немногие, а тут у всех лиц на языке поговорки; сойтись так людям, всем имеющим свои характерные поговорки, трудно.

Старик Аким был обозван рецензентами безвестным проходимцем; это не так: по-моему, это человек с большими религиозными правилами и с чистым умом, но не одаренный даром слова; он много видит, прекрасно понимает, но не может высказать, потому "то есть", "это", "так" – продолжение его скрытых духовных взглядов. Никита, как человек совершенно бесхарактерный, немного в конце изменяет себе. Матрена – «на языке медок, а на сердце ледок» – вполне ведьма, но только не киевская, а наша, более худшая, ну, просто «ягодка», да не очень сладкая, а очень горькая, вонючая. Анистья – каких много.

Многое хотелось бы сказать, да не судья я Толстого, потому младенец и не гоюсь к нему даже в переписки, а, может, и еще куда ниже. Пишу взгляды свои затем, чтобы проверить себя⁹.

Заметив, с какими серьезными критериями производится оценка (изображение среды, талант, знание языка, правда), скажем и о том, что мнение о трудности постановки произведений Толстого на театральной сцене не безоговорочно справедливо. Ставились. И не только профессионалами. Весной 1917 года драматическая секция Иваново-вознесенского общества «Искусство» поставила спектакль «Власть тьмы», наряду с пьесами «Лес» Островского и «Огарки» Скитальца-Петрова.

В 1918 году еще один из жителей нашего региона – М.Д. Артамонов – выступил со статьей о Толстом, где утверждал: «Это имя известно всем, его произведения знает каждый»¹⁰. Еще раньше он хлопотал о возможности (и получил ее) познакомиться с сформировавшейся иваново-вознесенцем Д.Г. Бурылиным коллекцией запрещенной литературы. На собиранье и хранение этой коллекции требовалось специальное разрешение от владимирского генерал-губернатора, выданное через три года после подачи прошения¹¹. В «толстовскую» часть этой коллекции входили некоторые гектографированные издания, осуществленные даже в Иваново-Вознесенске и округе, множество запрещенных книжек издательства «Посредник», а также -- кое-что из заграничных («Царство божие внутри вас», Berlin, 1894; «Краткое изложение Евангелия», Geneva, 1900; «Конец века», Hants, 1905; «Смертная казнь и христианство», 1908 и др.). Артамонов свои хлопоты мотивировал по виду нейтральным желанием «ознакомить широкие слои читающей публики с редкими экземплярами старинных предметов и вещей, хранящимися в музее»¹².

Своего рода «пики» в отношении шуян к Толстому соотносимы, как и по всей России, с 1908-м (восьмидесятилетие со дня рождения великого мыслителя и писателя) и 1910-м (уход из дома, смерть) годами.

В юбилейные дни 1908 года интеллигенты-шуяне послали в Ясную Поляну телеграмму, в которой, называя себя почитателями гения Толстого, благодарили художника за высокое наслаждение от его произведений и за те нравственные идеи, которыми писатель «обогащает духовный мир каждого».

В намерение составителей телеграммы входило проведение литературного вечера и подписки в пользу толстовского фонда¹³.

Эта телеграмма – лишь вершина весьма беспокойного, предшествовавшего ей процесса. Наиболее левые из интеллигентов нашего края предполагали использовать эти дни, о чем говорилось в секретных предписаниях Владимирского губернатора Сазонова, полицмейстера и уездного исправника, «в целях противоправительственной агитации»¹⁴ и «в целях протеста общественных сил против смертной казни»¹⁵. Поскольку со стороны полиции были заблаговременно приняты меры противодействия, по всей Владимирской губернии день восьмидесятилетия Л.Н. Толстого прошел «тихо и спокойно», хотя осуществление этих «мер» ни для кого не было секретом: «Настоящий момент является далеко неблагоприятным для того, чтобы дать полную оценку его (Толстого. – Л. Р.) деятельности», – писал «Старый Владимирец»¹⁶.

Следовало бы увеличить количество сведений об отношении жителей региона к известиям об уходе и смерти Л.Н. Толстого, о переживавшихся властью опасениях и ею же предпринятых мерах предосторожности. Шуя не могла игнорировать основанные на распоряжениях свыше циркуляры Владимирского губернатора Сазонова, секретно разосланные полицмейстерам. Любопытна их динамика: 5 ноября 1910 (писатель еще жив) и 13 ноября (умер). В циркуляре от 5 ноября предписывалось «не оказывать противодействия» панихидам, но строго-настрого наказывалось в каждом случае спрашивать разрешение духовного начальства, «дабы под предлогом служения панихид не организовывались... собрания публики с целями противоправительственных демонстраций», а «за устроителями и присутствующими на панихидах... учредить неослабное наблюдение и никоим образом не допускать никаких выступлений противоправительственного характера»¹⁷. Циркуляр от 13 ноября обязывал полицмейстеров пресекать сходки и уличные демонстрации, которые могут возникнуть в связи с девятым, двенадцатым и сороковым днями после смерти Толстого. Редакторы газет предупреждались о том, чтоб не публиковать статей, «подстрекающих или одобряющих уличные демонстрации»¹⁸. Запрещалось демонстрировать в кинематографах губернии фильм «Похороны графа Л.Н. Толстого». В связи с этой дополнительной инструкцией иваново-вознесенский полицмейстер, например, настолько деятельно стремился сохранить «порядок», что это стало предметом иронического отображения в прессе. Он отдал в числе прочих распоряжение не выставлять в витринах и окнах книжных магазинов портретов и книг Л.Н. Толстого. И на следующий день «лично обходил магазины и осматривал – исполнено ли его распоряжение»¹⁹.

И тем не менее... В Шуе телеграмма с извещением о кончине Толстого была получена вечером 7 ноября. Тотчас же в зале Шуйского благородного собрания «по соглашению всех бывших членов собрания» прекратили

музыку, захопотали о венке к могиле²⁰. Вызванные тем же событием другие обстоятельства отмечены в документах Н.А. Звездина:

«1910 г., ноябрь 17, по предложению Шуйского городского головы П.П. Китаева в собрании городской думы была почтена вставанием память умершего 7-го ноября графа Л.Н. Толстого («Журнал Ш[уйской] Гор[одской] Думы, 1910 г., № III – 11).

По рассказам, вставанием почтили память Толстого все гласные Думы, в том числе и правые, и старообрядцы, отсутствовал лишь гласный депутат Духовного ведомства прот[оиерей] П.М. Светозаров, не пожелавший принять участие в чествовании памяти Толстого, отлученного от церкви²¹. Проявленное тут единодушие явно отличало шуйских «отцов города» от власть имущих в некоторых других местах²².

В округе память мыслителя и писателя, чей труд был гордостью народа, отмечали, как известно, во многих присутственных местах и на официальных заседаниях, происходивших по разным поводам. На заседании владимирской думы такое предложение внес сам городской голова²³. Таким же путем память Толстого почтили на собраниях городской управы Муром²⁴ и Покровского²⁵, на заседаниях владимирских медицинского общества²⁶, общества взаимопомощи торгово-промышленным служащим²⁷ и т. д. Даже в заштатном Иваново-Вознесенске гласные думы, состоявшей преимущественно из купцов и промышленников, на заседании 23 ноября помянули умершего вставанием²⁸. Не участвовали в этом лишь двое из присутствовавших: Н.И. Куражев и А.В. Силантьев²⁹. А 18 декабря 1910 года в Иваново-Вознесенске состоялся ужин членов кружка инженеров-технологов. В донесении полицмейстера интересно не столько сообщение о нем, сколько информация о том, что рассказывал Василий Михайлович Рождественский – один из кружковцев – о похоронах Толстого, и сделанный после этого общий вывод: «означенные собрания носят ярко оппозиционный характер, и лишь присутствие полиции сдерживает температуру товарищеских беседований в известных, легальных по наружности, рамках»³⁰.

В прессе появились сообщения о том, как лихорадят регион болезнь, уход, смерть писателя. Например: «Горячие разговоры и споры о Толстом Вы здесь услышите сейчас везде: от жалкой хибарки «на Ямах» до палатки фабриканта». -- читаем в одном из них³¹. Не зная и не всегда понимая достаточно подлинных причин ухода, простые люди пытались по-своему истолковать случившееся: «И вокруг имени Толстого народная молва уже несет причудливые истории и легенды... Говорят, что Толстой бежал для того, чтоб на каком-то неведомом острове основать свое «царство» в духе собственного учения... Говорят, что он бежал потому, что ему грозила смертная казнь...»³². А некоторые «толкователи» видели возможность вернуть «сретника» в лоно церкви и объясняли его уход тем, что он снова «уверовал» и хочет «замаливать» свои грехи где-нибудь в монастыре³³.

Осмысление выдвинутой темы обогатится, если результат наблюдений по событиям, явлениям сопоставить со сведениями о персонах некоторых читателей-шуян.

Традицией стало, когда заходит речь о Толстом и шуянах, называть имя «всеми уважаемого» (свидетельство Н.А. Звездина)³⁴, почтового служащего Василия Васильевича Радугина. Нисколько не сомневаясь в значимости его эпистолярного общения с великим учителем (именно в таком качестве он виделся Радугину прежде всего) в начале девяностых годов XIX века, отметим, что он – лишь звено в определенной и достаточно разветвленной линии развития провинциальной культуры. Рассматривать его изолированно от этой общей линии, вряд ли правильно, (но доминирует, к сожалению, изолированность).

Сын сельского священника, Радугин, закончив в Суздале трехклассное городское училище, трудился в основном почтальоном в Суздале, Коврове, Шуе. По рассказам современников, при предложениях о повышении отказывался от чинов, имел контакты с московским кружком поэтов-самоучек, сумел собрать солидную библиотеку русских классиков и, движимый всякого рода раздумьями, обратился к Л.Н. Толстому.

При упоминании о последнем обычно называются имя и факт. А вот Н.А. Звездин располагал пока неизвестными другим (и нам) материалами, зафиксировал в поздней (1960-1961) рукописи своей книги о Толстом нечто большее. Явно зная о содержании и тексте письма Радугина (по каким источникам?), Звездин ввел фрагменты, с несомненностью свидетельствующие о некоторых колебаниях его автора, вызванных прочтением сочинения Толстого «В чем моя вера?» как-то: «Там выражена мысль, что после смерти все будет равно. Неужели, – спрашивал Радугин, – делающий всю жизнь добро будет равен по смерти человеку, всю жизнь делающему злодеяния, и неужели за подобные дела в будущей жизни не будет награды?»³⁵.

Своими глазами видел Звездин и ответ Толстого, ввел его в свою рукопись, отметив при этом, что рукой Радугина записана дата получения письма («20 ноября 1891 года»), охарактеризовав тип бумаги и особую папку, в которой письмо хранилось. В рукописи Звездина текст Толстого зафиксирован так:

«Василий Васильевич,

На вопрос Ваш отвечать праздно нельзя. То, что я думаю об этом предмете, я изложил в книге «О жизни», запрещенной в России и только часть которой напечаталась в 13-м томе. Скажу только, что добрые дела, за которые ожидается награда, перестают быть добрыми: именно за них ожидается награда. Как и сказано в Евангелии, чтобы делать добро так, чтобы левая не знала, что делает правая. Если мы действительно исполняем заповедь Христа и предаемся воле Бога, то вопрос о том, что будет для нас после смерти, перестает быть интересен. Если мы точно от души говорим «Да будет воля твоя!», то что же нам еще спрашивать.

Пожертвование Ваше получил³⁶.

Очень желал бы, чтобы ответ мой удовлетворил Вас.

Лев Толстой³⁷.

Можно думать, Звездин видел письмо Толстого еще до смерти Радугина в тридцатых годах, ибо вскоре дочь почтальона уехала во Владимир и наиболее ценные рукописи увезла с собой. Справедливости ради скажем, что в материалах Звездина почти обойден вопрос о практическом преломлении Радугиным некоторых из убеждений Толстого. В частности, не получил должного осмысления факт осуществленного шуянином выпуска через местную типографию трех брошюр о вегетарианстве.

Имя Радугина, память о его общении с Л.Н. Толстым «прописались» не только в Шуе, но и в округе. Известны порядочное время спустя. Отошлем, к примеру, к письму ивановца И.И. Власова Н.А. Звездину, датированному 9 октября 1935 года. Ивановский краевед печалился, что не только не видел оригинал послания Толстого, но не имеет даже копии, и спрашивал у адресата, как бы добыть ее, выражал готовность ради этого приехать в Шую³⁹. Сейчас нельзя точно сказать, что содержалось в ответе Звездина, но, судя по последующему обмену мнениями по другим вопросам и по тому, что краевед-шуянин разбирал после смерти И.И. Власова его архив и библиотеку, дружеское доверие не было ущемлено.

Счастливым обладателем нескольких писем Толстого был вступивший в переписку с великим художником крестьянин-мастеровой села Ширяево (из-под Ильинского) Иван Михайлович Кищенко. Фотокопию одного из писем Толстого (где теперь оригиналы этого и других писем?), некоторые свои вещи и рукописный сборник своих стихов, он, будучи в преклонном возрасте, передал на хранение в Ильинский краеведческий музей. Об этом на страницах ивановской областной газеты «Рабочий край» рассказал В.М. Смирнов⁴⁰. Он же опубликовал написанное в 1910-м году Кищенко стихотворение «Памяти Л.Н. Толстого». Стихотворение, где искренне выражалось понимание роли Толстого человеком труда:

Бессильно время истребить

Твой дух в твоих произведениях,

Он жив и будет также жить

Во всех грядущих поколениях.

Сохранилось и прозаическое суждение Кищенко о великом протестанте, открывающее, как ценили простолюдины его тягу к простому народу, как ожидали от его произведений мудрых советов: «В книгах я искал ответы на волновавшие меня вопросы. Особенно увлекался сочинениями Льва Толстого. Лев Николаевич был моим любимым писателем, он казался мне самым искренним и правдивым, я верил каждому его слову. Особенно мне нравились те сочинения Толстого, в которых он с исключительным знанием и глубоким сочувствием описывал жизнь простого народа»⁴¹.

Следовало бы продолжить уточнение множества вопросов по переписке с Толстым фабричных рабочих Иваново-Вознесенска: многие из

рабочих, ночуя в огромных общих спальнях, а именно там читались письма Толстого, на праздник уходили в родные деревни, в том числе – и Шуйского региона, и там рассказывали об идеях Толстого⁴².

Другую среду, другой эстетический уровень представлял не стоявший в стороне от общих увлечений К.Д. Бальмонт, для которого чтение произведений Толстого, осмысление и споры о прочитанном со старшим братом Николаем начались еще в родительском доме, а сам объем воспринимаемого и раздумья о нем изменялись не единожды. Его автобиографические признания о круге чтения⁴³, своеобразная книга «Революционер я или нет» (М., 1918), эссе «На заре», множество созданных и опубликованных им статей о русских писателях, основанный во многом на документально-биографических фактах роман «Под новым серпом» (Берлин, 1923), переписка и, наконец, такое фундаментальное исследование, как книга П.В. Куприяновского и Н.А. Молчановой⁴⁴ с убеждающими экскурсами в историю формирования личности поэта, – все это требует к себе столь пристального внимания и объема, что результат «выбьется» из предлагаемой статьи. А потому просто отошлем к названному выше, предупредив о том, что, кроме преодоления разрозненности сведений, требуется и их упорядочение.

Могла бы стать предметом особого рассмотрения популяризаторская деятельность очень известного Шуйского словесника В.А. Водарского. Для своей учительской работы он много лет составлял своего рода своды оригинальных, заставлявших не просто запоминать тексты, но сопоставлять их, мыслить, тем сочинений. Этими качествами отмечены и темы сочинений по творчеству Толстого. В обширные тетради подготовленных к урокам материалов по писателям, здесь же зафиксированных текстов «слова учителя» вошло немало сведений, раздумий, пометок по научной литературе о Толстом⁴⁵. Водарский выступал перед горожанами с разрозненными лекциями о великом мыслителе и художнике слова, а иногда – с целыми циклами. Так, в пору расцвета Шуйского драматического театра (1918 – 1924) им перед спектаклями прочитано 344 вводных лекции, но, к сожалению, еще не сосчитано, сколько из них было именно о Толстом. А в основной репертуар театра входили такие серьезные и трудные для постановки спектакли, как «Живой труп».

Справедливость требует назвать имена еще нескольких шуян, кто, кроме уже отмеченных, воспользовался и другими способами выражения глубокого интереса к личности и творчеству Л.Н. Толстого. В частности, имя Н.Д. Агрикова.

Много лет назад в одном из связанных с Шуей архивных дел в Государственном архиве Ивановской области я встретила двойной лист бумаги с надписью «Поездка на похороны Л.Н. Толстого». Вложен он после датированного (7 сент. 1928) белого автографа рукописи Н.Д. Агрикова «Февральская революция 1917 года в Шуе». Но внутри ничего не было⁴⁶.

Возник требующий ответа вопрос: «Где же само описание или воспоминание?». Ни тогда, ни сейчас я не получила однозначного ответа, хотя мне было известно, что в Ясную Поляну на погребение Толстого ездил частный поверенный Н.Д. Агриков, по поручению почитателей великого писателя (шуян) вез туда венок. Туда же отправлялись «для участия в похоронах Толстого» ветеринарный врач В.А. Невский и еще один частный поверенный – П.И. Грезин. Однако неужели они не оставили какого-либо автографа? Ездили в Ясную Поляну и трое ивановцев (Д.Г. Бурылин, В.М. Рождественский, А.В. Смирнов). Не исключается, что были и другие, пожелавшие проститься с умершим. Автографы этих людей как документы о поездке тоже не находились. И вот недавно, работая в Шуйском музее, я обнаружила рукопись. Обычные, уже выцветшие тетрадные листы, четко выписанные лиловыми чернилами, прямо поставленные мелкие-мелкие букочки. Плотные расположенные строки. Ни единой поправки или помарки – значит, это так называемый беловой автограф, которому предшествовали не столь совершенные рабочие. На последнем листе автографа⁴⁷ есть подпись: «Ник. Агриков. Поездка на похороны в Ясную Поляну, – читаем там (лл. 1,2). «Подумаешь открытие!» – усмехнутся скептики. – Агриков сам кое-что опубликовал, а порядочное время спустя была статья Г.Н. Сухарева». Не торопясь принять упрек, скажем, что наш интерес сосредоточился не столько на сведениях о факте поездки, сколько на автографах как документе, свидетельствах, на возникающих отсюда загадках.

Как будто беспокоясь, не пропадет ли рукопись (или, может быть, надеясь на публикацию?), мемуарист перепечатал ее на семи вытянутых вверх листах, на оборотах каких-то старых бланков⁴⁸. И хотя объем обоих документов не тождествен (7 листов здесь и 4 в рукописи), тексты совершенно идентичны.

А вот еще один текст – состоявшейся публикации (осуществленной, кстати, неизвестно кем) – заметно разнится, и этой разницей подтверждается справедливость мысли о первостепенном значении автографов. В газетный вариант⁴⁹ не попали сведения о том, что рукопись о поездке – доклад (возможны вопросы: «Перед кем?», «Когда?»), что среди шуян были популярны не только художественные произведения, но и «моральное учение» Толстого, поклонником которого, как явствует из авторского признания, был и Агриков. Публикатор сохранил всю внешнюю историю поездки, в которой было немало любопытного, вплоть до информации о том, что ряд искренних почитателей писателя опоздал к погребению: пришлось ограничиться лишь «мысленным» прощанием у свежей могилы. Но он выпустил существенные сведения о причинах опоздания, о том, как в Москве пезда на Тулу задерживались вследствие «нелепого», «дикого распоряжения правительства», боявшегося уже умершего человека.

В рукописи отмечено, как стремившиеся в Ясную Поляну люди уже на вокзале почувствовали себя единомышленниками: «В беседе с пассажирами, подобно мне разместившимися в этом зале, я узнал, что значительная часть

их, как и я, направляется в Тулу, желая принять участие в похоронах Льва Николаевича; причем некоторые, подобно мне, везли венки, поместив их в багажном вагоне». Далее это чувство претворяется в действия. Читаем: «Из пезда пассажиры, наиболее живые и впечатлительные, быстро перебрались в вокзал и здесь, объединившись в общем чувстве возмущения и негодования с другими пассажирами, приступили к обсуждению создавшегося положения и к изысканию способов выхода из него». Публикатор почему-то не довел до завершения рассказ о переговорах со станционным начальством. Кроме упомянутого в нем, скрывшегося от разгневанных людей начальника станции, в нем говорилось и о его заместителе: «точно также оказался бесследно исчезнувшим из своего кабинета и его помощник». Выпущена информация и о попытках переговоров с руководством дороги: «Пассажиры решили по телефону потребовать от представителей власти, находившихся на территории Москвы, отмены возмутительного распоряжения, однако и это не помогло».

Бесцеремонности представителей власти Агриков в своей рукописи (в газетном тексте это снято) противопоставил деликатность ехавших на похороны людей: «У некоторых из пассажиров являлась соблазнительная мысль послать в Ясную Поляну от имени ехавших с поездом телеграмму, с просьбой замедлить погребение до нашего прибытия, но эта мысль была оставлена, так как большинство пассажиров находило неделикатным задерживать в Ясной Поляне огромную массу народа, собравшегося на похороны, и всем нам пришлось *volens-nolens* примириться с печальным фактом лишения нас возможности принять участие в погребении любимого писателя, мыслителя и борца (отметим, кстати, в каком качестве входил Толстой, по мнению Агрикова, в сознание современников. - Л. Р.).

Пока мы, пассажиры, концентрируясь группами, продолжали возмущаться совершенным над нами диким насилием, раздался звонок, приглашавший нас садиться в поезд».

Не попал в публикацию и рассказ шуянина о тех, кто оказался невольным пособником виновников этого злого, по отношению к национальным чувствам соотечественников, действия. Рассказ соотнесен с запоздалым приближением к последней обители Толстого: «По сторонам дороги, лесом, верхом на лошадях, рысью мчались от Ясной Поляны стражники, урядники и другие мелкие полицейские чины, которых, по видимому, было собрано «для поддержания порядка во время похорон» довольно значительное количество. Они, сознавая, надо полагать, постыдную роль, которую им было предписано играть во время похорон, – удалялись с похорон таким образом, чтобы не быть особенно заметными. Спешившие в Ясную Поляну старались не обращать на них внимания; так противно было видеть их в это время!»⁵⁰.

Здесь возможно и нужно высказать еще одно суждение – об «окружении автографа», о контексте (если таковой имеется), в котором находится документ, о причинах, по которым он хранился самим владельцем.

Контекст может что-либо убедительно подтвердить и дополнить. В нашем конкретном случае, кроме прозаической записи, сохранились стихи о тех же обстоятельствах. Это – машинопись на двух листах, завершающаяся точным указанием на автора: «Ник. Агриков». В ней, как и в прозаическом тексте, Толстой назван гением, он видится не только художником, но и мыслителем, бесстрашным борцом. В ней наличествует и мысль о противостоянии: «Енавь тая, Твои враги нам ехать помешали». Или еще более развернуто: «Лишь редкие, с холодной душой, Спокойствие бесстыдно сохраняли, Другие же – их много-много было под луной – Утрату гения с трудом переживали». Однако, если в прозаическом рассказе основной интерес сосредоточен на описании состояния общества, то в стихах, при сохранении той же событийной основы, крен сделан на отображении личного отношения к Толстому, многолетнего его почитания:

Дивясь его великому уму,
Перед гением его благоговя,
Всю жизнь стремился я к нему,
Всю жизнь мечтал увидеть чародея.

В Москве ходил в Хамовники, где жил
В то время он, волшебник слова,
И по часам у дома сторожил,
Чтоб увидеть бессмертного Толстого⁵¹.

Зафиксированный в приведенных прозаических и стихотворном текстах Н. Агрикова пафос отношения к Толстому объективно близок к тому, который проступит в более поздних заметках Н. Звездина, составлявших к задуманному им «Летописи культурной жизни нашего края» и к воспоминаниям о встречах⁵², а также – в данном из экспонатов рукописного наследия Д.Г. Бурылина. Последний тоже отправился к месту прощания и погребения великого страдальца. В той самой «Книге собственноручных расписок посетителей», с которой он в 1908 году ездил в Ясную Поляну на долгожданную встречу с Толстым, он сделал запись:

«На станции Астапово. 7-е. Ноябрь.

Печальное событие. Скончался Великий Мыслитель (здесь и далее заглавные буквы в непривычных для нас случаях принадлежат Бурылину. – Д. Р.) и Писатель земли Русской, гордость народная, Граф [Лев Николаевич Толстой]»⁵³. В ту же запись включаются краткие упоминания о процессе погребения. Особенно интересна пометка о толпе в семнадцать тысяч человек. Названная цифра вряд ли точна, но она любопытна как еще одно подтверждение массовой признательности и любви людей к Л.Н. Толстому.

Большие и значительные не только по масштабам малого города сведения и материалы сосредоточились у Н.А. Звездина. Более пятидесяти лет он связывал свою собирательную деятельность с раздумьями над местом

Шуи и округи в общем процессе формирования культуры. Архив краеведа свидетельствует о явном выходе за границы лишь своего региона.

Среди его разрозненных бумаг есть листы с пометками «К летописи И[вановской] области», «К летописи»⁵⁴. Намереваясь составить обзор или книгу «Народное просвещение и литература в Шуйском уезде XVII – XIX вв.» (1935), он открыл бы её главой «Шуя в народной словесности и литературе» (написана в черновом варианте, 30 листов мелким убористым подчерком). Четко определены два раздела: «Шуя в народной словесности» и «Шуя в лубочной литературе». На некоторых из листов рукописи подготовлены текстовые цитаты, персонально названы имена таких писателей, как И.Ф. Горбунов, П.А. Мельников-Печерский, Н.А. Некрасов, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, А.П. Чехов, М. Горький, П. Боборыкин, А. Пушкин. Против произведений Некрасова «О погоде» и «Современники» сделана особая пометка «Оба отрывка говорят о знакомстве Некрасова с Шуей, через которую он проезжал, по предположению И.И. Власова, в 1853 и в 1861 годах...»⁵⁵. С приведенными именами связан появившийся в предполагаемых решениях общерусский масштаб.

Своего рода стимулом к созданию такого обзора или книги («Народное просвещение и литература в Шуйском уезде XVII – XIX вв.») могло послужить и то, что самому Звездину судьба подарила немало интереснейших встреч. Отнюдь не случайно на одном из витков жизни он начал писать мемуары «Записки о встречах и воспоминаниях» (в более раннем карандашном варианте называлось «Встречи и воспоминания»). На листах разного формата и качества, но с попыткой унифицировать под размер тетрадного листа, с названием каждой записи.

Обучаясь в 1904-1909 годах в Московском университете, Звездин слушал лекции приват-доцента и председателя Московского окружного суда Н.В. Давыдова, который, будучи лично знакомым с Толстым и даже подарив ему несколько сюжетов (в частности, для пьесы «Живой труп» и кое-что для «Воскресения»), охотно рассказывал студентам о своем знаменитом современнике. Как слушатель Звездин многое воспринял от «одного из блестящих профессоров В<оенно>-Мед<ицинской> академии» А.А. Максимова. В те же годы, в Москве, он бывал на лекциях по всеобщей истории Р.Ю. Виппера, а в 1914-м году, в Юрьевском университете, посещал лекции Тарле («Это был блестящий лектор»)⁵⁶. В 1905 году в Москве он видел похороны Баумана, вечерний расстрел из Манежа возвращающихся участников похорон, а через несколько дней, на Введенской ярмарке в Шуе, погром на базаре⁵⁷. Он встречался с писателем Е.Н. Чириковым, участвовал в юбилее Д.Н. Овсяннико-Куликовского, дважды общался с В.И. Немировичем-Данченко (в 1916-м году на позициях под Луцком, в 1922-м в Петроградском доме литераторов, на посвященном памяти В.О. Ключевского заседании). В конце 20-х годов, по обществу «Старая Москва», он познакомился с художником Аполлинарием Михайловичем Васнецовым⁵⁸.

В студенческие годы произошла случайная, но, видимо, повлиявшая на ряд будущих краеведческих устремлений шуянина встреча с Л.Н. Толстым: «В последние годы Унив[ерситетской] жизни в Москве, в 1908–1909 годах, проезжая на трамвае, пересекая Zubовскую площадь около Пречистенки, я увидел старика в полушубке, посмотревшего на меня – это был граф Толстой, направлявшийся, вероятно, в свой Хамовнический дом. Тогда я не сообразил, что это был Толстой, но потом эта встреча всплыла и осозналась в моей памяти, а его взгляд стоит и всматривается. До сих пор мне припоминается»⁵⁹.

Звездин не мог не знать о поездке группы шуян в 1910 году на похороны Толстого, тем более, что с Н.Д. Агриковым в течение долгих лет существовали дружески-краеведческие отношения. Не исключается, что в 1918–1924-м годах он слушал лекции В.А. Водарского перед спектаклями по произведениям Л.Н. Толстого. В 1934 году шуйский врач, о чем есть беглые упоминания в его бумагах, съездил в Ясную Поляну.

Некоторые детали в составе «Записей» ведут к мысли о том, что Звездин одновременно обдумывал серьезную работу о Толстом. Так, к листу с записью о случайной встрече с великим старцем подложен лист с названием «Л.Н. Толстой». На нем выписка из книги Н.Н. Гусева «Два года в Ясной Поляне» (М., 1928. Изд. 2-е. С. 128) – о поездке в Ясную Поляну недавнего воспитанника Шуйской гимназии Ивана Стаховского, сына смотрителя Суздальского духовного училища. Отмечен разговор за обедом – о Санине (персонаже одноименного шумного романа Арцыбашева) – и сделана приписка: «Как рассказывал Иван Стаховский в Коврове... Толстой говорил с ним о половом вопросе, о воздержании; в Ясной Поляне Стаховский купался вместе с Толстым»⁶⁰.

К подготовительному звену работы (или работ) о Толстом, можно отнести и некоторые другие листы-заготовки, рассредоточенные в разных единицах хранения. В частности, со сведениями о Н.П. Сокольском. Звездин считал его шуянином. Он имел небольшой хронологический перечень выступлений Сокольского, в том числе – и связанных с «севастопольскими рассказами», на страницах журнала «Современник» в 1855–1856-м годах, имел выписки из письма Некрасова Тургеневу, где речь шла о том же лице и довольно много сведений из тома 51–52 «Литературного наследства» (М., 1949)⁶¹.

И вот – завершавшаяся в 1960–1961-м годах, но, увы, так и не завершенная работа, материал, идеи, построение которой вынашивались много лет: «Лев Николаевич Толстой и Шуя». Несколько вариантов ее текста, заготовки к ним оказались в двух архивохранилищах (Шуя, Иваново) и частично – у наследников⁶². Наиболее полный из них – двухчастный (о двухчастности заявлено самим автором) – находится в Иваново⁶³. Это две учебные тетради, без какой-либо правки, то есть запись, несмотря на незавершенность, чистовая. Первая тетрадь открывалась перечнем содержания: приводились названия шести глав. Информация в авторском

тексте вполне соответствовала этим названиям. В них, как и в авторском тексте, несомненны установка на широкий подход и объективное, документальное обоснованное раскрытие темы. Все продуманно, четко, зафиксированы какие-то из ранее определившихся эпизодов, фактов, в ряде случаев отмечено, как видится автору решение выдвигаемых вопросов. Приведем этот лист полностью, сохраняя сделанные Звездиным подчеркивания прямой чертой:

«I. Шуя в “Войне и мире”».

Путешествие княгини Марии Болконской из Воронежа в Ярославль через Шую. Собрание исторических материалов через П.И. Бартенева. «Записки М.И. Маракуева о 1812 году». Заимствования Л.Н. Толстого.

II. Л.Н. Толстой и шуйский почтальон Вас. Вас. Радугин.

Вас. Вас. Радугин. Письмо Л.Н. Толстого.

III. Л.Н. Толстой и шуйский гимназист Ив. Мих. Стаховский.

«Суздальский гимназист в Ясной Поляне»

IV. Память Л.Н. Толстого в Шуйской Городской думе 17/XI 1910 года.

V. Моя встреча с Л.Н. Толстым зимой 190(9?) года.

VI. Поездка в Ясную Поляну в 1934 году»⁶⁴.

Записанное в главах по качеству, по полноте информации неравноценно. К наиболее полной из них – первой главе – приложены две небольшие карты средней России: на них Звездиным вычерчены маршруты Маракуева и княжны Марьи из Воронежа к нужным им местам, минуя Москву, через Ярославль. У княжны Марьи – через Владимир и Шую. В качестве источников материалов для главы и карт названы сам текст романа «Война и мир», «Письма Л.Н. Толстого к П.И. Бартеневу» (М., 1937), где в числе мемуаров указаны записки бывшего ростовского головы М.И. Маракуева «Пожар Москвы» (М., 1911). Из книги последнего взяты сведения о выезде из Воронежа других людей, направившихся по своим адресам в объезд Москвы, в частности, шуйского купца Д.В. Киселева. Есть характеристика этих записок, «рисующих настроение русского общества перед занятием Москвы неприятелем; в них ясно видно, насколько приподнято было все русское общество до простолодинов включительно; насколько вся жизнь была выбита из колеи...»⁶⁵. Указано, что Шуя упоминается в тексте романа Толстого.

Интересен и своего рода суммарный перечень: «Из “Записок Маракуева” Л.Н. Толстой заимствовал:

- 1) описание маршрута княгини Марьи... из Воронежа в Ярославль, через Липецк, Рязань, Владимир, Шуя;
- 2) о встрече в дороге с курьером, ехавшим из Петербурга в Воронеж;
- 3) о времени поездки осенью 1812 года;
- 4) о длительности и трудностях дороги;
- 5) об опасности около Рязани от мародерства французов»⁶⁶.

Реферативное начало заметно в III главе⁶⁷. Именно здесь произошел возврат к зафиксированному на листе 26-м из «Записок о встречах и воспоминаниях»: о книге Н.Н. Гусева и встрече с Л.Н. Толстым Ивана Стаховского. Думается, с намерением продолжить работу связана информация о последующей судьбе этого воспитанника шуйской гимназии: скончил историко-филологический факультет Московского университета, преподавал историю; в советское время в официальных изданиях публиковал статьи на антирелигиозные темы, а в «Вестнике Московской патриархии» – о деятельности духовных особ; умер в 1953 году⁶⁸.

II и IV главы основаны только на шуйских материалах. Однако IV глава оборвана, а в V и VI-ой не записано ни слова. Но раз поездка в 1934 году в Ясную Поляну была, учитывая личность Звездина, резонно предположить, что, может быть, где-то лежат записи о ней и о сведениях, должных быть использованными в недописанных страницах и главах.

Из сказанного ясно, что обнаружение других материалов позволило бы продолжить этот интересный и нужный для изучения культуры шуйского региона вопрос «Н.А. Звездин и Л.Н. Толстой».

Вспоминая шуян, чьи судьбы так или иначе «пересекались» с Толстым, нельзя не вспомнить о Ефиме Федоровиче Вихреве. В 1930-1931-м годах он, родом шуянин, был директором Музея-усадьбы Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Осмысляя этот специфический род деятельности, как бы проверяя себя, он активно делился своими впечатлениями и раздумьями в письмах к друзьям. Большая часть этих интереснейших писем еще не вовлечена в литературный процесс, хотя начало и положено⁶⁹. Кроме сведений о состоянии музея и окрестностей, о непростых отношениях в семье Толстых и необходимости заботиться о тех из членов семьи, кто остался в Ясной Поляне, он присылал сюда, на родину, записанные в усадьбе частушки (Семеновскому, например), делился творческими планами.

Параллельно он работал над книгой о Палехе (первое издание вышло в Москве, в 1930-м году). В раздел «Академия-село» он включил очерк «Возвращение» с таким признанием: «...Целый год я ходил по следам Льва Толстого в яснополянских рощах, и меня мучил вопрос: а что бы Лев Николаевич сказал о Палехе, ежели бы он был жив сейчас? Я сидел у могилы великого художника, отрицавшего искусство, у обрыва. На краю Старого Заказа. Минутами я был исполнен дерзости и обращался к праху Толстого с неподобающими словами; я говорил ему:

– У каждого свое сердце и своя родина. У тебя – Ясная Поляна, у меня – Палех»⁷⁰.

Своя родина – во глубине России, где у художника возникают родники творчества.

Не утяжеляя далее свое выступление результатом исследования других аналогичных материалов о Л.Н. Толстом и восприятии его личности, идей,

творчества, скажем, что их было множество не только в Шуйском регионе, а по всей России и в близлежащих губерниях – Ярославской, Костромской. Они появлялись и в связи с историческими событиями, и по личной инициативе, появлялись в разных социальных средах, у людей разных возрастных групп. Естественен вопрос, возникало ли в среде тех, кого именуем массовым читателем, иронического, критического отношения к Толстому, к его идеям. Поскольку это не входило в наши задачи, ограничимся лишь одним примером. В бумагах жителя Юрьев-Польского уезда Михаила Орлова сохранился автограф его стихотворения «Толстовцы» (1907), где рассказ о воплощении в будничные отношения идеи непротivления завершился убийственной концовкой:

Покой и мир у них всегда.
Без споров жили. Пили, ели,
Но незаметно к ним беда
Подкралась – оба поглупели⁷¹.

Начиная с восьмидесятых годов XIX века, но, может быть, и раньше в самом интересе к Толстому были зависящие от ряда причин пики и затишье. Дружному мнению почитателей противостояли как официальная позиция, так и голоса отрицателей.

Очевидна необходимость продолжить поиск и собиание: практически не тронуты домашние рукописные материалы в семьях простолюдинов, мешан, купцов-промышленников (а ведь тут были богатейшие собрания рукописей, например, у Поповых – известное современникам событие, оно оказалось как-то в забвении); не составлены даже первые библиографические своды, информирующие об отношении к Толстому на страницах провинциальной печати в разных регионах и т.д.

Пришло, думается, время объективных сопоставлений богатств из этого, почти нетронутого кладезя – только тогда сложится, прояснится общая картина формирования отечественной культуры на сложнейшем историческом витке.

Представляется важным и перспективным начать систематизацию пока кажущихся случайными, но в действительности отражающих и созревание и брожение умов, сведений о тех шуйских (и расположенных в окрестности) ячейках, очагах культуры, где устремленность к Толстому была преимущественно осознанной. Это суждение – о необходимости систематизации – справедливо и относительно других регионов России.

¹ Не имея возможности сказать о них здесь более обстоятельно, назовем лишь две из них: Читнев И. Лев Толстой и Шуя. – «Знамя коммунизма» (Шуя). – 1984. 30 марта; Иванов Ю.А. Уездная Россия: местные власти, церковь и общество во второй половине XIX – начале XX в. – Иваново, 2003. – С. 98 и др. Характерная для второй работы весьма концентрированная информация включает в себя, кстати говоря, отсылку к впервые вводимому в сферу внимания источнику – дневнику учителя Надеждина.

² Розанова Л.А., Таганов Л.И. Вокруг Л. Толстого и его близких (По материалам Ивановского областного краеведческого музея, Ивановского и Владимирского государственных архивов и местной печати) // Лев Толстой и его современники. – Иваново. 1962. (Учен. зап. / Иван. гос. пед.

- ни-г. Т. XXIX). *Розанова Л.А.* Л.Н. Толстой и один из его провинциальных почитателей (по азынским материалам Ивановской области). – в сб: Фольклор и литература Ивановского края // Статьи, публикации, материалы. – Вып. 1. – Иваново, 1994.
- ¹ *Агриков Н.Д.* Шуйский противоправительственный кружок 80-х годов прошлого столетия. – Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Вып. 4-й. Сб-к историко-революционный. – Иваново-Вознесенск. – 1926, С. 45.
- ² *Власов И.* Лев Толстой и Ивановские толстовцы. – «Рабочий край» (журнал). – 1935. – № 11. С. 17.
- ³ «Как мы начинали. Из житейских и литературных воспоминаний рабочего поэта Авенира Поздрина». – Литературное наследство. – Т. 15. – М., 1934. – С. 17.
- ⁴ Подробнее см.: *Розанова Л., Любимов В., Лапин Ю.* По живым следам Л.Н. Толстого. – «Ленинец». 1978. 6 сент., № 177.
- ⁵ Часть из них опубликована: [Шкурина Л.] Просто титан // Автор «Войны и мира» в восприятии тружеников «Красной губернии». – «Ленинец». 1978. 9 сент., № 179.
- ⁶ *Бокарев К.* В начале творческого пути. – «Призыв» (газета, Палех). 2004. 26 апреля.
- ⁷ Первопубликация состоялась в названной выше статье *Розановой Л., Любимова В., Лапина Ю.*
- ⁸ *Артимонов М.Д.* Л.Н. Толстой. – «Рабочий край» (газета). – 1918. – 11 сентября.
- ⁹ Музей промышленности и искусства им. Д.Г. Бурылина (МПИ). Материалы по истории музея («Свидетельство Ивано-Вознесенского полицмейстера от 3 сентября 1913 г.»).
- ¹⁰ ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 12.
- ¹¹ «Старый Владимирец». – 1908. 2 сентября.
- ¹² ГАВО. ОДФ. Ф. 14. Оп. 5. Ед. хр. 2173. Л. 41.
- ¹³ Там же. Ед. хр. 2182. Л. 4.
- ¹⁴ «Старый Владимирец». – 1908. 28 августа.
- ¹⁵ ГАИО. ОДФ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 1111. Л. 42.
- ¹⁶ Там же. Л. 47.
- ¹⁷ «Раннее утро» (газета, Москва). – 1910. 26 ноября.
- ¹⁸ Подробнее см. в разделе о Н.Д. Агрикове (предлагаемая статья).
- ¹⁹ ГАИО. Ф. 255. Оп. 1. Ед. хр. 95. Лл. 20об. – 21.
- ²⁰ Отдельные факты приведены в названной выше статье *Розановой Л.А., Таганова Л.Н.* «Вокруг Толстого и его близких».
- ²¹ «Старый Владимирец». – 1910. 6 декабря.
- ²² ГАВО. ОДФ. Ф. 14. Оп. 5. Ед. хр. 2702. Л. 24.
- ²³ Там же. Л. 21.
- ²⁴ «Старый Владимирец». – 1910. 9 ноября.
- ²⁵ Там же. 11 ноября.
- ²⁶ ГАВО. ОДФ. Ф. 14. Оп. 5. Ед. хр. 2702. Л. 26; о том же – «Ивановский листок». – 1910. 26 ноября.
- ²⁷ «Старый Владимирец». – 1910. 6 декабря.
- ²⁸ ГАВО. ОДФ. Ф. 14. Оп. 5. Ед. хр. 2702. Лл. 35–36.
- ²⁹ Б. а. [Дневник ивановца. – «Старый Владимирец». – 1910. – 9 ноября.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² *Звездин П.А.* Лев Николаевич Толстой и Шуя. – ГАИО. Ф. 255. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 15об.
- ³³ *Звездин П.А.* Указ. соч. Л. 16–16об.
- ³⁴ 13 1891 году в связи с недородом и голодом. Радугин послал на имя Толстого, активно им почтительное в борьбу с бедствием, денежное пожертвование и упомянутое выше письмо.
- ³⁵ *Звездин П.А.* Указ. соч. Лл. 16об.– 17.
- ³⁶ Там же. Л. 18.
- ³⁷ Письмо от Власова Ив. Ив. Звездину Н.А. – Шуйский историко-художественный и мемориальный музей (ШИХММ). 2699/84. Л. 1.
- ³⁸ *Смирнов В.* Ему писал Лев Толстой. – «Рабочий край». – 1966. – 8 марта. № 36.
- ³⁹ Цит. по кн.: *Астафьев А.В.* Лев Толстой и его современники. – Ярославль, 1967. С. 68.
- ⁴⁰ О начале поиска см. в называвшейся выше статье: *Розанова Л.А., Таганова Л.Н.* Вокруг Л. Толстого и его близких.

- ⁴¹ Бальмонт К.Д. Автобиография. – В кн.: *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. – Пб., 1904. – Т. 6.
- ⁴² *Курьяновский П.В., Молчанова Н.А.* Поэт Константин Бальмонт: Биография. Творчество. Судьба. – Иваново, 2001.
- ⁴³ См.: Материалы (списки) состава библиотеки педагога и краеведа Водарского В.А. // Материалы, собранные Звездиным. – ГАИО. Ф. 255. Оп. 1. Ед. хр. 99. Лл. 145–216, особенно 189об., 190–190об., 191, 192, 198 и др.).
- ⁴⁴ ГАИО. Ф. 255 (Звездин Н.А.). Оп. 1. Ед. хр. 15. После Л. 107об.
- ⁴⁵ См.: Материалы статьи «Поездка на похороны Л.Н. Толстого». – ШИХММ. Ф. 12 (Агриков Н.Д.). 2555/54.
- ⁴⁶ Машинопись статьи Н.Д. Агрикова «Поездка на похороны Л.Н. Толстого». – ШИХММ. Ф. 12. 2555/55.
- ⁴⁷ *Агриков Николай.* К нему в Ясную Поляну. – «Знамя коммунизма» (Шуя, районная газета). – 1988. 9 сент., № 144.
- ⁴⁸ Рукопись (автограф) статьи «поездка на похороны Л.Н. Толстого». – ШИХММ. Ф. 12. 2555/54. Лл. 1об., 2об., 2об., 3, 3, 3об.
- ⁴⁹ Мшп. (рукопись) «Памяти гения (О поездке на похороны Льва Толстого)». – ШИХММ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 57. Лл. 2, 1.
- ⁵⁰ ГАИО. Ф. 255 (Звездин Н.А.). Оп. 1. Ед. хр. 111. Лл. 7, 18, 25 и др. Подробнее см. ниже.
- ⁵¹ МПИ. Отдел рукописей. Ед. хр. 558. Л. 135. В квадратные скобки слова заключены самим автором записи.
- ⁵² ГАИО. Ф. 255. Оп. 1. Ед. хр. 111. Лл. 10, 11 и др.
- ⁵³ Там же. Ед. хр. 17. Лл. 5, 5об., 6; 23, 23об., 24; 23об.
- ⁵⁴ Там же. Ед. хр. 11. Лл. 7, 12, 110, 111.
- ⁵⁵ Там же. Ед. хр. 11. Л. 36об.
- ⁵⁶ Подробнее о сказанном см.: Там же. Лл. 38, 38; 18, 3 и др.
- ⁵⁷ Там же. Л. 25.
- ⁵⁸ Там же. Л. 26об.
- ⁵⁹ ГАИО. Ф. 255. Оп. 1. Ед. хр. 94.
- ⁶⁰ Недавно две тематические подборки (не «толстовские»!) из одного частного собрания, владелица которого не назван, опубликованы. См.: *Возилев В.В.* Интеллигенция провинциального города в истории России // Научные очерки и учебные материалы к спецкурсу по локальной истории. – Иваново, 2003.
- ⁶¹ ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Ед. хр. 95.
- ⁶² Там же. Лл. 1–10б.
- ⁶³ Там же. Л. 5.
- ⁶⁴ Там же. Лл. 14об. – 15.
- ⁶⁵ Там же. Лл. 19–20.
- ⁶⁶ Там же. Л. 20.
- ⁶⁷ *Грамаковский М.* Ефим Вихрев в Ясной Поляне. – «Рабочий край». 1961. 19 ноября.
- ⁶⁸ Цит. по кн.: *Вихрев Ефим.* Родники. – М., 1984. – С. 225–226.
- ⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 1337 (Коллекция мемуаров и дневников). Оп. 1. Ед. хр. 174. Л. 110б.

АЛЬБОМ 1913 ГОДА

Среди пышных торжеств начала XX в. особое место занимает празднование 300-летия царствующего Дома Романовых. Проходило оно повсеместно и стало частью истории российских городов. Сведения о том, как отмечали шуяне эту дату, мы можем найти в подробном отчете Шуйской Городской Управы по доходам и расходам за 1913 г.

На устройство празднования в день 300-летия царствования Дома Романовых город израсходовал 512 рублей 06 копеек. Эта сумма была выделена на организацию следующих мероприятий: «На устройство иллюминации и световых картин при городской управе, устройство площадки для молебна, певчих и музыкантов, на покупку свечей для молебна, выдачу певчим Воскресенского собора и оркестру 184 пехотного Варшавского полка вознаграждение, посылку телеграммы Государю Императору от гласных Шуйской городской Думы и представителей правительственных и общественных учреждений с выражением верноподданнических чувств, покупку шампанского, за сервировку стола и прислугу во время торжественного заседания по случаю празднования 300-летия царствования Дома Романовых, гласных Городской Думы и представителей правительственных и общественных учреждений, покупку иконы для поднесения её Государю Императору городскими головами Владимирской губернии от всех городов губернии, поездки городского головы в город Владимир для представления и поднесения иконы от городских голов Владимирской губернии Государю Императору, на выдачу электро-театру «Модерн» за сеансы демонстрирования картин для учащихся в городских начальных школах «300-летие царствования Дома Романовых», покупку для Городской Управы портрета царской семьи»¹.

Музейные фонды Шуйского историко-художественного и мемориального музея, к сожалению, не располагают достаточной коллекцией материалов, отражающих это событие. Лишь отдельные экспонаты помогают представить, как отмечали шуяне эту дату. Примером могут быть фотографии, изображающие убранство города в эти дни, памятные сувениры, выпущенные к юбилею. Являются ли такой реликвией три альбома, датированные 1913 годом, хранящиеся в документальной коллекции музея? Альбомы «Шуйская мужская гимназия. 1913 учебный год» и «Шуйская Императора Александра II женская гимназия. 1913 учебный год» являются полиграфическим изданием фирмы «С. Случанский и сын в Париже». Их вполне можно назвать парными. Они имеют один и тот же размер 19 x 28 см. Оба в мягком бумажном переплете. Художественное оформление лицевой и оборотной стороны переплета однотипно: черная графическая рамка в стиле «модерн». слева раппорт растительного орнамента - «стилизированный вьюн». Единственное отличие в оформлении заключается в том, что альбом,

посвященный женской гимназии, поскольку он был адресован девушкам-гимназисткам и дамам-преподавателям гимназии, имеет другой цвет обложки, а именно, белая с легким линейным тиснением, и ещё одну декоративную деталь – дополнительный лист тонкой прозрачной белой бумаги между страницами.

Что же касается иллюстративного материала и последовательности его размещения, альбомы почти аналогичны. Передний и задний форзацы представляют рекламу справочно-переводного бюро, открытого при комиссионной конторе «С. Случанский и сын». Далее размещены фотографии общего вида гимназии, внутренних интерьеров, портрет директора гимназии или начальницы гимназии, групповые фотографии учащихся гимназии разных классов, учительского персонала, служителей. В альбоме мужской гимназии имеются дополнительные фотографии хора и потешной группы при мужской гимназии. Несмотря на то, что альбомы не имеют специальной пометы юбилейного издания, мы предполагаем, что их выпуск был частью Шуйской программы по изданию сувенирной продукции к столь значимому событию. Подтвердить наше предположение могут факты из истории гимназий. В зависимости от времени создания гимназии, порой мемориальности здания, каждая гимназия имела, словно, своего покровителя в образе царской особы.

Так, женская гимназия с 1880 года размещалась в здании, принадлежавшем ранее купцам Киселевым. Дом Киселёвых был замечателен тем, что в мае 1837 года в нем останавливался во время своего путешествия по России цесаревич Александр. Вот как об этом событии сообщает в своей книге Владимир Борисов: «Особенно достопамятен для Шуйских граждан 1837 год. Мая 12 дня сего года Шуя осчастливлена была посещением Государя Наследника Цесаревича Великого Князя Александра Николаевича... Он изволил прибыть прямо в Воскресенский собор, где прикладывался к чудотворной иконе Смоленской Шуйской Богоматери. Из собора Государь наследник благоволил заехать в Крестовоздвиженскую церковь. Осмотревши богатство оной церкви, изволил отправиться в квартиру, отведенную в доме почетных граждан, братьев Киселёвых. Здесь он переночевал; хозяину дома, Ивану Киселёву пожаловал бриллиантовый перстень и удостоил посетить дом почетных граждан купцов Посылиных. Отселе отправился по тракту к селу Иванову, вместе с Августейшим Путешественником был славный русский поэт Василий Андреевич Жуковский»². Учитывая этот важный факт из истории здания, гимназия изначально носила имя Императора Александра II. Небезынтересен и тот факт, что сиротский приют для детей, который организовало городское общество на первом этаже женской гимназии, был устроен в память чудесного избавления Государя Императора от угрожавшей ему опасности в Зимнем дворце 5-го февраля 1880 года. Важно также отметить, что в преддверии празднования 300-летия Дома Романовых по решению попечительского совета женской гимназии в 1911 году был приобретен бюст

Государя Императора Александра II для постановки его в актовом зале женской гимназии³.

Имя царствующего Дома Романовых просматривается и в истории Шуйской мужской классической гимназии. 25 сентября 1900 года в ней состоялось торжественное освящение нового храма Владимирским и Суздальским архиепископом Сергием. Храм был воздвигнут на средства попечителя гимназии купца первой гильдии, фабриканта, потомственного почетного гражданина Михаила Алексеевича Павлова. Закладка храма была совершена 11 сентября 1897 года в память «Всероссийского радостнейшего события – священного коронования Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Федоровны и во имя святителя и чудотворца Николая, святое имя коего Государь Император носит»⁴.

Итак, на наш взгляд, альбомы Шуйской мужской и женской гимназий, датированные 1913 годом вполне можно считать памятными изданиями. Закономерно встает вопрос: кому они вручались? Исходя из того, что в музейной коллекции альбомы отложились в личных фондах шуян, связанных так или иначе с гимназией (например, в личном фонде преподавателя гимназии Николая Николаевича Рябцева, а также в личном фонде врача мужской гимназии Александра Константиновича Звездина), можно сделать предположение, что вручались они прежде всего персоналу гимназии. Возможно, этим изданием награждались лучшие гимназисты, так как альбомы встречаются и в домашних коллекциях бывших воспитанников гимназии.

1913 годом датирован рукописный альбом, принадлежавший, по музейной легенде, Александру Александровичу Звездину⁵ – сыну Александра Константиновича Звездина. Из воспоминаний родственников Звездиных известно, что Александр Александрович с детства был очень талантлив. Он прекрасно пел, рисовал, отличался актерским мастерством. Альбом А.А. Звездина назван «Мужская гимназия» и представляет собой сборку альбомных листов в твердом самодельном переплете. При первом же рассмотрении альбом по оформлению напоминает типографский парижский альбом «Шуйская мужская гимназия. 1913 учебный год». Его открывает вид Шуйской мужской гимназии. Далее, на каждом листе рисунок – портрет преподавателя гимназии с пояснительной надписью. Она, как правило, включает прозвище изображаемого, его имя и фамилию, должность в гимназии. Завершает альбом автопортрет Александра Звездина, точнее шарж 1913 года. Именно по этому рисунку был датирован весь альбом, однако это не верно. Сравнивая рисунки данного альбома с рисунками А.А. Звездина 1960-х годов, мы установили, что большая часть альбомных рисунков относится к позднему времени. Казалось бы, это уточнение умаляет значимость данного альбома. Но это не совсем так. На самом деле мы видим, как юбилейное издание, спустя много лет, легло в основу создания сатирического альбома бывшего ученика гимназии. Оказалось, что большая

часть портретов была скопирована Звездиным с фотографии персонала из альбома 1913 года. Благодаря этому альбому Звездин ввел современника в круг гимназистов начала XX века. Автор зафиксировал их взгляд на преподавателей. Так появился целый ряд прозвищ, которые когда-то, с легкой руки гимназистов, возникали в стенах гимназии. Назовем некоторые: «Пупсик» – директор гимназии Владимир Александрович Соколов, «Сенька-пулемет» – инспектор гимназии Семен Иванович Шевнин, «Тихон» – учитель латыни Тихон Иванович Омелянский. Не скупились гимназисты и на стихотворные посвящения. Вот один из них, адресованный «Игорычу», «Ване-кдюшке» – учителю рисования Ивану Егоровичу Чернышеву:

Иван Егорыч Чернышев

Летел выше облаков

И просил он у богов

На починку сапогов:

«Бози, бози, дай мне кози,

Я сошью себе сапози!

Без сапози жить не мози,

А то ноzi отморози.

Ему бози отказали,

Лететь выше приказали.

Внимательному читателю эти строки дадут возможность представить не только самостоятельное творчество гимназистов, но и частично раскроют отношения между преподавателями и воспитанниками гимназии, а именно: гимназисты прекрасно знали нужды своих преподавателей, их быт.

Альбомы, которые мы представили в данной работе, интересно рассмотреть и с точки зрения истории альбома в целом. Перед нами три тематических альбома, содержание которых составляет определенный вопрос или событие. В нашем случае история учебного заведения начала XX века, в памятный для России год – 300-летия Дома Романовых.

¹ Отчет Шуйской городской Управы по выполнению сметы городских сумм за 1913 год. Шуя. 1915. - С. 170.

² ВЕВ. - 1880. - № 23. - С. 695.

³ ВЕВ. - 1880. - № 23. - С. 697.

⁴ ВЕВ. - 1900. - № 21. - С. 707.

⁵ Звездин Александр Александрович (1897-1975) – шуянин, сын А.К. Звездина.

ПОРШНИ, БЕРЕСТЕНКИ, СТУПЕШКИ...

Всем известно, что лапти – это «обувь, плетенная из лыка, бересты или веревок, которую прежде носили крестьяне» [2, т. 2, с. 164]. Заглянув в «Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля», мы обнаружим множество разных названий этого вида обуви: *лычники* (из лыка), *мочалыжники* (из мочалы), *верзны*, *ивняки* (из коры ракиты, ивы), *иселожники* (из тала), *вязовики* (из вяза), *берестяники* (из березы), *дубовики* (из дуба), *коре'нники* (из тонких корней), *дубачи* (из драни молодого дуба), *курны*, *крутцы*, *чуни*, *шептуны* (из пеньковых оческов, разбитых ветхих веревок), *волосьяники'* (из конских грив и хвостов), *соломеники* (из соломы), *капцы*, *какаты'*, *ка'пти*, *бахилки*, *коверзны*, *чуйки*, *постолики*, *бахоры*, *ступ'ни*, *босовики*, *топы'ги* (лапти без обор для дама и двора) и др. Очевидно, что такое обилие наименований лаптей связано с тем, что они плелись из разного материала, разными способами, что существовали разные их фасоны.

О распространенности, простоте и непритязательности этого вида обуви свидетельствуют некоторые русские пословицы и поговорки, представленные в словаре: *Жениться - не лапоть надеть. Без снаряда и лаптя не сплетёшь. Не учась и лаптя не сплетёшь. Только лапоть на обе ноги плетется, а и рукавички розни. На него лапти черт по три года плел, не мог угодить. Станешь лапти плести, как нечего есть. Лапти плести, однава' в день есть, больше не выработаешь. Это не лапоть сплести, не вдруг сделаешь* и др. [1, т. 2, с. 237].

Жители Ивановской области тоже плели и носили лапти: «*Да в лаптях из лыка ходили. И жала я в лаптях. А в лапотки-то беленькие портяночки исткошь. Всё время в лапотках ходили*» (д. Змеёво Шуйского р-на). «*Раньше гулять-то хоца народу-то, а обувать-то нечего. У Матвеевых семья-то большая была. они все высыяят по завалинке. У их были лапти, отец наплёл лаптей*». «*Обувь-то была ещё лапти, деда нам лапоточки сплетёт, мы и пойдём кататься на льду*» (д. Волокобино Южского р-на). «*Мама вязала лапоточки крючком из тряпок, ну, как полвики вяжут. Лапоточки из лыка, тряпок, хлопка фабричного. Рядиться не во что было*» (пос. Холуй Южского р-на).

Юлия Владимировна Шомина, 1923 года рождения, жительница Шуи, рассказывает, что «*из пеньковых веревок лапти были. Из льна, наверно, потягиче только были, с завязками, а то они слетят. Шнурки плели, плетеные были, из этого же, из мочалы. Она ведь поддаётся, эта лычка-то. Плели прямо, не крестом, а как верёвку*».

Александр Федорович Мельников, 1933 года рождения, житель Шуи, вспоминает: «*Раньше-то всё в лаптях ходили. Я и сам лапти-то плёл. Во льмёшь ободранное лыко, мочишь его и скатываешь в каталку. Лыпа надо*

чтобы молодая была, не старая, а то кору-то и не обдерёшь. Мочут её и режут на полоски метра по полтора. На один лапоть 7 штук надоть. Счищаешь с них шкуру. Одну полоску скручиваешь, чтобы как верёвка была, да на колено привязываешь. А другие на неё и наматываешь, чтобы 14 концов получилось. Да ещё три поперёк пойдут. Это ещё голова будет. Я всё прямые лапти плёл. А вон Гришка, тот всё мордовки плёл. До пятки дойдёшь и разгоняешь лыко руками. А уж второй слой кочедыком плетёшь. И носить можно. Наматываешь онучи да потом суконные онучи, а после изо льна, они сырость не пропускают. Ещё оборы есть, чтобы онучи-то не разматывались. У нас на заводе мордовка была, Машиа, так она, бывало, скажет: «Ой, в валенках и ноги-то замерзли, а в лаптях и не замёрзли бы». А весной детя'м-то лаптям колодки деревянные делали, чтобы не намокли ножки. И на базар, бывало, в лаптях поедешь».

В д. Петушиха Юрьевоцкого р-на так описывают внешний вид *мордовок*: «*Да такие же лапти, мордовки-то, мужики их всё плели себе наши. Только повыше они были, до щиколотки доходили, да поглубже лаптей-то*».

Елизавета Алексеевна Жемчугова, 1926 года рождения, жительница Шуи, говорит о том, что «*выходными были чуни, а так-то ступни' обували. Их, бывало, сами делали из берёзы. Оне такие же, как лапти, только без веревок. Очень уж оне удобные и полезные для ног*». Анна Ефимовна Костина, 1928 года рождения, шуянка, вспоминает: «*Да, ещё из лыка ступ'ни плели, такие глубокие галоши, женщины на работу носили*». Употребляется и уменьшительное *ступешки*: «*В ступешках я топнула, на мне юбка лопнула. Где бы вязочку мне взять, чтобы юбку подвязать?*» (частушка записана в пос. Палех).

Ивановским говорам известны и такие наименования лаптей, как *лычные* («*У нас в деревне только лычные лапти носили, а у отца – всякие*» - Шуйский р-н); *корзины* («*А как начинал таять снег, так надевали корзины, с корзинами носили онучи, их ткали специально, как полотенца*» - Вичугский р-н); лапти с высокими бортами называют *бахилами* (Гавриловопосадский р-н); лапти из бересты – *брёдовика'ми* и *бересте'нками*; *калишки* же – это лапти без пяток (Шуйский р-н).

В местных говорах отмечено слово *поршни* («*Шил он и красавки, и поршни - всё раскупали*» - пос. Палех. «*Летом всё большие поршни носили, когда жарко*». «*А на работу ещё калижки, поршни с ушками. Калижки вместо калош, как сабоги, из такой же кожи, а поршни из лыка плетут*». «*И поршни были – такой же лапоть, только поуже, без веревок*» - Шуйский р-н). Слово употребляется в русском языке с XVI в. В письменных источниках впервые упоминается в Никоновской летописи в 20-х годах XVI в.: «*Егда же пришеише зима и мразии лютыи, стояще в поршнѣиныхъ въ протоптаныхъ*» [4, с. 47]. Г.В. Судаков приводит примеры употребления слова в разных письменных памятниках и приходит к заключению, что «поршни - обувь типа башмаков, их шили из дубленой кожи, пропитывали ворванью, голенища их

опушивались, к ноге привязывались бечевками. Эта обувь различалась по размерам и в разных местах имела особенности в покрое. Надевали их на чулки. На севере их обували для работы на коровьих дворах, поварнях и т.п. У бедноты это была повседневная обувь» [4, с. 48].

Подробно описывает поршни В.И. Даль. Он определяет слово через ряд синонимов: *посто'лы, кожанцы, каллиги, род сандалий*. Далее автор «Толкового словаря живого великорусского языка» пишет, что «поршни вообще не шьются, а гнутся из одного лоскута сырой кожи или шкуры (с шерстью), на вздержке, очкуре, ременной оборе; обычно поршни из конины, лучшие из свиной шкуры, есть и тюленьи; их более носят летом, налегке, или на покосе, где трава резуча, а рыбаки одевают их сверх бахил. Зовут поршнями и обувь из опорков сапожных, или берестяники, шеложники (лапти), даже кенги, плетеные из суконных покровок». В качестве иллюстративного материала В.И. Даль приводит пословицы и поговорки, уже неизвестные современному человеку, вышедшие из народного обихода так же, как и слово *поршни*, входящее в их состав: *Как черт в поршнях, неуклюж. Поршнями медведя не испугаешь: сам космат. Он в поршнях родился, грубый мужик. У тебя голова-та поршень поршнем, всклокочена. Переобули его из поршней в лапти. Все люди как люди - а мой муж как поршень»* [1, т. 3, с. 325-326].

По поводу происхождения слова известны следующие точки зрения: 1) из *порши* от *пъртъ* 'лоскут'; 2) связано с русским диалектным *порхлый* 'рыхлый, мягкий' [6, т. 3, с. 337]. Г.В. Судаков, учитывая географию слова в XVI-XVII вв., предполагает, что оно впервые вошло в русский язык на северо-востоке европейской части России, то есть в зоне контактов с финно-угорским населением. «Переняв у финно-угорских аборигенов обувь, сшитую из грубо выделанных свиных кож, ей и название дали под влиянием финского языка, ср. финское *porssa* 'поросёнок'; коми *порсь* 'свинья'» [4, с. 48].

Представим еще одно слово – *ко'ты*. Оно известно сейчас как название женских кожаных ботинок («*Обувки мало было. Кто побогаче - в котях*»). «*Коты у меня были с опушкой меховой. Покупала них. Лакированные были. Где-то в 30-х годах начали. У мамы у нас не было лакированных, а так были. Они всякие были. Были очень модные, очень редкие такие. Запяток, носок из другой кожи*» - Шуйский, Палехский р-ны).

Слово впервые зафиксировано в начале XVII века. Так называли «вид дешевой обуви: невысокие сапоги, башмаки (кожаные, вяленые, плетеные), иногда с опушкой» [3, вып. 7, с. 386]. Иллюстрации из письменных источников XVII в., приводящиеся в «Словаре русского языка XI-XVII вв.», позволяют представить этот вид обуви. Например: «а шиты из тѣхъ же ево привозныхъ ис красныхъ и из дубленныхъ кожъ»; «двадцать девятеры коты обуви с опушнями высокими и niskими тритцать трои переды красные»; «десятеры коты волосеные» [3, вып. 7, с. 386].

У Даля коты характеризуются как «женская обувь, род полусапожек, ботинок, башмаки с высокими передами, либо круглые, будто с отрезными

голенищами, с алою оторочкой; мужская верхняя обувь, калоши, кенги, обуваемые сверх сапог или бахил». Далее отмечается, что во **владимирских** говорах *коты* – это «**поршни или берестяные лапти, с оборами**» (выделено нами. – Л. Б.). Прочитируем также иллюстративный материал, приведенный Далем: «*И наша дура коты обула! В котях щеголяет, говорится в Сибири о всякой вещи редкой или дорогой; ныне молоко в котях щеголет!*» [1, т. 2, с. 179].

Слово *коты* заимствовано из коми *kot* 'обувь из одного куска кожи, валенки'. В удмуртском языке известно *kut* 'лапти', которое происходит из ненецкого *hoti, huti* 'сапог' [6, т. 2, с. 354]. (Кут представлено в «Удмуртско-русском словаре» с пометой *устаревшее* [5, с. 235]). Происхождение слова объясняет северный ареал первоначального его распространения. В XVIII в. оно фиксируется словарями со значением 'башмаки', 'похожи на башмаки без каблуков', в XIX-XX вв. слово стало достоянием многих русских говоров, обозначая различные виды обуви [4, с. 38], в том числе лапти.

Итак, на территории Ивановской области было известно множество наименований лаптей. Некоторые из них сохранились лишь в памяти пожилых людей как названия старой крестьянской обуви, а такие, например, как *калишки, бахилы* и *коты*, стали называть другие виды обуви.

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. - М., 1989-1991.
2. Словарь русского языка: В 4-х тт. - М., 1981-1984.
3. Словарь русского языка XI-XVII вв. - М., 1975-1983. Вып. 1-10.
4. Судаков Г.В. Лексикология старорусского языка. - М., 1983.
5. Удмуртско-русский словарь / Под ред. В.М. Вахрушева. - М., 1983.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. - М., 1986.

В сборе материала принимали участие студентки историко-филологического факультета ШГПУ Е. Козлова, Е. Асташева, Е. Мельникова, О. Мельникова, Л. Мельникова (Шуйский р-н), Е. Сереброва (Палехский р-н), Н. Курицына (Южский р-н).

Г.П. МУРАВЬЕВА
(г. Иваново)

В КРАЮ БЕРЕНДЕЯ

*Хорошо на просторе дорог
Услышать костромской говорок,
По обычаю давних времен
Отдавать незнакомым поклон,
Отдыхать под кустом в холодке
На обросшем грибами пеньке.
Д.Н. Семеновский.*

Передо мной снимок из альбома В.Г. Семеновской – тети Вари. 1955 или 1956 год, Костромская область, деревня Лобаново, что в 1,5 километрах от Щелькова – музея-усадьбы драматурга А.Н. Островского. На снимке – Дмитрий Николаевич Семеновский, его жена Варвара Григорьевна и их гости.

В Лобаново Семеновские приехали отдыхать где-то в начале пятидесятых годов. Их не могли не пленить густые сумрачные леса, глубокие обрывистые овраги, чистые холодные речки Куекша и Сендега, лесные тропинки, зачастую обрывающиеся в непроходимых зарослях елей, кустарника и крапивы. Когда, казалось, дорога полностью утеряна, вдруг где-то рядом слышатся мелодичное позвякивание и тяжелые вздохи: на возникшей перед глазами небольшой поляне пасутся коровы с привязанными колокольчиками.

Неудивительно, что Дмитрий Николаевич и Варвара Григорьевна, нежно любившие природу, попав в Лобаново раз, продолжали приезжать туда каждое лето, пока позволяло здоровье Дмитрия Николаевича. Они останавливались у Евдокии Дмитриевны Шаниной, жившей в доме вместе с сыном Колей. У Семеновских часто гостили родственники и друзья: Иван Алексеевич и Тамара Николаевна Ханаевы, брат Дмитрия Николаевича Валентин Николаевич с сыном Сережей, сестры Варвары Григорьевны Прасковья Григорьевна Голубева и Клавдия Григорьевна Силантьева (Голубева) – тетя Паня и тетя Клавдя, ее племянники, дети брата Николая Борис и Елена Голубевы, жена Бориса Елена Павловна Голубева (Смирнова), москвичи Григорий Андреевич Панкрышев, сын Марии Григорьевны Панкрышевой (Голубевой) – моей бабушки, сестры Варвары Григорьевны – с женой Александрой Григорьевной Панкрышевой – дядя Гриша и тетя Шура. Одни жили в Лобанове неделю-две, другие, как москвичи, приезжали на два-три дня.

О поездках к Семеновским в деревню вспоминает Елена Павловна: они с Борисом были в Лобанове дважды, в 1955 и 1956 годах. Добраться до места было не так уж легко: от Заволжска нужно идти пешком около 20 километров, а шли не налегке, несли крупы, хлеб, сахар и другие продукты. Иногда везло: однажды Клавдии Григорьевне, ехавшей вместе с

ними, прямо на дороге удалось поймать подводу до самого Лобанова. Вещи положили на телегу, туда же села и тетя Клавдя; Борис с Еленой шли рядом. Дорога была неровная, отнюдь не асфальт; к концу пути и лошадка притомилась, а тетя Клавдя несколько дней жаловалась на боль в костях – сильно ее натрясло.

Располагались в доме по-простому. Дмитрий Николаевич, как человек болезненный, спал на кровати; тетя Варя, тетя Клавдя, тетя Шура и Лена – на полу рядом; Борис, дядя Гриша и Коля устраивались в сарае на сеновале, сама же Евдокия Дмитриевна спала «на мосту»: ложилась она поздно, вставала затемно, ей и спать-то было некогда.

Борис и дядя Гриша, страстные рыболовы, рано утром шли на Сендегу рыбачить, благо, река была рядом с деревней. Возвращались довольные, без улова или с несколькими рыбешками для кошки.

Утром же старшие «дачницы» занимались приготовлением пищи, печь топила обычно сама хозяйка, реже – Клавдия Григорьевна. Лене доставалось мытье пола.

Она вошла в семью Голубевых недавно, стеснялась и смущалась и, чувствуя ее робость, Дмитрий Николаевич взял Лену под свою опеку. Если начинался «женский» разговор о предметах и людях, ей незнакомых, и ей было не очень уютно, он уводил ее: «Да ну их, Лена. Пойдем на Шишку за малиной». Брели кружки и шли на Шишку – возвышенность, поросшую лесом. Малины там, правда, было немного. Он же помогал Лене с добыванием воды. Колодец в деревне был очень глубокий, приходилось долго раскручивать веревку, временами ведро срывалось. Однажды так и случилось. Лена в горе прибежала к Дмитрию Николаевичу, вместе они пытались достать ведро. Когда все попытки оказались тщетными, Дмитрий Николаевич пошел за помощью к хозяйке, сказав, что утопил ведро он. Ей как-то удалось ведро извлечь – опыт! В другой раз Дмитрий Николаевич и Лена вместе ходили за водой и, вытянув ведро наверх, обнаружили в воде лягушку. Дмитрий Николаевич отнесся к этому спокойно: «Давай мы ее выбросим и ничего не скажем».

Переделав необходимые дела, «дачники» компанией отправлялись гулять, иногда к гуляющим присоединялся Коля. Бродили по лесу, полям, ходили в Щельково и окрестные деревни. Дмитрий Николаевич, обычно сдержанно-молчаливый, на природе словно сбрасывал с себя груз лет, невзгод и болезней, становился разговорчивым, любил пошутить. Лена вспоминает, как во время такой прогулки он с чувством пел перед дамами «Отца Онуфрия».

На поляне среди елей и трав и запечатлел их фотограф: спокойно-просветленных, чуть уставших от летней жары.

Ушли тетя Варя, тетя Клавдя, тетя Шура, дядя Митя, дядя Гриша, Борис. Кто-то раньше, кто-то позднее. Нет и Коли Шанина. Мир и покой вам, родные наши!

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

Н.В. КИПРИЯНОВА
(г. Владимир)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСОЗНАНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КУПЕЧЕСТВА В XVIII в.

В отечественной исторической литературе неоднократно отмечалось, что российское купечество в XVIII в. обладало крайне низким социальным статусом «мужика сорокоалтынного» (размер подушной подати). Купцы жаловались, что дворяне могли взять в их лавках любой товар, «позабыв» расплатиться, что остановившиеся в их домах на постой офицеры производили перепланировку жилья, заполняли двор каретами и сворами охотничьих собак, часто выгоняя самих хозяев в чуланы, что многочисленные государственные повинности не дают возможности уделять должное внимание собственной коммерческой деятельности и т.п.

Выяснение положения отдельных сословий общества, их влияния на политику государственной власти, раскрытие механизма функционирования самой власти дают возможность проследить воздействие власти на законодательное регулирование сословий. В указанный период значительно возросла роль купечества в хозяйственной жизни страны, и вполне естественно, что купцы стремились упрочить свое положение, добиться определенных прав и привилегий. Для улучшения ситуации, по мнению купечества, необходимо было не только изменить законодательство, но и тщательно соблюдать уже существующие законы. Вместе с тем сами купцы не отличались безусловным законопослушанием.

Целью данной работы является рассмотрение правосознания провинциального купечества. Правосознание, особенно в ситуациях конфликта с законом, позволяет реально представить степень взаимного доверия власти и общества, определить, насколько власть может рассчитывать на поддержку населения.

Источниковой базой исследования являются в основном документы Государственного архива Владимирской области (ГАВО) из фондов губернского и городских магистратов, а также законодательные акты и материалы Уложенной комиссии 1767/68 гг. Автор не претендует на фундаментальные выводы и обобщения, а лишь представляет серию курьезных ситуаций, которые рисуют провинциальные нравы, позволяют увидеть закон и судопроизводство глазами современников.

Процесс первоначального накопления капитала зачастую имел криминальный характер, и провинциальное купечество не останавливалось ни перед мелким примитивным воровством, ни перед настоящим разбоем. Купцы крали друг у друга овчинные шубы, кафтаны, сарафаны, портки¹, мотки пряжи², муку, солод, весы и даже пустые мешки³. При этом разворачивались самые настоящие детективные истории.

В апреле 1793 года регистратор управы благочиния г. Гороховца Н. Богданов, выглянув в окно в третьем часу ночи, обнаружил в своем огороде ратмана городского магистрата купца В. Балуева, который «снял ниток до 50 мотов, кои там на снегу белились». Схватив шпагу, Н. Богданов с криками «караул!» выскочил на улицу. Ратман, бросив нитки, бежал.

Застигнутый на месте преступления, В. Балуев, тем не менее, на допросах упорно утверждал, что «в третьем часу ночи он никуда не хаживал и ниток не воровал». Как выяснилось, с 1792 года на него были заведены еще три уголовных дела: о поджоге бани секретаря Ключарева, о нанесении обиды бывшему регистратору «в натягивании на глаза шапки и в ударе по зубам» и о «похищении хомута с лошади». Городничий г. Гороховца жаловался владимирскому и костромскому генерал-губернатору И.А. Заборовскому, что «ратманы, заседающие в управе благочиния, судимы были и ныне судятся в краже», но реально что-нибудь предпринять не мог. Двоюродный брат проворовавшегося ратмана неоднократно избирался бургомистром г. Гороховца, и вопреки всем грозным предписаниям, «настрожайшим» распоряжениям дела затягивались, закрывались и, в конце концов, просто забывались⁴.

Сами горожане достаточно лояльно относились к «порочному» прошлому представителей органов самоуправления. В 1794 году киржачские купцы обратились в губернский магистрат с жалобой, что их не допускают на заседания городского магистрата, куда они были избраны. Причина в том, что несколько лет назад их наказали «батошьем публично» за «ослушание в разных от соцких приказаниях и за скверную брань», за «дранье волос» заседателя нижнего земского суда, за ссоры и «ударение» солдата, а также за непристойные крики на мирских сходах. Губернский магистрат вынес постановление: расценить данные поступки как «самомалейшие вины», купцов «почитать за ошельмованных», а так как они «состояния хорошего, включить их в общество» и разрешить исполнять обязанности ратманов⁵.

Еще один киржачский купец И. Шапошников в 80-х гг. XVIII в. устроил дома самый настоящий пункт скупки краденого: «где что покрадут, то все относят в дом к помянутому купцу Шапошникову». Правда, на этот раз машина правосудия со скрипом за два года смогла собрать необходимые доказательства. Украденное имущество на сумму 48 руб. 45 коп. было опознано пострадавшими. (Для сравнения: курица в это время стоила 5 коп., аршин крашенины – 6 коп.). И. Шапошников по решению палаты уголовного суда Владимирского губернского магистрата был наказан кнутом и сослан в Иркутск, а его дом «со всем строением и пожитки» продан с публичного торга⁶.

Совершенно естественным считали купцы поживиться при случае за счет своих подвыпивших товарищей.

В октябре 1791 года департамент уголовных дел Владимирского губернского магистрата рассматривал иск к купцу И. Калашникову, обвиняемому в краже муки, солода и четырех мешков «портяных». Иск подал

крестьянин Яков Носов, отец пострадавшего. Во время расследования выяснилось, что, возвращаясь после удачной торговли из г. Юрьева (Польского. — *Н. К.*), Павел Носов с приятелями «напився пьян» и заснул где-то около моста. При этом — с какими приятелями он напился, на какие деньги и где пил, где с «друзьями» расстался, сколько привез муки и солода, кому продал, сколько денег получил — П. Носов ничего не помнил, но «безмен при нем точно был»⁷. Этот несчастный безмен и стал основанием для обвинения в воровстве купца И. Калашникова, т.к. именно он принес, видимо, не совсем протрезвев после попойки, к своему соседу мешок с пшеничной мукой, сказал — «в заклад» и «взял денег 48 коп.». Только через два дня, заглянув в мешок, сосед обнаружил, что там не мука, а солод и три пустых мешка, а также безмен. И опять разбирательство затянулось на несколько лет, дело отправляли на ревизию и снова возвращали, И. Калашникова то приговаривали к наказанию кнутом, то отпускали; вспомнили, что в 1784 году его обвиняли в краже сукна, но не смогли ничего доказать. Дело в итоге закрыли. Показательно, что И. Калашников «объявил у себя капиталу» 1001 рубль, что соответствовало в то время имущественному цензу купца третьей гильдии⁸, и эти 48 копеек под залог украденного солода выглядят просто нелепо.

Эти и подобные им случаи довольно безобидны, однако есть факты и иного порядка. Длительное время в окрестностях г. Мурома действовала шайка купца Петра Тагунова. Разбойниками была украдена монастырская денежная казна, что само по себе являлось большим грехом; в результате грабежа «денег и всяких пожитков» лишился муромский купец Мяздриков, под деревней Чулково на реке Оке был ограблен еще один муромский купец — Тарас Крыгин, а затем — крестьяне с. Погост. Кроме этих эпизодов П. Тагунова обвиняли в краже двух лошадей и «взятии на плотках и на лодках у разных людей ситного хлеба». Неудивительно, что за все содеянное П. Тагунов был наказан «нешадно» кнутом и отправлен на вечное поселение в Сибирь⁹.

Грозный клич разбойничьих шаек «Сарынь на кичку!»¹⁰ был постоянным кошмаром для всех купцов. Столкновение с разбойниками, беззастенчиво грабившими торговые караваны, были распространенным явлением. Тем не менее, купцы умели и защищаться. Один из таких эпизодов описан краеведом А.А. Титовым.

Муромский купец Бушуев, «нагрузив разным товаром судно», поплыл по Оке. Ожидая возможного нападения, Бушуев оснастил свое судно «всеми оборонительными снарядами, пушками, ружьями, мушкетамы, пистолетами и кистенями». Недалеко от Муромы судно было атаковано, но, встретив мощный отпор, разбойники «спешили удалиться вниз по течению реки Оки и, убрав, как следует, убитых и раненых, расположились ночевать на берегу и стали варить кашу. Ободренный победою, Бушуев снялся с якоря, тихо пустил судно свое по воде, и без шума, достигнув до неприятелей, заметил огонь уставшей шайки воров, направил на них с судна пушки свои и сделал

весьма удачный залп. Ядро ударило в кашеварный котел, и разбитыми осколками еще поразив некоторых, рассеяло всю шайку. Разбойники бросились бежать на берег и оставили в добычу победителей лодку и весь свой багаж»¹¹.

Немало курьезных примеров дает рассмотрение взаимоотношений купечества и верховной власти. Созывая Уложенную комиссию в 1767 году (седьмую на протяжении XVIII века), Екатерина II ставила цель «ликвидировать великое помешательство в суде и расправе, следовательно, и в правосудии»¹². Подробная процедура выборов регламентировалась специальным указом. Помимо установленного имущественного ценза¹³, избираемые должны быть «не банкротные», «в явных пороках не бывалые, добрые совести и незасорного поведения». Законом определялись и «выгоды депутатские». Депутат на всю жизнь, «в какое бы ни впал прегрешение», освобождался от смертной казни, пыток, телесного наказания; его имущество не подлежало конфискации (допускалась лишь конфискации за долги). Вполне естественно, что депутатская неприкосновенность являлась определенным стимулом в борьбе за участие в работе Комиссии.

Важнейшей особенностью процедуры выборов являлась независимость их от коронной администрации: губернаторам и воеводам «к тем выборам ни под каким видом не приступать и ничем не мешаться»¹⁴. И действительно, губернаторы в определенном смысле «не мешались». В этом плане показательны выборы в г. Гороховце.

В марте 1767 г. депутатом от Гороховца был избран большинством голосов И.Я. Молявинский. Как и было положено, после выборов он явился в Сенат, где был зарегистрирован в качестве депутата. Однако один из избирателей, купец Ширяев Е.А., обратился к городскому голове с заявлением о незаконности выборов, так как И. Молявинский много лет жил в Москве, и поэтому его нравственные качества не могут быть известны избирателям. Голова (Судоплатов Е.Д.) отказался принять это заявление на основании окончания срока выборов. Тогда Ширяев обратился к воеводе, а тот отправил его к губернатору. Другие купцы также подали челобитные с протестом. По настоянию губернатора воевода предложил Судоплатову написать объяснение о явных нарушениях в процедуре выборов, но тот отказался, заявив, что челобитчики хотят остановить выборы «для своей корысти». Губернатор распорядился организовать новые выборы, но городской голова «несколько в шумстве» потребовал объяснить, на каком основании новые выборы назначены. Более того, Судоплатов даже отказался зайти в канцелярию, так как у воеводы «под командою» не состоит.

Между тем, губернатор решил проверить, насколько обоснованы обвинения в незаконности выборов. Выяснилось, что, действительно, И. Молявинский «с малолетства» жил в Москве в услужении у купцов, в настоящее время является сидельцем в питейных погребках у купца первой гильдии Малыгина и получает два рубля в год. В г. Гороховце у Молявинского на огороженной земле находятся сад, амбар и погреб «пустые,

малые и ветхие»; дома и, тем более, промыслов у него нет. Более того, Молявинский вообще не значился в списке, представленном магистратом.

По представлению губернатора Сенат выборы Молявинского отменил, назначил новые, а голове предписал вынести выговор. Судоплатов, тем не менее, новые выборы провести отказался. В результате Сенату, видимо, надоела вся эта история, и семь месяцев спустя – в октябре 1767 года – кандидатура Молявинского была утверждена повторно¹⁵.

Таким образом, городской голова считал возможным просто проигнорировать распоряжения Сената, явно нарушая закон.

Откровенно пренебрежительное отношение к закону наблюдалось и в самом конце XVIII века, хотя абсолютизм, по общему признанию, к этому времени утвердился окончательно. В 1792 г. начался конфликт между владельцами двух стекольных фабрик в Судогодском уезде Владимирской губернии – купцом С. Вороновым и «дворяншей» М. Мальцовой. М. Мальцова пожаловалась, что трое ее мастеровых, исчезнувших некоторое время назад, вместе с семьями оказались на заводе С.Ф. Воронова. Когда заседатель нижнего земского суда С. Яковлев прибыл на фабрику Воронова, чтобы вернуть беглых, жена Воронова, Мария Андреева, распорядилась «всем находящимся в той фабрике мастеровым и бывшему в то время священнику Меленковской округи заседателя и понятым бить до смерти». Заседатель впоследствии указывал, что при чтении указа Правительствующего Сената Воронова позволяла себе «дерзновенные слова» и выполнять распоряжение Сената не собиралась¹⁶. Расследование проводилось пять лет, до января 1797 г. Было опрошено 27 свидетелей. Священник – отец Михаил – на допросе утверждал, что никаких «законопротивных поступков» не было, никаких мастеровых он не видел и никакого указа не слышал. Соцкие и мастеровые отказались подтвердить заявление судебного заседателя, и дело было закрыто¹⁷.

Парадокс даже не в том, что заведомо ложные показания под присягой давали несколько десятков человек. В присутствии более сорока свидетелей жена купца Воронова назвала сенатский указ «ложным», а заводской приказчик с явным пренебрежением «не скидал шляпы» и заявил, что «указ наврала де баба, и он его и слушати не хочет»¹⁸. Это уже – прямое оскорбление в адрес императрицы, а владимирская палата уголовного суда сочла возможным лишь взыскать с Вороновой «за бесчестье заседателя Яковлева» его годовое жалованье в двойном размере!

Подобные примеры откровенно пренебрежительного отношения к законодательству и верховной власти можно продолжить. В то же время сама деятельность Уложенной комиссии и особенно депутатские наказания, являются показателем поиска компромисса между властью и обществом. Те же самые купцы, игнорируя не удобные им законы, в своих наказах внесли свыше семидесяти различных предложений (не считая мелких и специфических местных). Вопросы судопроизводства, управления, кредитования, безусловно, во многом зависят от властей. Но что может сделать верховная

власть, когда купцы просят запретить крестьянам спаивать купцов и «по тому их слабому состоянию» брать подложные векселя за якобы купленные товары?¹⁹

В целом следует отметить, что уровень правосознания городских жителей был крайне низок. Выдвигая претензии власти о неисполнении законов, они сами стремились обойти закон при каждом удобном случае, при этом часто вступая в откровенный конфликт с коронной администрацией.

¹ ГАВО. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 198. Л. 9-10.

² Там же. Оп. 1. Д. 288. Л. 6.

³ Там же. Оп. 1. Д. 276. Л. 10, 21 об.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 288. Л. 4, 6, 82.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 296. Л. 13-14.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 288. Л. 9-15, 16 об., 32 об.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 276. Л. 21, 37.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 276. Л. 10, 95-95 об.

⁹ ГАВО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 433. Л. 100.

¹⁰ Сарынь – ватага, шайка; кика, кичка – зд.: нос судна; клич «Сарынь на кичку!» аналогичен призыву «На абордаж!».

¹¹ *Титов А.А.* Историческое обозрение г. Муром. Репринтное издание. – Муром, 1991. – С. 76.

¹² ПСЗ. Т. XVII, № 1208.

¹³ Избирать и быть избранным от города мог любой хозяин, имеющий в городе «дом, дом и торг, или дом и ремесло, или дом и промысел» вне зависимости от сословной принадлежности // ПСЗ. Т. XVII, № 1208.

¹⁴ ПСЗ. Т. XV, № 11335.

¹⁵ *Липинский М.А.* Новые данные для истории Екатерининской комиссии о сочинении проекта нового Уложения // ЖМНП. – 1887. - № 6. – С. 239-287.

¹⁶ ГАВО. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 297. Л. 3-3 об.

¹⁷ Там же. Л. 81, 146.

¹⁸ Там же. Л. 15, 16.

¹⁹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 96. Ч. 3. Л. 30.

ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА И РАСКОЛЬНИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИРСКОЙ И КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Известно, что в начале 80-х гг. XIX в. на законодательном уровне была ограничена образовательная деятельность старообрядцев. Учителям-раскольникам запрещалось открывать собственные школы и обучать детей. Однако школы продолжали функционировать тайно. Об этом свидетельствуют данные, поступавшие в местные церковно-школьные управления от священников, благочинных, наблюдателей церковных школ. В частности, 8 мая 1897 г. Владимирским епархиальным училищным советом было «начато» дело на основании сведений, полученных от миссионера М.В. Грацианского, о существовании тайных раскольнических школ в некоторых деревнях епархии. М.В. Грацианский, опираясь на отчеты священников из приходов, зараженных расколом, «рапортовал»: во Владимирской епархии существует 8 тайных раскольнических школ (в дд. Слободищах и Реутове прихода погоста Преображенского Вязниковского уезда, Купленском приходе, д. Перове прихода Георгиевской слободки, д. Выезде Красносельского и д. Патреве Пестяковского приходов Гороховецкого уезда, дд. Шипелях и Левине прихода погоста Георгиевского, что в Славце Судогодского уезда), которые, по его мнению, необходимо закрыть или заменить церковно-приходскими школами (далее – ЦПШ), школами грамоты (далее – ШГ). После проверки этих сведений благочинными оказалось, что только три из перечисленных школ действовали, но были закрыты. Данные по другим школам не подтвердились. Благочинные заявили, что подобных школ либо вообще не было, либо они не являлись «правильно организованными раскольническими школами», не имели «характера школьного обучения», не вели «антиправославной пропаганды» и не были тайными¹.

Решение образовательного вопроса в местах, зараженных расколом, пыталось взять на себя духовное ведомство. Оно открывало доступ детям раскольников в только что официально утвержденные различные типы начальных церковных школ (далее – ЦШ)².

В приходы, где был «силен раскол», местные духовные власти Владимирской и Костромской губерний направляли опытных и хорошо подготовленных священников. Им предписывалось, прежде всего, вести пропагандистскую деятельность среди родителей, склоняя их к решению обучать детей в ЦШ, а также по возможности открывать там школы и устраивать при них противораскольнические библиотеки. Последние меры нередко осуществлялись при поддержке местных православных братств (во Владимирской епархии – Александра Невского, в Костромской –

Федоровско-Сергиевского, Александровского), в задачу которых входила просветительская деятельность в духе православной церкви.

При устройстве ЦШ в старообрядческих приходах возникало немало трудностей. Жители некоторых селений обеих епархий «противодействовали» открытию школ. Например, во Владимирской епархии раскольники запугивали крестьян слухами о том, что с них при открытии школы будут брать дополнительные налоги³.

Активная деятельность со стороны духовного ведомства в образовательной сфере не приносила ожидаемых результатов. Статистические данные церковно-школьного управления как Владимирской, так и Костромской губерний показывают, что число детей раскольников в начальных ЦШ было незначительным. В 1898 г. в школах первой епархии обучалось 305, а во второй – в одноклассных ЦПШ 35 и ШГ 127 человек⁴. В начале XX в. во Владимирской епархии их число возрастет до 495 человек⁵.

Обучению детей раскольников в ЦШ противилась сама община. Показательна в этом плане ситуация в с. Щадрино Макарьевского уезда Костромской губернии, где старцы отлучали от «молельной» семьи, чьи дети учились в ЦШ. Немногие родители выдерживали такой «натиск» общины и забирали детей из школы. Лишь одна семья Рыжовых, как следует из сообщения зав. школой Ф. Нагорова, сумела «выстоять»⁶. Некоторые дети села шли против воли родителей, самостоятельно посещая ЦШ. Взрослые, узнавая об этом, шли на крайние меры: лишали детей пищи и теплой одежды, но иногда безуспешно⁷.

Несчастья, происходившие в семьях, чьи дети получали начальное образование в ЦШ, воспринималось общиной с. Щадрино как Божья кара. Так, однажды в одном раскольническом доме «мальчик-шалун» бросил зажженную бересту в хозяйскую дочь. Девочка погибла. Соседи в случившемся винили не мальчика, а мать, считая, что ее наказал Бог за то, что она отдала своего сына учиться в школу. Дьяки селения схоронили девочку с «замолитвенником» только после обещания матери забрать сына из школы⁸.

В этом, как и во многих других раскольнических селах, житочные крестьяне предпочитали отдавать детей на обучение (за определенную плату) своим дьякам.

Иногда раскольники добровольно отдавали своих детей в ЦШ, но только с целью «поучить механизму письма и чтения». После получения соответствующих умений детей забирали из школы, «направляя» затем на дальнейшую «выучку» или еще хуже для «переучивания» своим начетникам⁹.

Во время обучения в школах духовного ведомства нередко дети раскольников не участвовали в ежедневных молитвах, считая за грех такое общение с православными. Избирательный подход у них был и к школьным учебникам. Так, в Костромской епархии в Теплухинской ШГ (Варнавинский уезд) дети раскольников обучались по букварю и Псалтыри, напечатанной в единоверческой типографии при Свято-Троицкой Введенской церкви г. Москвы¹⁰.

Церковно-школьное управление епархий считало, что привлечь раскольников в ЦШ может хорошее благоустройство учебного заведения. Но это было заблуждением. Так, в Щадринскую ЦШ, несмотря на «приличное собственное здание» с общежитием и «безплатным столом», ходили только православные дети из отдаленных деревень¹¹. Кроме того, Костромской епархиальный училищный совет, имея успех распространения ШГ среди раскольников в Варнавинском уезде, полагал, что на ослабление раскола может «более повлиять» благоустроенные ШГ «с надежными учителями, специально подготовленными к просветительской миссии» нежели ЦПШ, которые «явно и резко стремятся повернуть раскольников на путь единения с православной церковью».

Устройство подобных школ не всегда было возможным. А потому действия церковно-школьного управления в отношении привлечения детей раскольников в ЦШ имели более чем скромный результат. Вместе с тем в условиях «сильного» распространения раскола в епархиях они не были лишены смысла.

¹¹ ГАВО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 108. Л. 1-14.

¹² Примеч.: В учительских церковные школы дети раскольников не допускались (ГАВО. Ф. 450. Оп. 2. Д. 69. Л. 11.).

¹³ См.: Владимирские епархиальные ведомости (ВЕВ), 1900. № 19. С. 618-631; Отчет Костромского епархиального училищного совета о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1896/7 учебном году. Кострома, 1898. С. 8.

¹⁴ Ведомость Владимирского епархиального училищного совета о состоянии церковных школ за 1898 гражд. год // Сборник статистических и справочных сведений по народному образованию во Владимирской губернии. Вып. III. Владимир на Клязьме, 1900. С. 410-411; Ведомость Костромского епархиального училищного совета о церковных школах Костромской епархии за 1898-й гражд. год // Отчет Костромского епархиального училищного совета о состоянии церковных кол в 1898 г. Кострома, 1899. Таблица 1.

¹⁵ ВЕВ. 1907. № 20. С. 2-3.

¹⁶ Костромские епархиальные ведомости (КЕВ), 1905. № 3. С. 87-100.

¹⁷ Отчет Костромского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Костромской епархии в 1895/6 учебном году. Кострома, 1897. С. 5.

¹⁸ КЕВ. 1905. № 3. С. 99.

¹⁹ Такой случай отмечал, например, Нерехтский уездный наблюдатель (Отчет Костромского епархиального училищного совета о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1896/7 учебном году. С. 7-8.).

²⁰ Отчет Костромского епархиального училищного совета о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1896/7 учебном году. С. 8.

²¹ Там же.

П.С. ДУБРОВСКИЙ
(г. Шуя)

КРЕСТЬЯНСКАЯ ИКОНА И РЫНОЧНЫЙ БИЗНЕС: ВЯЗНИКОВСКИЙ УЕЗД

Чрезвычайно широкое распространение иконы в православной среде Российской Империи, как следствие, вызывало разнообразие в насыщении рынка этой продукции. Уровень мастерства и качество исполнения также диктовались условиями рынка, зависели от доходов, образования иконописцев, региональных особенностей и, конечно, соблюдения обрядности, связанного с уровнем веры. Определить точно, сколько образов ежегодно создавалось и продавалось в различных регионах России, не представляется возможным, хотя сделать прикидочную оценку середины – конца XIX века можно по косвенным данным. В своих статьях нами уже неоднократно упоминалось, что основным производителем массовой, расхожей иконы в центре России был Вязниковский уезд Владимирской губернии, где были сосредоточены основные иконописные центры: Палех, Холуй и Мстера. Более того, практически все окрестные села и деревни участвовали в сопутствующих промыслах. Ежегодно на протяжении почти всего XIX века, четыре сезонные ярмарки в Холуе обеспечивали сбыт более 2,5 миллионов икон. Статистические отчеты того времени говорили, что в Холуе, «лежащем при впадении Тезы в Клязьму, так мало обращено внимания на хлебопашество и сельские работы вообще, что тамошний крестьянин едва успевает обращаться с упряжью. Исключая время четырех главных ярмарок, старики и молодые заняты писанием образов, которые расходятся по всей России частью через разносчиков-офеней в числе от 1,5 до 2 миллионов образов»¹.

Необходимо учесть, что на этих ярмарках продавались также иконы Палехских и Мстерских мастеров. «В 1879 году по железной дороге и на лошадях только из Мстеры было отправлено 1 млн. 205 тыс. икон»². Ярмарки проводились и в Палехе, хотя не такие широкие, как в Холуе. Иконы, производства региональных художников, продавались также в Шуе, Костроме, на знаменитой Нижегородской ярмарке, где продавалось, по косвенным оценкам, до полумиллиона икон. В своих работах историк и краевед Д.А. Ровинский пишет «В наше время иконописные фабрики находятся в селах владимирской губернии Палехове, Мстерах и в самых огромных размерах в Холуе (в Кинешме и Шуе иконников больше нет). Иконы пишутся у них целыми заводами в 100, 200, 500 и т.д. штук (одного святого). Каждый образ переходит через пять, иногда через десять рук и более. Потом иконы складываются в углы и продаются офеням, которые развозят их по всей России. Главный торг Палеховского иконного производства в селе Иваново, в селе Холуе и на Нижегородской ярмарке, где их было продано огромное количество и на огромную сумму»³.

Если в старину иконную доску часто готовил сам мастер, то иные масштабы иконного дела потребовали выделения специального промысла – изготовления досок. Почти круглый год (исключая летние месяцы) доски делали крестьяне деревень Большие Мосты, Пестяки, Емельянова, Верхнего Ландеха и многих других⁴. Как и везде, по большей части использовались местные породы дерева. Если в малой Азии брали в основном орех, в Греции – кипарис, то в средней полосе России чаще всего использовали липу, широкую употребительность которой в народном ремесле ярко описал еще Павел Алеппский⁵. Кипарисовые доски импортировали из Греции, иногда – с Афона. Ольховые и осиновые доски доставляли из Гороховецкого уезда, а липовые – из Вятской губернии. Доски для фольговых икон делали также в селе Пурех Нижегородской губернии, а «оклеенные орехом или просто крашенные киоты для них делали в 40 селах Гороховецкого уезда Пестяковской волости⁶.

Количественную оценку продаваемых икон можно сделать по завозимому в иконописные села сырью, которое в огромных количествах заготавливалось крестьянами окрестных деревень, особенно зимой, при отсутствии сезонного крестьянского труда. Начиная с декабря и до весны, доски привозили в Мстеру каждую неделю по средам и субботам от 20 до 50 возов. «Иконники, которые побогаче, запасали в зимнее время, особенно в Великий пост до 15 тысяч досок каждый⁷. По сведениям «Владимирских губернских ведомостей», в 1859 году только из-за Волги было привезено в Холуй 528 тысяч досок, в Палех 440 тысяч и Мстеру 176 тысяч⁸. Сделав несложные прикидочные расчеты, исходя из примерно одинаковой интенсивности работы иконописцев, умножаем приведенные цифры на три, получая для Холуя – более 1,5 миллионов досок, для Палеха – более 1,3 миллиона, для Мстеры – более 500 тысяч, что по самым скромным подсчетам, только в Вязниковском уезде, дает цифру, превышающую 3,5 миллиона образов.

Кроме центральной России, центром иконописи было – село Борисовка Курской губернии, где для продажи в южных регионах России производилось более 1 миллиона дешевых рукописных икон. Однако качество этой продукции часто вызывало нарекание, как по качеству художественного исполнения, так и по отступлению от канонизированного сюжета. Инспекция Комитета попечительства о русской иконописи установила, что «иконописный подлинник «исчез» практически во всех крупных центрах народной иконописи⁹. В частности, уполномоченный Комитета историк искусства Василий Тимофеевич Георгиевский в своем докладе от декабря 1901 года сравнивал в этом плане суздальскую иконопись (имеются в виду села Вязниковского уезда Владимирской губернии) и слободу Борисовку – крупнейший иконный центр Юго-Западной России. Он отмечал, что «у суздальцев хоть прописи и припорохи сохраняются», в Борисовке не было даже подобных образцов: «пишут с олеографических и лубочных картин какие кому попадутся под руку, с литографий, рисуночков, вырванных из книжек и

старых журналов... лишь в недавнее время земство прислало в волостное управление Святцы Солнцева, которые как казенная вещь... хранятся под замком»¹⁰. Припорохи – специальные трафареты по канонизированным сюжетам, представляющие собой картон, где по направлению рисунка пробиты тонкие дырочки, через которые сыпали пигмент или сажу, в результате чего на оригинале оставался основной контур для будущей росписи, применялись как для нанесения рисунка на икону, так и на сырую стену под фреску. Впоследствии это послужило одним из факторов вытеснения рукописной иконы иконой, штампованной на жести, но выполненной с лучших иконописных подлинников.

На территории Сибири крупными иконописными центрами с 20-х годов XVII века были города: Тобольск, Верхняя Тура с прилежащими селами, а с конца XVIII – начала XIX в. икону начали писать в Невьянске, Нижнем Тагиле, Екатеринбурге и других местах, часто небольшими семейными артелями. В Прикамских вотчинах Строгановых и Лазаревых также работали многочисленные иконописцы. В частности, в селе Покча находилась иконописная мастерская А.В. Федосеева с 25 иконниками, резчиками и позолотчиками. В селе Ильинском занимались «живописной, золотарной и резной науками» около 30 мастеров, в Новом Усолье – 15, в Чермозе – около 20¹¹. В целом, изготовление и продажа сибирской иконы к середине XIX в. составляли, по косвенным оценкам, более 1,5 миллиона изделий, однако есть сведения, что иконы, в частности, мастерской Софоновых из Палеха, продавались на ярмарках Урала и Сибири.

Подытожим приведенные выше данные: даже по самым скромным оценкам, выпуск рукописной иконы к середине XIX века составлял по России более 6 миллионов образов в год, причем большая их часть приходилась на Вязниковский уезд Владимирской губернии.

Не затрагивая современный рынок рукописной иконы и проследившая ее путь вплоть до конца XIX века, можно выделить несколько факторов, связанных с изменением спроса именно на дешевую «крестьянскую» икону. К таким факторам можно отнести: общее снижение качества росписи, нарушение канонического сюжета, неэффективный внешний вид, что снижало ценность иконы как элемента украшения жилища. В результате при сравнении соотношения цена-качество очень скоро победила штампованная или наклеенная на жести бумажная икона, имевшая, по крайней мере, сначала богатый и эффектный внешний вид. К тому же при массовом производстве эта икона стоила дешевле.

Как уже упоминалось выше, массовость производства не ведет к повышению качества, и в исторических документах неоднократно высказывались претензии именно к «расхожей» иконе. Еще по указу царя Алексея Михайловича от 1669 года делалось нарекание на снижение качества «расхожих» икон и вменялось в обязанность торгующим людям: «Так же на Москве и во градах учинить заказ крепкий, которые всяких чинов люди сидят в лавках, и те б люди у иконописцев Святые иконы принимали доброго

мастерства со свидетельством, а без свидетельства отнюдь не принимать»¹². Именно к середине XVII века иконописное дело получает те количественные показатели, которые говорят о его массовости, о чем можно судить по замечанию Иосифа Владимирова: «К чему же плошья того икон тех и бесчестнее – прасол у прасола перекупают, что и простого щепья по сту и по тысячи в кострах; шуяне и холояне, палешане на торжках продают»¹³.

Как профессиональные офени, так и крестьяне, иконописцы часто не только продавали, но и обменивали икону на другие товары, причем, судя по обмениваемым товарам и их количеству, иконы не отличались высоким качеством и стоили недорого. В частности, «расхожие» иконы, которые «шуяне и холояне, палешане на торжках продают», ими же развозятся «по залушным деревням, и врозь на яйцо и на луковицу, яко детские дудки, продают. А большей статьею на харавье и на опойки, и на всякую рухлядь меняют»¹⁴. И если подобные высказывания уже появляются в конце XVII века, то к концу XIX века эволюция ухудшения привела к созданию и развитию новой отрасли – машинного производства ликов – и практически к исчезновению «крестьянской» рукописной иконы.

В свете вышесказанного, «расхожая», «крестьянская» икона предстает не только как атрибут веры или произведение искусства, но как массовый рыночный товар, соответствующий и подчиняющийся всем (положительным и отрицательным) законам рынка, действующим в зависимости от исторических условий, национальных, этнических и региональных особенностей экономики Российского государства.

¹² Штуkenберг И.Ф. Статистические труды. СПб., 1858.

¹³ ВГВ. - 1881. - № 8.

¹⁴ Ровинский Д.А. Обзорение иконописания в России до конца XVII в. СПб., издание А.С. Суворина. 1903. - С. 55-56.

¹⁵ Тарасов О.Ю. Икона и благочестие: очерки иконного дела в императорской России. М.: «ПРОГРЕСС – КУЛЬТУРА», «ТРАДИЦИЯ», 1995. - С. 170.

¹⁶ Павел Алешинский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. Вып. 1 – 3. М., 1897. - С. 127.

¹⁷ Отчеты и исследования по кустарной промышленности России. Т. 5, СПб., 1898. - С. 417.

¹⁸ ВГВ. - 1859. - № 15.

¹⁹ ВГВ. - 1866. - № 4.

²⁰ Тарасов О.Ю. Икона и благочестие: очерки иконного дела в императорской России. М.: «ПРОГРЕСС – КУЛЬТУРА», «ТРАДИЦИЯ», 1995. - С. 271.

²¹ Известия высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. СПб. – Петроград. Вып. № 1, 1902. - С. 128.

²² Гончарова Н.А., Губкин О.П., Рунева Т.А. Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII – XX в. Екатеринбург. Издательство Уральского университета, 1998. - С. 8.

²³ Забелин И.Е. Материалы для истории русской иконописи // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 7, 1850. - С. 84.

²⁴ Овчинникова Е.С. Иосиф Владимиров. Трактат об искусстве. [Публикация текста] // Древнерусское искусство, 1964. - С. 33.

²⁵ Там же.

И.Н. ЗУДИНА
(г. Ковров)

ФИЛАНТРОПИЯ С ВЫГОДОЙ

Перемены в обществе вернули нам, казалось бы, совсем забытые слова – милосердие, благотворительность. Благотворительная деятельность составляла значительную часть жизни дореволюционной России. Немалая часть больниц, храмов, попечительских и культурно-просветительных учреждений России строилась и содержалась на деньги жертвователей.

Рассуждая о фактах благотворительности в щедрые на пожертвования купеческие времена, понимаешь, что мотивы благотворительной деятельности далеко не исчерпывались любовью к ближним и не всегда филантропия являла собой образец высокого нравственного служения людям. (Хотя Россия знает немало имен выдающихся благотворителей, среди которых были даже такие, кто целиком посвящал свою жизнь служению обездоленным людям.) На примере ковровского купечества попытаемся выяснить, какие причины могли заставить его представителей вкладывать деньги в те или иные сферы филантропической деятельности.

В развитии благотворительности было заинтересовано государство. Не предусматривая выделения необходимых средств на открытие и содержание народных училищ, больниц, все русские правительства рассчитывали на поддержку местных органов самоуправления, на средства местного населения и на частную благотворительность. Последняя поощрялась – среди жертвователей было немало обладателей орденов Св. Анны, Св. Станислава, Св. Владимира, владельцев медалей «За усердие». Награждение орденами, почетными званиями, должностями повышало вес в предпринимательской среде, обеспечивало общественное признание, удовлетворяло тщеславию.

В сословном отношении Ковров был мещанским городом. Но господствующее положение в городских делах занимало купечество, проявляя к ним большой интерес. Ковровское купечество в XIX веке набирало силу, росло экономически и, безусловно, нуждалось в социальной поддержке и устойчивом положении. Благотворительность способствовала этому. Благодаря крупным пожертвованиям местные предприниматели ловко укрепляли свои позиции в обществе, обретая имя и авторитет. Достаточно сказать, что выборы в местные органы власти происходили не без учета активной благотворительной деятельности.

С момента учреждения города Коврова в местное купечество записались братья Апарины Андрей и Федор. Сын одного из них, Иван Федорович, в 1809-1811 годах пожертвовал 500 рублей на строительство кладбищенской церкви Иоанна Воина, став одним из инициаторов возведения этого храма². В 1812 году он был избран городским головой и занимал этот пост до конца 1817-го и, вероятно, в 1821-23 годах³.

Городской голова был наиболее влиятельным представителем городского самоуправления и, если оказывался энергичным человеком, становился настоящим хозяином города. От энергии этого человека зависели начинания многих дел. Именно благодаря стараниям головы, купца 2-й гильдии И.Г. Дунаева, в Коврове было построено первое здание городской больницы (1844). До него о необходимости такого строительства только говорили, но так как это было дорогостоящее предприятие, то братья за его осуществление боялись. Иван Герасимович, встречаясь с представителями местного купечества, выпрашивал пожертвования на больницу, немалую сумму внес сам и непосредственно руководил работами. Больница была построена, и в следующем году он был избран на очередное четырехлетие, а еще через год его деятельность на поприще благотворительности была отмечена золотой медалью на Аннинской ленте⁴.

Широкая благотворительная деятельность П.Г. Герасимова, записавшегося в ковровское купечество в 1873 году, (строительство лазарета для раненых в Коврове во время русско-турецкой войны (1878), церкви и двухклассного училища в родном селе Тучково (1879-1881), ремонт Воскресенской церкви в селе Мисайлово (1884)) была не только отмечена наградами, но и обеспечила ему стремительное продвижение по ступенькам местного самоуправления – с 1878 года он гласный Ковровской Земской Управы, затем гласный городской Думы и, наконец, ковровский голова на два срока (1884-1891)⁵. А сменил его на этой должности И.А. Треумов, тоже отличившийся на поприще благотворительности – строительстве двухклассного училища в родном селе Малышеве и родильного барака при Ковровской земской больнице, за что тоже был представлен к награде⁶. Своей благотворительностью был известен В.Д. Мытарев, последний ковровский голова. Он жертвовал средства на содержание Сергиево-Елизаветинской богадельни в Коврове и являлся ее председателем. За пожертвования в пользу богадельни Василий Дмитриевич в 1902 году был награжден золотой медалью на ленте ордена Св. Станислава и в том же году стал во главе городского самоуправления⁷.

Профессиональная деятельность купечества редко находила одобрение современников. Практика коммерческой деятельности третьего сословия, где использовались ловкость, изворотливость, нередко обман, далека была от нравственных устоев христианства. Объективно складывалась ситуация, при которой занятия благотворительностью не только оказывали помощь при становлении и развитии коммерческого дела, но и становились своеобразным результатом деятельности предпринимателя. Ковровское купечество, конечно, использовало благотворительную деятельность в своих интересах. Анонимная благотворительность, избегавшая любого шума вокруг персоны жертвователя, практически отсутствовала.

Стремление удовлетворить тщеславие также выступало аргументом в пользу благотворительности. О курьезном случае, произошедшем на заседании городской Думы в 1909 году, рассказала газета «Старый

Владимирец»⁸. Представитель старейшего купеческого рода г. Коврова С.Я. Куренков пожертвовал как-то 7000 рублей на украшение Христо-Рождественского собора, рассчитывая, что за сие будет почтен и возвеличен. Но расчеты не оправдались. Ходатайство о награде консистория задержала. Семен Яковлевич «рассерчал» и потребовал деньги назад. Дума ему в этом отказала: «Что с возу упало, то пропало».

Сделка по поводу благотворительности могла носить и совершенно открытый характер. Известен случай, когда ковровский купец И.А. Треумов в обмен на 1000 рублей на строительство Спасо-Преображенского собора потребовал у города землю под строительство своей фабрики.

Предприниматели не всегда сами проявляли инициативу, рассматривая филантропию в качестве удобного средства для обращения на себя внимания высокопоставленных лиц, приобретения нужных связей и завоевания доверия властей. Власти часто сами обращались за помощью к местным купцам при решении тех или иных финансовых вопросов, «приглашая» к пожертвованиям.

Умение представителей власти «отлично доить» некоторых предпринимателей разоблачал автор распространившейся по Коврову в 1897 году пьесы «Тухлое мясо, или Весы Фемиды». Автором называли господина Коханского, занимавшего должность судебного пристава. А появилась она вскоре после рассматривавшегося в Ковровском Съезде дела по обвинению купца П.Н. Ильина в продаже рабочим своего известкового завода испорченного мяса. Об этом ковровский уездный исправник докладывал владимирскому губернатору, представляя последнему пьесу для ознакомления⁹. Причины для беспокойства у уездного исправника были: сатирическое произведение затрагивало злободневную тему – произвол и вымогательство властей.

Автор – достаточно образованный человек, но не профессионал. В пьесе два действующих лица: Шемяка – «наместник в захолустных палестинах» и Оглобля – «дьяк, приближенный Шемяки». В своем откровенном монологе Шемяка рассказывает, как он обращается к купцам за «добровольными» пожертвованиями:

Конек мой – постройки
училищ, больниц,
(Я очень люблю
молодых фельдшерш).

С купцов я сдираю
большие паи, –
Давно всем известны
приемы мои.

Я часто их
речью такую кормил:
«Пожертвуй мне лесу –
и будешь мне мил,

Не хочешь, – дай камня,
 коль жизнь дорога, –
 Не то наживешь ты
 навек врага!»
 Лишь это скажу я, –
 что нужно дают, –
 Глядишь – тут больница,
 там школы, приют!...
 Я им начальник,
 родной им отец!
 Один лишь нашелся
 ослушник купец
 Ему приказал я
 один на один:
 «Пожертвуй ты лесу
 нам пять десятин,
 Дай камня, в придачу
 рублей полтора...»
 А он мне ответил:
 Не дам, мол, и баста!...

Далее Шемяка с Оглоблей обдумывают, как посильней прижать купчину. Чем могли насолить купечеству власть имущие? Могли отдать под суд кого и когда хотели, если с ними не жить в ладу.

Оглобля в затруднении:

Купец-то больно аккуратен:
 Опрятно он ведет дела
 Не мыслит о чужом кармане
 И прочего не скажут зла
 Поверь – окрестные крестьяне...

Шемяка (в азарте):

Придумай что-нибудь...
 наври...
 Он мол
 рабочих притесняет
 И дескать,
 было раза три,
 Им мясо тухлое сбывает...

... Что хочешь вытерпит
 бумага
 Нужна лишь
 ловкость да отвага.

У представителей купеческого сословия складывалось убеждение, что для мирного существования с властью нужны деньги. Капиталы позволяли им

делать «добрые дела». Отсюда и возникла широкая купеческая благотворительность.

Порой филантропия являлась способом очищения от греха. Так, на средства И.А. Треумова при ковровской тюрьме была построена церковно-часовня во имя Св. Архангела Михаила. Идея строительства церкви появилась вскоре после трагического случая, описанного И.Ф. Токмаковым: «случайно ... 1 мая 1895 года ... на охоте им (И.А. Треумовым) был застрелен Ковровский земский начальник Д.П. Маньков...»¹⁰. Последствие происшествия – продолжительная психическая болезнь И.А. Треумова. Год освящения церкви – 1899-й стал и годом смерти Ивана Андреевича. Окончательно украсил и снабдил церковь всем необходимым сын И.А. Треумова Александр Иванович. На содержание причта, состоящего из священника и псаломщика, наследники фабрики ежегодно вносили по 600 рублей¹¹.

Однако, какие бы причины не заставляли ковровских предпринимателей вкладывать деньги в те или иные сферы филантропической деятельности, объективно она способствовала развитию города и уезда. С корыстью или бескорыстно, но горожане приходили на помощь городскому хозяйству немалыми пожертвованиями. На их средства создавались больницы, приюты, школы, богадельни, строились церкви, открывались библиотеки. На проценты с завещанных капиталов содержались койки в ковровской богадельне, учреждались стипендии в женской гимназии, проходили раздачи средств бедным и сиротам к церковным праздникам. Добро есть добро, и как оно к людям приходит, возможно, не столь уж и важно. Только нам ближе библейская заповедь, гласящая, что милостыню надо давать тайно.

¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 260. Л. 239.

² Там же. Д. 1199. Л. 1.

³ Монякова О.А., Фролов Н.В. Из истории городского самоуправления до 1917 г. / Рождественский сборник. Вып. 1. Ковров, 1994.

⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6880.

⁵ Монякова О.А., Фролов Н.В. Указ. соч. С. 108-109.

⁶ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1211. Л. 1-16.

⁷ Монякова О.А., Фролов Н.В. Указ. соч. С. 112-113.

⁸ Старый Владимирец. – 1909. – № 166.

⁹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1016. Л. 145-147.

¹⁰ Токмаков И.Ф. Историко-статистическое описание города Коврова с уездом. М., 1903. С. 13.

¹¹ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22204. Л. 11.

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РЕАЛИСТОВ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Во второй половине XIX в. были проведены реформы, которые затронули практически все сферы жизни общества, в том числе и образование. В 1872 г. был принят устав реальных училищ, что положило начало созданию учебных заведений нового типа.

По задумке Министерства народного просвещения реальные училища становились учебными заведениями для городских слоев населения (купечества и мещанства). Именно поэтому основной контингент составляли дети купцов и мещан.

В реальных училищах мальчики учились семь лет. Целью становилось поступление в высшие технические учебные заведения. В отличие от классических гимназий здесь не изучались древние языки, однако из новых языков немецкий давался в том же объеме, что и в гимназиях, как и второй иностранный язык (обычно французский), изучавшийся со второго класса. Преподавание закона Божьего, русского языка, истории, законовещения шло в том же объеме, что и в гимназиях, а курс географии был даже шире, чем в гимназиях. Рисование преподавалось по 2 урока в неделю весь семилетний курс обучения (в гимназии – только в 1-3 классе), а с третьего по пятый класс параллельно с рисованием реалистами изучалось черчение. В старших классах некоторых реальных училищ открывались коммерческие классы, в которых изучали основы бухгалтерии, делопроизводства. Вместо рисования и естествознания вводили часы на «письмоводство и книговодство».

Среди реальных училищ, особенно столичных, были школы очень высокого уровня, дававшие прекрасную подготовку, с которой удавалось поступать даже в солидные европейские университеты. Кроме всего прочего реальные училища в конце XIX – начале XX вв. стали довольно распространенным типом учебных заведений и открывались в основном в промышленно развитых городах и регионах государства, дабы обеспечить промышленные предприятия квалифицированными специалистами. В нашем регионе такие училища открылись в Иваново-Вознесенске, Владимире, Муроме и других городах.

Реальные училища создавались как учебные заведения для городских слоев населения, поэтому основным контингентом учеников реальных училищ были так называемые городские сословия, т.е. дети мещан и купцов. Это объясняется тем, что среди них было немало деловых людей, наблюдалось стремление дать детям такое образование, которое потребовалось бы им при занятиях промышленностью и торговлей. Второй по численности группой среди реалистов были дворяне и чиновники. Самыми малочисленными категориями учеников реальных училищ были дети

духовных лиц и иностранцы. Несомненно, была тенденция к увеличению общего числа реалистов, независимо от их сословной принадлежности.

В уставе реальных училищ 1872 г. говорилось, что в эти учебные заведения могут поступать дети любого сословия «без различия звания и вероисповедания»¹. Зато были возрастные ограничения, а также требовался определенный уровень подготовки. Так, например, в первый класс реального училища могли поступать дети 10-13 лет, «умеющие бегло и правильно читать и писать под диктовку по-русски без грубых орфографических ошибок, знающие главные молитвы и из арифметики первые четыре действия над целыми отвлеченными числами»². В следующие классы, начиная со второго, принимались те дети, чей уровень знаний соответствовал классу, в который они поступали. В приготовительный класс принимали детей 8-10 лет для облегчения их поступления в первый класс.

У воспитанников реальных училищ имелась своя форменная одежда. Состояла она из следующих компонентов: темно-зеленый полукафтан (до половины бедра) с желтыми металлическими пуговицами, стоячим чуть скошенным воротничком; такого же цвета строгие брюки и однобортный жилет с черными пуговицами, который надевался под кафтан; черный галстук (суконный, реже шелковый); по сезону использовалось темно-зеленое пальто, фуражка «с козырьком и светло-зеленым кантом по тулье и околышу»³.

Ношение формы реалистами признавалось Министерством народного просвещения необходимым и весьма полезным делом, которое приучает их к дисциплине, опрятности, кроме того, помогает вести надзор за учащимися вне стен реального училища.

Так выглядел реалист конца XIX – начала XX века. В 1906 г. в виде эксперимента попытались отменить обязательное ношение формы, тем самым, дав некоторое послабление, что соответствовало духу времени. Но уже с начала 1907-1908 учебного года «полностью была восстановлена форма для всех учащихся»⁴.

Несмотря на то, что реальные училища создавались как общедоступные учебные заведения, исходя из потребностей экономического развития в целом, но в первые годы своего существования они не пользовались большой популярностью. Значительный рост числа реалистов начался лишь в самом конце XIX – начале XX в.

За обучение в реальных училищах взималась плата, размер которой устанавливал педагогический совет, а утверждал Министр народного просвещения. Плата вносилась «по-полугодно вперед: за первую половину гражданского года – в течение января и февраля, а за вторую – в течение августа и сентября»⁵.

Ученика могли освободить от платы за обучение, если его родители или он сам доказывали, что не имеют достаточных средств, а также обязательно при условии хорошей успеваемости и оценки «отлично» за дисциплину. В таком случае ученика либо наделяли одной из именных стипендий, которые имелись практически при каждом реальном училище,

либо общество помощи беднейшим ученикам выделяло сумму, равную плате за обучение, и вносило ее за ученика. Хотя нередкой была такая ситуация, когда родителям приходилось забирать своих детей из училища, так как они не имели возможности вносить плату за обучение.

Вообще учебный год длился 160 дней. Исключались выходные (воскресенье) и праздничные дни, а также время летних и зимних вакаций (каникул). Первые длились шесть недель, а вторые две и приходились на рождественские праздники.

Продолжительность уроков составляла 60 минут. По решению педагогического совета и с одобрением попечителя учебного округа временные рамки уроков рисования и черчения могли расширяться, но это не должно было противоречить недельно-годовой норме часов по этим предметам.

11 августа 1879 г. вышел императорский указ о сокращении продолжительности занятий в реальных училищах на 5 минут. В нем говорилось: «Назначить на каждый урок... по 55 минут, а на уроки рисования и черчения по 1 часу 25 минут, промежутки между уроками установить по 5 минут, наконец, большую перемену определить в 30 минут»⁶.

Что касается воспитания учеников, то этой проблеме уделялось немалое внимание. Оно осуществлялось посредством продуманной системы наказаний и поощрений.

Если распределить наиболее встречающиеся проступки по классам, то можно выделить следующую закономерность:

1) В младших классах – различные шалости, ссоры и драки между учениками, порча классной мебели, ношение посторонних вещей на уроки.

2) В средних классах – нередки случаи обмана, ослушания и грубости в отношении преподавателей.

3) В старших классах возможны вышеуказанные проступки, но к ним еще прибавляется курение, нарушение формы, пропуски уроков.

Вообще среди наказаний наиболее частыми были: выговор классного наставника; оставление в училище на час с оповещением родителей; большая домашняя нагрузка, особенно в праздничные и воскресные дни; «задержание» в училище в выходные дни до трех часов; вынесение выговора перед классом; заключение в карцер на срок от 1 до 8 часов в зависимости от значимости проступка; выговор педагогического совета. Реже всего встречались такие наказания, как исключение из реального училища. Причем исключения были двух видов: с правом поступления в другие учебные заведения в том же городе; лишение этого права.

Редким явлением было исключение из училища за неуспеваемость, хотя научные познания выпускников были далеко не блестящие. Преподаватели и профессора московских высших учебных заведений так оценивали подготовку выпускников-реалистов: «Неточность в мышлении и наблюдении. затруднения при оперировании над отвлеченными понятиями,

неспособность к обобщениям, неумение отличать главное от второстепенного, непривычка к критической оценке чужих знаний...»⁷.

Гораздо реже отчисляли из реального училища за дисциплинарные проступки. Но трудные подростки, как и в настоящее время, конечно же, были и тогда. Таким типичным трудным подростком был, например, почетный потомственный гражданин Николай Фанталов, который выбыл из училища по прошению матери. В его характеристике были отмечены следующие проступки:

- «очень сильно ударил Федорова под ложечку. Арест 1 час;
- боролся и валялся на полу с товарищами в перемену. Арест 1 час;
- сломал во время завтрака ложки и бросил их в отхожее место; в проступке сознался после некоторых улик. Арест 4 часа в воскресенье;
- принес в училище карбиту и насыпал его в учительские чернильницы в 3 классе. Карцер 3 часа в воскресенье»⁸.

Кроме всего прочего в училище разрабатывали план внешкольного досуга реалистов. В одном из годовых отчетов сообщалось: «Были устраиваемы научно-литературные ученические собрания, ... неоднократно устраивались чтения с проекционным фонарем»⁹. Проводились внеурочные и воскресные мероприятия по естествознанию, рисованию, космографии, заслушивались доклады по истории. Совершались прогулки и экскурсии, часто на каникулы реалисты выезжали с классом в другие города (Москва, Санкт-Петербург). В городе Владимире, к примеру, согласно распоряжению попечителя округа, учредили постоянную комиссию по организации и осуществлению ученических экскурсий. Перед этой комиссией ставились следующие задачи:

- забота об открытии обществ для организации ученических экскурсий;
- составление районных маршрутов путем предварительного обследования;
- обработка собранного материала и издание его в виде сборников с планами маршрутов, маршрутных карт;
- устройство экскурсий.

Общественный подъем начала XX в. не замедлил сказаться и на средней школе. Министерство народного просвещения отмечало «крайнюю распушенность среди учеников средней школы» и добавляло, что «в некоторых учебных заведениях дело доходило до открытого протеста против наставников по поводу всякого ничтожного случая»¹⁰.

Можно привести пример из истории Муромского реального училища. Там в ночь с 14 на 15 января 1905 г. произошел взрыв от заложенного в актовом зале училища под портретом императора самодельного взрывного устройства.

В остальных случаях все проходило довольно мирно, когда ученики старших классов одевались не в форменную одежду и шапки-папахи. В таком виде они ходили по городу, наводя страх на местное население, а иногда и

«гостреливали». В донесениях попечителю Московского учебного округа говорилось, что реалисты держат себя крайне вызывающе, «постовых городских и чинов полиции чуть не в глаза стали называть «селедками»¹¹ (из-за широких шашек драгунского образца – в просторечии «селедки») и не желают менять свое поведение.

В целом повседневная жизнь реалистов зависела от следующих факторов: денежные поступления из государственной казны и других источников финансирования, внутреннего распорядка и «устава» самого учебного заведения, устройства учебной и внешкольной работы. Важную роль играло и то, к какому сословию принадлежал ученик, были ли его родители материально обеспечены.

¹ Сборник постановлений по МНП. Т. V. С. 915

² Там же. С. 916

³ Там же Т. V. С. 915

⁴ Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы. М., 1947.

⁵ Сборник правил и подробных программ для поступления во все учебные заведения мужские и женские на 1891-1892 г. М., 1891.

⁶ ГАВО. Ф. 480. Оп. 3. Д. 6. Л. 161.

⁷ ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 144. Л. 5.

⁸ ГАВО. Ф. 480. Оп. 3. Д. 42. Л. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ Клоссовский А. Материалы к вопросу о постановке среднего образования в России. Одесса, 1904. С. 10.

¹¹ ГАВО. Ф. 480. Оп. 3. Д. 26. Л. 14.

Е.А. МАВЛИХАНОВА

(г. Саров)

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ «ХОДЫНКА».

Думаю, не требуется лишний раз доказывать, насколько ценными являются для нас устные, «живые» воспоминания о давних событиях. Тем более, если событие насчитывает столетие и касается паломничества последнего российского государя самодержца в Саровский монастырь на торжества канонизации о. Серафима.

В 1991 году в с. Дивеево состоялась беседа группы энтузиастов-краеведов из г. Саров и схимонахини Маргариты – монахини бывшего Дивеевского монастыря. Воспоминания монахини о прошлой жизни славного монастыря и его трагическом закрытии было записано на видеопленку¹. Непосредственное матушкино сказание притягивает к себе множеством ярких и малоизвестных подробностей. Наибольшее наше удивление вызвал ярко описанный ею эпизод посещения царской семьей Саровского монастыря в июле 1903 года. По рассказу м. Маргариты оказалось, что, посещая достопамятные места «Серафимовых пустынок экипаж Батюшки Императора перевернулся, царь выпал из него, ушибся, еле встал, по щекам его лилась кровь...Миленький был весь в крови...». По ее словам выходило, что Николай II в паломнической поездке в Саров получил, по-видимому, серьезные травмы, но это не стало достоянием гласности! Конечно, думалось нам, официальные лица могли скрыть, «замолчать» или приукрасить действительность. Но случись что-либо на глазах у многих зрителей, разве удастся избежать широкой огласки? Матушка Маргарита представила устные дивеевские предания о паломничестве с такой убедительной интонацией, которая присуща непосредственным участникам событий. Что же произошло на самом деле? Да и не верить монахине не было оснований.

Схимонахиня Маргарита (Лахтионова Евфросинья Фоминична, 1899-1997) – единственная насельница Серафимо-Дивеевского монастыря, пережившая его разгон в 1927 году и вернувшаяся в 1991 году в возобновленную обитель. Добавлю, за свою долгую жизнь монахиня Фрося, как ее называли на селе, снискала уважение за мудрость и бережное хранение многих вещей и духовных заветов о. Серафима Саровского.

Впоследствии в разных городах нам пришлось заниматься архивными поисками документальных свидетельств пребывания царской семьи на торжествах прославления преп. Серафима Саровского. И жгучий интерес вызывали именно те находки, которые могли бы пролить свет на эпизод, убедительно и авторитетно нарисованный нашей монахиней. Вашему вниманию представлены наиболее характерные документы, позволяющие отследить развитие этого сюжета.

В ожидании торжеств прославления преп. Серафима Саровского, по образному выражению В. Волконского, было «очень много шума, и литературного и словесного...»². Одной из причин «недоброжелательного

шума» послужило неверие в то, что власти смогут подготовить и организовать все необходимое для потока богомольцев в лесной глуши. Красноречивым выражением всеобщего настороженного отношения к предстоящей царской поездке в дальние края можно считать письмо отставного коллежского асессора А.А. Клопова царю Николаю II. Судите сами: «...одно полуофициальное лицо, возвратившись из какого-то совещания по обсуждению вопроса о разных мерах благоустройства на предстоящих праздниках, сообщало, что предвидится огромный наплыв народа, ... даже в настоящее время (в 20-х числах июня) богомольцы уже насчитываются десятками тысяч. От него же я узнал, что и Вы собираетесь ехать туда вместе с государынями императрицами и государем наследником. ... У меня сердце екнуло от этой вестии. Подобная поездка вглубь России, вдали от пресловутой цивилизации, куда соберутся со всех сторон целые массы народа, представляет собой отпадное событие, как факт общения Царя с народом; но в наше время, с его нервностью, с распущенностью нравов, злобой и зверством, это же событие вызывает какое-то тревожное чувство, чувство некоторого страха и в голову помимо воли лезут воспоминания о страшной драме на Ходынке. Страх этот не дает мне покоя. Тем более, что это опасение высказываются и другими, как в провинции, так и Петербурге...

Если в Москве, при ее центральности, громадном составе полиции, в присутствии всех представителей власти, при массе войска, при удобных путях и при более спокойном настроении русского народа – могла совершиться Ходынская драма, – то разве можно быть спокойным, при неумелости и халатности нашей администрации, за благополучный исход праздника здесь? Ведь тут... должно встретиться масса... не устранимых препятствий, вопросов с путями сообщения, трудности продовольственного и квартирнго вопроса для богомольцев, возможности появления среди них какой-нибудь эпидемии и т.д. ... Могут явиться и опасные неблагонадежные элементы, которые несомненно воспользуются не благоприятным случаем для проведения своих дел, а уследить за всеми их действиями едва ли будет под силу местной власти, без привлечения местного общества...»³.

Итак, некто А.А. Клопов в своем послании предупреждает царя о возможном повторении Ходынской трагедии. Николай II решает на далекое путешествие в неспокойных российских условиях, при этом он желает соблюсти простоту паломнического богомолья. Возникает особо важная задача, не отдаляя императорских особ от народа, обеспечить их безопасность и по пути, и в самом монастыре. Задача вполне благополучно разрешилась организацией охраны по трем направлениям: полиция, войска и добровольная народная дружина⁴. Последняя, надо сказать, считалась основной охранной силой и по численности (37 тыс. нижегородских крестьян!), и по разнообразию задач, и по чисто внешним ролевым признакам⁵. В целом охрана справилась безукоризненно со всеми трудностями. Главная же

трудность заключалась в непреодолимом всеобщем желании видеть «Царя-Батюшку Красное Солнышко» и его семью.

Интересующая нас со слов м. Маргариты прогулка упомянута в дневниковых записях Николая Александровича: «В самый жар дядюшка Сергей, Николаша, Петюша, Юрий и Я отправились пешком в пустынку вдоль Саровки. Мама, Аликс и другие поехали в экипажах. Дорога идущая лесом замечательна красива. Вернулись домой пешком. Народ был трогателен и держался в удивительном порядке»⁶. Как видим, удаленные в несколько километров от монастыря места ближней и дальней пустынок о. Серафима царь с великими князьями посещает во время пешей прогулки. Пешая прогулка – примечательный для нас факт, сам по себе отрицающий возможность получения травмы императором от перевернутого экипажа.

Отчет об этой же прогулке находим в официальных телеграфных сводках из Сарова в III отделение жандармерии: «Сегодняшний день (19.07.1903) прошел благополучно. Его Величество и Великие Князья пешком ходили на источник и дальнюю Пустынку. Императрицы в экипажах на пути приветствовали Их сплошные толпы народа поднявшихся к восточным вратам монастыря Его Величество непосредственно шел среди народа около 300 шагов около 30 тысяч (народа). Ротмистр Герарди»⁷. Офицер сводно-гвардейского полка, стоящий в цепочке охраны, напишет: «Как простой паломник, смиренно шел русский царь к источнику великого народного молитвенника. По обеим сторонам пути стоял народ, сохранявший полный порядок и спокойствие. С радостным трепетом лицезрели тысячи верных сынов России, как благочестивый государь несет бремя молитвенного подвига. Благоговейное почтение великого подвижника объединило царя с его народом. Его величество возвращались обратно тою же дорогой, и живая стена богомольцев терпеливо ожидала этого возвращения, чтобы еще раз насладиться лицезрением обожаемого царя»⁸.

Неожиданные подробности о пути Николая Александровича с Серафимовского источника находим в воспоминаниях начальника императорской канцелярии генерал-майора А.А. Мосолова. «Его величество двигался медленно, повторяя толпе: «Посторонитесь, братцы». Государя пропускали вперед, но толпа немедленно опять сгушалась за ним, только Лауниц да я удержались за царем. Пришлось идти все медленнее, всем хотелось видеть и, если можно, то коснуться своего монарха. Все более теснили нашу малую группу из трех человек, и, наконец, мы совсем остановились. Мужики стали размахивать руками и кричать: «Не напирайте». Опять продвинулись вперед на несколько шагов. Я предложил царю встать на наши с Лауницем скрещенные руки, тогда его будет видно издали, но он не согласился. В это время толпа навалилась спереди, и он невольно сел на наши руки. Затем мы его подняли на плечи. Народ увидел царя, и раздалось громовое: Ура!..

Мы крикнули двум дюжим мужикам проталкиваться впереди нас по направлению к дошатой дорожке. Когда, наконец, мы достигли ее, там толпа

была реже... Несмотря на мои просьбы спешить, государь продолжал идти размеренным шагом. В этом месте доски (на сходнях) были постланы на высоких деревянных козлах, и помост за нами вдруг с грохотом провалился, увлекая шедших сзади. Царь увеличил шаги, и мы благополучно достигли боковых дверей монастыря. Лишь тогда государь заметил отсутствие свиты. На его вопрос по этому поводу я пояснил, что нас в самом начале оттерли, я видел только, что граф Фредерикс упал, – не случилось ли с ним чего... Царь взволновался, но возвращаться через толпу было невозможно... Фредерикс с окровавленным лицом отправился в свою келью... Оказалось, когда он упал, кто-то из толпы наступил ему на лицо и раздавил стекла очков, которые и врезались ему в щеки... К счастью, повреждения были легкие... Граф, узнав о беспокойстве государя, наспех переоделся, – весь мундир его был в крови и разорван, – и пошел со мной к его величеству... Император обрадовался, увидев его на ногах, а царица повела графа в свою келью, где вновь налепила пластырь... Вышел оттуда бодрый и, несмотря на заклеенные раны, вполне презентабельный⁹.

Наконец-то легенда о травме царя получает зримое и логичное объяснение!

Справедливости ради стоит признать действительную опасность «для императора следовать своему чисто человеческому импульсу. Желание царя проявить физическую ласку любимому им народу, в котором за эти дни почувствовал выражение атактичной любви к своему помазаннику, такой преданности и любви, на которую только способны русские люди»¹⁰.

Таким образом, столь тесное сближение государя с народом могло стать повторением Ходынки. «Кровопротитие» действительно произошло, правда, не в трагедийном, а несколько в комичном свете. В народном же сознании произошла прочная увязка разорванного золоченого мундира со следами крови важного сановника с неизбежным страданием самого императора. И, естественно, перенесение сочувствия именно на объект своего внимания, обожания – на царь-батюшку. Ситуации осталось лишь во времени «обрастать» подробностями при передаче информации «очевидцами» из уст в уста. Настоящая «жертва» происшествия столетней давности осталась довольной вниманием к своей царапине на щеке со стороны царицы Александры Федоровны, собственноручно заклеившей злополучную ранку пластырем и приободлившей героя. Персона эта достойна нашего пристального внимания. Барон Владимир Борисович Фредерикс (1838-1927) – продвинувшийся с годами по службе финляндский дворянин, знаток придворной жизни, распорядитель всех дворцовых церемоний, кавалер всех звезд и лент, арбитр всех дворцовых споров. Из шведского рода, состоявшего с I половины XVIII в. на русской службе и получившего в 1773 году баронский титул, лютеранин. Получил домашнее образование. Начиная с 1856 г. службу в 4-й дивизионе Лейб-Гвардейского Конного полка унтер-офицером на правах вольноопределяющегося, за десятилетие он дослужился до командира 4-го эскадрона Лейб-Гвардейского Конного полка,

в 1869 пожалован в полковники, в 1871 – во флигель-адъютанты Е.И.В. В 1897 году в возрасте 60 лет Фредерикс стал главным министром императорского двора и уделов; он занимал этот пост до 1917 года, когда двор прекратил свое существование. В 1900 г. произведен в генералы от кавалерии. Возведен в графское достоинство в 1913 г. А 2 марта 1917 г. в Пскове укрепил своей подписью манифест Николая II об отречении от престола¹¹.

Николай и Александра нежно относились к «старик», «доброму old man», как они его называли. Другое шутовское прозвище с легкой руки государыни – Нусскнакеръ (Щелкунчик)¹². Тот, в свою очередь, относился к императорской чете, как к своим детям. Преданнейший царский сановник граф Фредерикс почти на десять лет пережил своего императора. Он жил в Петрограде, переименованном в Ленинград. И с вызовом носил свой шитый золотом камергерский мундир на прогулках по Невскому проспекту. В последние три года жизни ему разрешили вернуться в его родную Финляндию, где он и умер в возрасте 89 лет.

Видимо, не случайно именно его – величественного сановника Фредерикса – редное мифотворчество навеки связало с образом царя, якобы попавшего в опаснейшую ситуацию. Барон стал единственным «серьезно» пострадавшим в многолюдной толчее Саровских торжеств. В толчее, так и не ставшей, вопреки прогнозам, повторением Ходынки.

¹ См.: «Сказы матушки Фроси». Фонд видеоматериалов музея «Саровская пустынь», видеокассета МСП 95/071009-11.

² Кн. В. Волконский. Саровские торжества // Литературная учеба. Кн. 1. янв.-фев. 1991. С. 120.

³ РГИА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 7. Л. 130.

⁴ См.: ГАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 2620. Л. 402. Там же. Ф. 2. Оп. 6. Д. 2621. Лл. 124, 122. Инструкция Ниж. губер-ра «Общие основания охраны пути Высочайшего следования от г. Арзамаса до Сарова и обратно через Дивеев и Глухов».

⁵ См.: Мавлиханова Е.А. Охранные меры при посещении императорской семьей Саровского монастыря летом 1903 года // Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию канонизации преп. Серафима Саровского. Саров. 2004.

⁶ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 246. Л. 44.

⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1902. Д. 2499. Т. 2. Л. 79.

⁸ Там же. Л. 348.

⁹ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра его императорского величества. СПб. 1993. С. 120-121.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Государственный Совет России. 1801-2001. Биографии. М. Пинакотекка. 2002. С. 29-30.

¹² См.: Письма святых царственных мучеников из заточения. СПб. 1998. С. 272. 294.

О.А. МОНЯКОВА
(г. Ковров)

КОВРОВСКИЕ КАДЕТЫ НА ВЫБОРАХ В ПЕРВУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Ведущей тенденцией российского политического процесса конца XX века и начала века XXI является формирование гражданского общества и правового государства, а первые шаги на этом пути были сделаны в начале XX столетия. В связи с чем закономерен и актуален интерес к событиям русской политической истории периода правовой монархии 1906-1917 гг.¹ Обращение к парламентскому опыту одной из российских либеральных партий актуально еще и по причине приближающихся выборов в современную Государственную думу и в связи с тем обстоятельством, что сегодня в условиях многопартийности в нашей стране возник и действует целый ряд партий и организаций либерального толка, в той или иной степени, связывающие себя с либералами начала XX века и стремящиеся возродить их традиции.

Рассмотрение истории партии в рамках деятельности одной провинциальной организации, а именно Ковровского уезда Владимирской губернии, на наш взгляд, имеет свои обоснования, заключающиеся в следующем:

1. Земские губернии и их уезды центра России являлись опорными в деятельности партии народной свободы;
2. Ситуация в ковровской уездной группе партии народной свободы во многом была типична для местных структур партии в целом;
3. Владимирская губерния, частью которой был Ковровский уезд, по своему социально-экономическому развитию являлась как бы уменьшенной моделью Европейского центра России.

Данные по Ковровскому уезду систематизируются и публикуются впервые.

Первая русская революция 1905-1907 гг. стала колыбелью нескольких либеральных партий. Самой влиятельной среди них являлась партия народной свободы или конституционно-демократическая, выросшая из либеральной земской оппозиции, заявившей о себе в начале XX века попытками добиться расширения прав органов местного самоуправления. Непосредственными предшественниками кадетов были «Союз освобождения», созданный в 1903 году, и группа земцев-конституционалистов. Один из лидеров конституционно-демократического движения П.Н. Милюков высказывался так: «Кадетизм вышел из земской организации»².

Не была исключением в этом отношении и Владимирская губерния, в том числе Ковровский уезд. По данным полиции, «во Владимирской губернии в 1902 году образовалось два кружка интеллигентов, которые занимались агитацией на легальной почве», один из которых, состоявший из

земских деятелей Ковровской и Шуйской управ, работал в Коврове³. Возглавлял кружок Николай Павлович Муратов (1850-1914) – член Ковровской земской управы с 1879 года, с 1881 по 1905 гг. – председатель управы и одновременно предводитель уездного дворянства. Из тех же донесений местной полиции и жандармского управления видим, что основной костяк ковровской земской организации составляли служащие земской управы и работавшие в деревне земские врачи и учителя. Главное же содержание их деятельности заключалось в пропаганде идей земского союза среди городских и сельских жителей⁴. Таким образом, к моменту конституирования общероссийской партии народной свободы 18-20 октября 1905 года в Коврове и уезде, на наш взгляд, уже функционировала налаженная организация, которая оформилась в ковровский уездный комитет конституционно-демократической партии. В докладе члена ЦК А.А. Корнилова на II съезде партии (5-11 января 1906 г.) отмечалось, что в некоторых губерниях, в том числе и во Владимирской, «где существовали кружки освобождения, группы конституционно-демократической партии конституировались до съезда или почти одновременно с ним»⁵. На настоящий момент мы не располагаем сведениями, когда конкретно оформилась ковровская группа, но, воспользовавшись данными В.В. Шелохаева о том, что Владимирский губернский комитет оформился уже в августе 1905 года, и, учитывая активность ковровской земской организации, мы рискуем экстраполировать эту информацию на ковровскую группу и предположим, что она также оформилась раньше самой партии⁶. Помимо ковровского уездные комитеты партии народной свободы возникли в Иваново-Вознесенске, Вязниках, Гороховце, Меленках, Покрове, Суздале, Шуе и Муроме; сельские комитеты работали в крупных промышленных селах Орехово-Зуево, Тейково, Гусь, Ильинское и на станции Костюнинской. Ковровский был третьим по количеству членов (71) после Иваново-Вознесенского (307) и губернского (140)⁷. Председателем ковровского комитета с момента его образования и вплоть до своей смерти в 1914 году был уже упоминавшийся здесь Н.П. Муратов. Он также являлся членом Владимирского губернского комитета конституционно-демократической партии⁸. Так, сообщая губернатору 30 сентября 1913 года о том, что в Коврове готовится празднование 35-летнего юбилея общественной деятельности Н.П. Муратова, помощник начальника ВГЖУ в Ковровском и Шуйском уездах дал ему следующую характеристику: «...находясь на должности предводителя дворянства и председателя Земской Управы, он в 1905 году занимался противоправительственной агитацией, с каковой целью ездил по селам и деревням Ковровского уезда, привлекая себе единомышленников, чем и создал в Ковровском уезде кадетскую партию, находясь в центре организации сам и руководя ею до настоящего времени...»⁹. Собрания комитета также проходили в его доме на ул. Георгиевской (Свердлова), чему свидетельством сводки негласного наблюдения полиции за его домом.

Теперь с момента оформления ковровской группы в структурное подразделение Владимирского губернского комитета и соответственно партии народной свободы в целом, его деятельность направлялась решениями и установками ЦК партии и протекала в русле его политики. «На II съезде партия конституировалась окончательно, получила наряду с прежним более популярное новое наименование – партия народной Свободы – и с этим названием вступила в избирательную кампанию в первую Государственную Думу. Избирательная кампания в этот период сделалась главной задачей момента, оттеснившей на второй план все другие задачи. Организация партии на местах продолжалась, но она совершалась теперь попутно вместе с организацией выборов»¹⁰, – такую характеристику этому периоду дал в своем докладе V съезду партии А.А. Корнилов.

Ставя на II съезде в январе 1906 года перед партией задачу активного участия в выборах, лидер кадетов П.Н. Милюков так оценивал их значение для партии: «Наша партия есть по преимуществу партия парламентарная; ее характер, способы политического действия, ей достигнутые, – все это делает для нее период избирательной кампании особенно важным в партийном смысле. Участие в выборах необходимо ей не только как средство агитации, как способ борьбы за честь, но и, прежде всего, для собственной организации»¹¹.

Первые в истории России парламентские выборы начались сразу после наступления нового 1906 года. 1 января «Владимирские губернские ведомости» опубликовали правительственное сообщение о выборах в Государственную Думу. Происходили они на фоне общей политической нестабильности, резкой конфронтации между властью и оппозицией, усугубившейся повсеместным разгромом революционных сил. Ковров 15 декабря был объявлен на положении чрезвычайной охраны, а 16 декабря были закрыты железнодорожные мастерские – главный очаг революционного сопротивления. С 16 по 20 декабря 1905 года произведены аресты «главных зачинщиков», многие участники революционных событий, спасаясь от преследований, временно покинули Ковров. «Лиц, состоящих под гласным надзором полиции, во вверенном мне уезде не живет»¹², – эти слова рапорта ковровского исправника от 3 февраля 1906 года весьма точно иллюстрируют политическую обстановку в городе в разгар первой выборной кампании. Фактически в Коврове в это время существовала и действовала лишь одна организованная партийная структура – ковровский уездный комитет партии народной свободы, объединивший вокруг себя все оппозиционные режиму силы. Социал-демократическая организация оказалась временно разгромленной, а сторонники монархии еще не успели структурироваться. Хотя следует отметить, что контуры их будущей организации уже просматривались. В январе 1906 года группой граждан г. Коврова было составлено и направлено владимирскому губернатору письмо благодарности в связи с прекращением беспорядков, под которым стояли подписи 69 жителей города¹³. Фамилии многих из них мы чуть позже обнаружим в

списках ковровского отделения Союза русского народа (далее СРН). Структуры других либеральных партий не просматривались. Правда, орган Владимирского губернского комитета партии газета «Клязьма»¹⁴ напечатала в номерах за 13 и 16 января информацию о попытках создания в Коврове отделения партии 17 октября. Инициатором и лидером этого собрания 8 января в помещении городской управы был управляющий местным удельным имением А.А. Бандысик. Беря во внимание бойкот выборов социалистами, отсутствие организации у других политических сил, мы можем сказать словами В.И. Ленина, что в Коврове на выборах боролись две крупные силы: «за правительство» и «против правительства»¹⁵.

Первая в истории Коврова избирательная кампания в Государственную Думу проходила вяло, при слабой активности как населения, так и соперничавших группировок. Корреспондент «Клязьмы» в номере от 17 февраля характеризовал ее следующим образом: «...наш Ковров в этом отношении представляет обидное исключение, ни о каких предварительных собраниях нет и речи, предвыборная агитация совершенно отсутствует».

Объяснение представленной ситуации для всех политических сил, кроме конституционных демократов, по-видимому, следует видеть в их неорганизованности. Отсутствие должной предвыборной работы у ковровской группы партии народной свободы объясняется, на наш взгляд, во-первых, их неопытностью, а во-вторых, сильным давлением администрации и теми репрессивными мерами, которые она предприняла против как действительных членов организации, так и против ее потенциального электората. Весь январь в Ковровском уезде продолжались активные аресты, которым подверглись работники земства, сельские учителя, врачи, крестьяне, замеченные в «свободомыслии». По имеющимся у нас сведениям, было арестовано свыше 25 человек¹⁶. Весьма красноречива в этом плане корреспонденция в «Клязьме» из с. Великова Ковровского уезда от 13 января: «Кроме старосты Архипова... в нашем селе арестован кр. Иудин, намеченный нашим волостным сходом в выборщики в Государственную Думу. Кроме того, арестован кр. Птицын. После безрезультатного обыска из д. Черносвитовой и д. Федотовой арестовано более 10 крестьян. Предвыборная агитация в полном разгаре!» Помимо этого, достаточно часто власти практиковали увольнение с должностей как явных членов организации, так и сочувствовавших им. Кроме лидера комитета Н.П. Муратова, отстраненного губернатором от всех своих должностей, со своих постов были удалены секретарь земской управы П.В. Егоров, врач А.Н. Огородников, «служивший в Ковровском земстве более 25 лет»; «врач Лызлов, учитель и агроном Д.М. Шорыгин, заведующий сельскохозяйственным складом и старший сторож Земской Управы»¹⁷. Всего распоряжением губернатора за № 909 от 1 марта 1906 года удалено со службы 28 служащих Ковровского земства, в основном придерживавшихся антиправительственных взглядов¹⁸. На станции Ковров уволены служащие А.В. Васильев, Н.Д. Панков, надсмотрщик телеграфа Р. Новиков, фельдшер

Рубан (секретарь железнодорожного бюро в 1905 году. — *О. М.*) и акушерка, активный участник событий 1905 года И.В. Деев и другие¹⁹.

Нельзя отказать представителям режима и в изобретательности, чтобы добиться нужного исхода выборов. Примером может послужить прием, примененный ими с целью лишения оппозиции сторонников в учительской среде: 12 учителей Ковровского уезда перемещены во второй половине февраля, прямо накануне выборов, один на место другого²⁰.

Оправиться от подобного силового нажима группа смогла лишь только перед самыми выборами. В начале марта в Коврове прошло несколько предвыборных собраний, организованных или самими кадетами, или при их участии:

4 марта в здании земской управы конституционными демократами было проведено предвыборное собрание, на котором с докладом о Государственной думе выступил оратор из Москвы А.С. Швецов²¹.

10 марта в 3 часа дня они приняли участие в собрании, организованном правыми на квартире А.А. Бандысика. Участвовало в нем около 50 человек, преимущественно мелких купцов и мещан. Среди намеченных собранием кандидатов в выборщики в губернское избирательное собрание был и представитель конституционно-демократической группы судебный следователь К.И. Бувайлов²².

Свое собрание группа провела на следующий день, где было намечено четыре кандидата в выборщики²³.

И еще одно собрание 7 марта, за день до выборов, уполномоченных от мелких землевладельцев, проводилось по инициативе Земской управы для «совещания о лицах, достойных быть избранными».

Таким образом, мы видим, что вся агитационная работа кадетов была сосредоточена в курии городских избирателей. Мы не встретили их среди рабочих, не доступен им оказался и крестьянский электорат.

Результаты выборов, которые по назначению губернатора состоялись в Ковровском уезде 5 марта (выбирались уполномоченные от рабочих), 8 марта (съезды мелких землевладельцев в Коврове и с. Лежнево), 12 марта (съезд городских избирателей), 16 марта (съезд по выборам уполномоченных от волостей) и 17 марта (съезд крупных землевладельцев), стали прямым отражением хода избирательной кампании. В городской курии наблюдался паритет, на съезд во Владимир избраны священник Н.А. Преображенский, купец А.А. Апарин, будущие члены СРН, член городской управы, старообрядец М.Ф. Першин и судебный следователь К.И. Бувайлов, прогрессивного направления; по крестьянской курии — «политически благонадежные» крестьяне П.Н. Кондратьев и Т.М. Соколов; от крупных землевладельцев — известный фабрикант из с. Лежнево потомственный почетный гражданин В.А. Кокушкин, также впоследствии вступивший в СРН. На собрании 5 марта в Ковровских железнодорожных мастерских от рабочих был избран столяр Семен Рыжов, «представитель черносотенной партии». Газета «Клязьма» объяснила данный факт тем, что «так как вся

сознательная молодежь из мастерских уволена после декабрьских собраний, то перевес на выборах имели старики».

Подводя итог результатам выборов в первую Государственную Думу по Ковровскому уезду, следует отметить, что проходили они при слабой активности, как избирателей, так и соперничавших политических группировок. К моменту выборов в Ковровском уезде функционировала лишь одна политическая структура — конституционно-демократическая партия, но и она по ряду указанных выше причин не смогла проявить себя надлежащим образом и одержать убедительную победу.

Но как высказывался лидер кадетов П.Н. Милюков: «Каков бы ни был исход выборов — избирательная кампания послужит для партии незаменимым организационным средством. Из избирательной борьбы партия выйдет с окрепшими местными комитетами, с ясным понятием о партийной дисциплине, с прочной сетью связей, с увеличенным и подсчитанным на выборах составом членов, с испытанными на деле кадрами организаторов и пропагандистов». Состоявшийся 19 марта 1906 года губернский съезд партии народной свободы постановил «обратиться как к членам партии, так и к лицам, сочувствующим ее программе с воззванием, напоминающим о необходимости дальнейшей партийной работы. С окончанием выборов деятельность партии не оканчивается. Напротив, далее ей предстоит много работы, чтобы идти на встречу пробудившимся в широких слоях народа в избирательный период стремлениям к более ясному и сознательному пониманию общественных обязанностей и политических задач».

¹ Определение Б.Н. Миронова. См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — н. XX вв.). Т. 2. С-Пб., 2000. С. 154.

² *Милюков П.Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 200.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 223. Д. 2310. Л. 11.

⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1469. Л. 7.

⁵ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т.т. Т. 1. 1905-1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. С. 51.

⁶ См.: *Шелохаев В.В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М.: Наука. 1983. С. 298.

⁷ Там же.

⁸ Клязьма (Владимир). — 1906. — № 39. — 11 февраля.

⁹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 2879. Л.

¹⁰ Съезды и конференции... Т. 1. С. 515.

¹¹ Там же. С. 67.

¹² ГАВО. Ф. 14. Оп. 10. Д. 441. Л. 4.

¹³ Там же. Оп. 5. Д. 1609. Л. 110.

¹⁴ Газета «Клязьма» выходила с 2 января 1906 года. Редактор-издатель С.А. Анисимов.

¹⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 285.

¹⁶ Клязьма. — 1906. — №№ 5, 6, 11, 15, 20, 21.

¹⁷ Там же. — №№ 6, 20.

¹⁸ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2910. Л. 24.

¹⁹ Клязьма. — 1906. — №№ 21, 30.

²⁰ Там же. — № 46. — 20 февраля.

²¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1675. Л. 4.

²² Клязьма. — 1906. — №№ 65, 68.

²³ Там же. № 65.

О.В. ЛИПАТОВА
(г. Москва)

РАБОЧИЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ В ПЕРВУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Анализ избирательной практики думского периода Российской империи имеет прямое отношение к решению современных политических и правовых задач развития нашей страны, поскольку во многом является ключом к осмыслению электорально-правовой культуры россиян.

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты участия рабочих промышленных предприятий Владимирской губернии в избирательной кампании по выборам в I-ю государственную Думу на основе архивных источников (ГАВО фонды 205, 704 и 989) и периодической печати того времени (газеты «Владимирские губернские ведомости» за 1905 и 1906 годы, «Клязьма» 1906 год, «Владимирская еженедельная газета» 1906 год).

Владимирская губерния в начале XX века входила в Центрально-промышленный район и включала в себя нынешнюю Владимирскую, Ивановскую и часть Нижегородской областей. В 1910 г. здесь находилось около 3 тыс. предприятий с общим количеством рабочих 211,5 тыс. человек, на которых было произведено продукции на сумму 345 млн. рублей. Особое место занимала текстильная промышленность: в 1901 г. на 255 текстильных предприятиях работало свыше 80% от общего количества рабочих губернии. Крупнейшими текстильными центрами в то время являлись Иваново-Вознесенск, Орехово-Зуево, Собинка, Карабаново, Струмило, Ундо, Тейково и другие. Следующей по значимости была стекольно-хрустальная отрасль. По числу стекольных и хрустальных заводов (в 1901 г. их было 27), сосредоточенных, главным образом, в Судогодском и Меленковском уездах, губерния стояла на первом месте в стране. Имелись также предприятия черной и цветной металлургии (крупнейшими были Кольчугинский металлообрабатывающий завод и Ковровские железнодорожные мастерские), хотя отрасли тяжелой индустрии не получили большого развития. На 63-х предприятиях работало около 8 тыс. чел.¹

Промышленные предприятия размещались преимущественно в сельской местности. Подавляющую часть рабочих заводов и фабрик составляли крестьяне-отходники, которых прельщала «кредитка». В начале XX в. до 200 тысяч крестьян губернии занимались отхожими промыслами, среди которых самое видное место занимала работа на фабриках и заводах, причем, в основном, в пределах своей губернии.

Деревня поставляла покорную и дешевую рабочую силу. Рабочий день нередко доходил до 14-15 часов, а заработок рабочих в среднем не превышал 15 рублей в месяц. Страхования от болезней и несчастных случаев на производстве не существовало, пенсий тоже не было. В производственных помещениях «царили смрад и грязь», зачастую отсутствовали «самые

элементарные приспособления для труда»². Бытовые условия рабочих тоже были очень тяжелыми. «Владимирская еженедельная газета» сообщала о жизни рабочих на Меленковской льняной мануфактуре: «Пришлые рабочие ютятся в хибарках, платя по 60 копеек в месяц за квартиру и имея за эту же плату от домовладельца соль, капусту и квас. В восьмиаршинной избушке живут по 20-25 человек, спят на полу. Удобства на улице. Вонь, грязь непролазная»³.

Естественно, что «нужда и недостатки, – вечные спутники рабочего, для которого борьба за существование стоила огромного труда»⁴, вызывали протестную реакцию. Нередко рабочие отдельных предприятий устраивали забастовки, которые носили экономический характер. Поводом к забастовкам служили угроза закрытия предприятия или увольнение части работающих, попытки перевести работников на обслуживание большего числа станков или повысить нормы выработки. Рабочие требовали выдачи «квартирных денег», уменьшения штрафов, сокращения рабочего дня, открытия при фабриках читален, введения медицинского обслуживания и т.д.

Большинство забастовок носило «частичный» характер, т.е. в них принимали участие не все рабочие предприятий, а только часть, причем, как правило, меньшая. Характерный пример: в Шуе в 1902 г. из 3 тыс. 149 рабочих бумаготкацкой фабрики Товарищества Шуйской мануфактуры бастовали только 75 человек, в Ковровских железнодорожных мастерских в разгар революционных событий 1905 г. из 1200 работающих бастовало 300 человек. Уездные исправники сообщали губернатору даже в октябре-декабре 1905 г. о том, что на фабриках наблюдаются разногласия между рабочими: меньшинство агитирует за стачку, большинство же высказывается против нее⁵.

Подавляющая часть рабочих губернии сохраняла тесную связь с деревней: там оставались их семьи, хозяйство, туда они возвращались на старости лет, чтобы жить за счет обработки земли. Губернская пресса, отражая проявившуюся в первые годы XX века тенденцию в настроениях рабочих писала: «С некоторых пор среди фабричных раздаются голоса в пользу ухода в деревню». Земля притягивала к себе крестьянскую душу. К тому же «разумное отношение к ней давало довольно сносный заработок... фабрика же, наоборот сильно теснит рабочих...»⁶.

В начале XX в. основная масса рабочих Владимирской губернии принадлежала к крестьянскому сословию и достаточно прочно сохраняла крестьянский менталитет и патриархальное сознание. Так, в списках уполномоченных от фабрично-заводских рабочих в первую думскую кампанию из 139 выбранных 100 человек оказались крестьянами и только 38 мещанами и 1 – потомственным почетным гражданином⁷. Только во время революции 1095-1907 гг. отношение рабочих к государству и власти начало меняться, хотя и достаточно медленно. Даже в июле 1912 г. Судогодский уездный исправник, докладывая о своих наблюдениях во Владимирское Губернское жандармское управление, отмечал: «Фабричные рабочие, не

представляющие строго обособленной от крестьян корпорации и живущие в условиях, близким к крестьянским, и настроение в политическом смысле имеют схожее с крестьянским»⁸.

И все же изменения происходили. Газета «Клязьма» выделяет две группы, «определившиеся среди иваново-вознесенских рабочих». Первую составляют пожилые рабочие, проживающие и работающие на фабриках вместе с семьями свыше 10-15 лет, «свыкшиеся со своей жалкой долей». «Современного общественного движения такие рабочие не понимают по своему невежеству и забитости», «они даже возмущаются теми волнениями, которые иногда происходят на фабриках, нарушая их покой и благополучие», они готовы защищать «старый режим». Но появляется уже и другая группа рабочих. Это – люди молодые, поступившие на фабрики уже после начала «освободительного движения», они «вполне сознательные, находят время читать и пополнять свои знания», они «не скрывают своих новых взглядов, хотя нередко «страдают за высказываемые идеи». Таких рабочих пока мало, но «их ряды постоянно пополняются новичками»⁹.

Надо заметить, что в тот момент в губернии уже существовало несколько небольших групп РСДРП (во Владимире, Коврове, Муроме, Орехово-Зуеве, Иваново-Вознесенске и др.), состоящих из интеллигентов и рабочих, занимавшихся пропагандой, агитацией, изданием и распространением нелегальной литературы, формированием рабочих кружков. Кроме того, в крупные рабочие центры – поселки и отдельные заводы – постоянно приезжали «агитаторы» из Москвы и Петербурга. Отношение рабочих к политической пропаганде было весьма противоречиво. На одном и том же предприятии (в данном случае речь идет о Кольчугинском заводе) одна часть рабочих «сочувственно принимала агитаторов», посещала устраиваемые ими политические митинги, а другая, «преимущественно семейная», – «не хотела иметь с ними сношение», а обнаруженные листовки и прокламации «благонадежные работники» приносили начальству или в полицию¹⁰. Иногда они принимали и более решительные меры для защиты привычного порядка вещей: достаточно вспомнить об убийстве Лакина, приехавшего в Ундол агитировать рабочих.

«Положение о выборах в Государственную Думу» от 6 августа 1905 г. не наделяло избирательными правами рабочих, которых власти не желали и боялись допускать до участия в политической жизни страны. И только небывалый подъем революционного движения осенью 1905 г. заставил императора издать Указ от 11 декабря 1905 г.¹¹, существенно расширивший состав российского электората. По новому закону право голоса получили фабрично-заводские рабочие и демократические слои городского населения. Для них вводилась новая, четвертая, курия и устанавливалась трехступенчатая система выборов. Рабочие отдельных фабрик и заводов избирали из своей среды делегатов на губернский съезд уполномоченных, которые должны были определить выборщиков в губернское избирательное

собрание. Число таких выборщиков заранее определялось законом и для Владимирской губернии составляло 16 человек.

В выборах могли участвовать представители фабрик, заводов и железнодорожных мастерских с общим числом рабочих не менее 50 человек мужского пола. Предприятия, насчитывающие от 50 до 2000 рабочих-мужчин, получали право избирать одного уполномоченного. Предприятия, где работало свыше 2000 мужчин, избирали одного уполномоченного на каждую полную тысячу работников мужского пола. Таким образом, с одной стороны, на первый план законодательством выдвигались мелкие предприятия с небольшой концентрацией наемных рабочих. С другой стороны, в условиях преобладания в стране мелких предприятий и отсутствия избирательных прав у женщин, составляющих значительную часть работающих в промышленности, огромная часть рабочих не получила возможности участвовать в выборах в общероссийское представительное учреждение. Так, выборы в 1-ю Государственную Думу производились только на 156 предприятиях Владимирской губернии, (что составляло 5,2% от общего количества предприятий); в них участвовало около 83 тысяч рабочих (38,7% от всех рабочих губернии)¹².

Надо учитывать, что выборы в первую Думу проходили в обстановке правительственных репрессий, вызванных массовым революционным движением. В некоторых уездах было введено «Особое положение». Это не могло не наложить своего отпечатка на ход и результаты выборов по рабочей курии. Обратимся к сообщениям местных корреспондентов «Клязьмы». Орехово-Зуево: «Рабочие не проявляют к настоящим выборам в Думу никакого интереса. Сознательный и более развитый элемент рабочих молчит и запуган произведенными в его среде обысками и арестами, так что нельзя даже сказать, примет ли он какое-нибудь участие в выборах или нет»¹³. Ковров: «Так как вся сознательная молодежь после декабрьских беспорядков была уволена, то перевес имели старики, которые выбрали члена черносотенной партии»¹⁴.

Особенности социальной психологии, гражданская незрелость и полное отсутствие четких политико-правовых представлений порождали своеобразное электоральное поведение владимирских рабочих. Прежде всего, это проявилось в степени их избирательной активности. Выборы уполномоченных от рабочих были назначены Владимирским губернатором на 5 марта. Это была суббота, и многие рабочие, обрадовавшись дополнительному выходному, «кушли в свои деревни»¹⁵. В результате, на Ставровской мануфактуре в селе Ундол в выборах приняли участие менее половины внесенных в списки, на Гусевской фабрике Нечаева-Мальцева – около тысячи вместо 2 тыс. 715 человек¹⁶, на фабрике Ганшиных и Овсянникова в Юрьеве-Польском из 389 рабочих присутствовали 276¹⁷. Подобная картина наблюдалась и на многих предприятиях губернии.

Основная масса рабочих, как правило, в этот период совершенно не разбиралась в программах различных политических партий и, принимая

участие в выборах, скорее, руководствовалась личностными качествами кандидата, чем его политическими взглядами. Это приводило к тому, что результаты выборов были практически не предсказуемы и представляли весьма мозаичную картину в целом по губернии. От рабочих Меленковской льняной мануфактуры были избраны «два дельных, развитых мастера»¹⁸. Все трое уполномоченных от рабочих предприятий Мурома оказались «крестьянами, не порвавшими связь с землей, малограмотными, неопределенных направлений и взглядов, по развитию неспособными понимать и быть выразителями интересов рабочего класса»¹⁹. На Горбатской фабрике (Судогодский уезд) из 189 присутствующих на выборах рабочих 101 примыкали к кадетской партии, естественно, что и уполномоченный оказался «этого направления»²⁰.

Как известно, социалистические партии: эсеры и эдеки не принимали участия в избирательной кампании в 1-ю Думу и призывали рабочих бойкотировать выборы. Ф.Н. Самойлов (в то время – молодой рабочий одной из ивановских фабрик, игравший определенную роль в рабочей среде) в своих воспоминаниях пишет: «На основании решения Всероссийской партконференции о бойкоте 1-ой Государственной Думы Иваново-Вознесенская партийная организация повела усиленную устную и печатную агитацию за бойкот. Когда рабочие, окончив работу, выходили из фабричных коридоров, устраивались митинги-летучки». Кампания бойкота, по словам Самойлова, «среди революционно-настроенных широких народных масс имела большой успех»²¹.

Но по официальным сведениям только на 22 предприятиях губернии выборы не состоялись. В Покровском уезде, в местечке Орехово-Зуево, на двух фабриках Морозовых, где работало около 20 тыс. человек и половина из них имела право голосовать, рабочие сознательно объявили бойкот выборам, и они здесь действительно не состоялись. На фабрике Сенькова в Вязниках большинство рабочих постановило «в выборах не участвовать и объявить бойкот Думе»²². Однако некоторые «законопослушные» работники на выборы все же пришли и уполномоченным избрали Мордасова Н.С. – крестьянина 55 лет, человека малограмотного и «благонадежного». А вот в Тейкове «выборы не состоялись так как никто не выставил своей кандидатуры и даже не нашлось председателя собрания»²³.

Руководитель губернского комитета партии народной свободы, А. Грессер, анализируя ход первых думских выборов в губернии, отмечал, что «проповедь проведения бойкота» оказала на рабочих в уездах незначительное влияние. Но благодаря участию в бойкоте «лучших, наиболее сознательных и развитых рабочих» некоторых предприятий, в состав выборщиков прошли «представители реакционеров»²⁴.

Анализ списка уполномоченных от предприятий Владимирской губернии, где указаны сословная принадлежность и возраст избранного, дает возможность воссоздать социальный портрет рабочего-выборщика. Это довольно молодой человек (37 лет), принадлежащий к крестьянскому

сословию, а значит непостоянно проживающий в городе, тесно связанный с землей и сельским обществом, как правило, малограмотный, с традиционным крестьянским менталитетом – словом, вряд ли его можно назвать «сознательным пролетарием».

Таким образом, ход избирательной кампании в 1-ю Думу убедительно показал, что подавляющее большинство рабочих Владимирской губернии было не готово к осознанному, самостоятельному участию в избирательном процессе.

¹ Статистические данные приводятся по: «Памятный календарь Владимирской губернии» за 1905 и 1912 годы.

² Клязьма. 30 марта 1906 г.

³ Владимирская еженедельная газета 26 мая 1906 г.

⁴ Клязьма. 1 апреля 1906 г.

⁵ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1416.

⁶ Владимирская еженедельная газета 14 апреля 1906 г.

⁷ Общий по Владимирской губернии список уполномоченных от фабрично-заводских рабочих по выборам в Государственную Думу // Владимирские губернские ведомости. 17 февраля 1906 г.

⁸ ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 871. Л. 70.

⁹ Клязьма. 28 марта 1906 г.

¹⁰ ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 539. Л. 284, 292.

¹¹ Указ об изменении Положения о выборах в Государственную Думу и изданных в дополнение к нему узаконений. 11 декабря 1905 г. // Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX - нач. XX вв. Авт.-сост. Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев, В.В. Луговой. М., 2001.

¹² Посчитано автором по: «Памятный календарь Владимирской губернии» за 1912 год и «Общий по Владимирской губернии список предприятий в коих производятся выборы уполномоченных от рабочих в Государственную Думу» // Владимирские губернские ведомости. №8. 17 февраля 1906 г.

¹³ Клязьма. 5 марта 1906 г.

¹⁴ Клязьма. 11 марта 1906 г.

¹⁵ ГАВО. Ф. 989. Оп. 1. Д. 349. Л. 79.

¹⁶ Клязьма. 7 марта 1906 г.

¹⁷ Клязьма. 15 марта 1906 г.

¹⁸ Клязьма. 12 марта 1906 г.

¹⁹ Клязьма. 20 марта 1906 г.

²⁰ Клязьма. 7 марта 1906 г.

²¹ Самойлов Ф.Н. По следам минувшего. М., 1954, С. 131, 133.

²² Клязьма. 5 марта 1906 г.

²³ Клязьма. 11 марта 1906 г.

²⁴ Владимирская еженедельная газета. 28 апреля 1906 г.

Н.Н. КОРОТКОВА
(г. Черноголовка)

А.А. НЕВСКИЙ: ЛИЧНОСТЬ И СУДЬБА

Настоящие записки продолжают рассказ¹ о шуяине религиоведе А.А. Невском (1898-1980), одном из первых создателей Музея истории религии (МИР) в Ленинграде, в 1936 г. репрессированном и 22 года отбывавшем ссылку в приполярном районе Интинского месторождения; рассказ о человеке, который, получив пенсию как геолог, сумел в дальнейшем восстановить свою квалификацию глубокого историка религии и русской культуры и плодотворно поработать последние 10 лет жизни в том же МИР, завершив, без всякой надежды на напечатание, написание нескольких трудов-рукописей по христианской мифологии, православным святым, праздникам, православной иконографии и других. Один из них, «Старобытовой календарь. Будни и праздники старой России» (начатый еще в шуйской гимназии!), хоть и был издан в Ленинграде в 1990 г. отдельной книгой, все-таки мало известен шуянам и, думается, должен быть переиздан на родине автора.

История семьи и воспоминания о детских и юношеских годах написаны самим А.А. Невским и представлены, с небольшими сокращениями, в настоящем сборнике. Мне же предстоит начать рассказ о личности и некоторых страницах жизни, опираясь на впечатления от личных встреч и позднейшее изучение архивных материалов – дневников, записных книжек, конспектов, писем и др., значительная часть которых была любезно предоставлена мне дочерью А.А. Невского Вероникой Александровной².

* * *

*Психолог, словесник, историк культуры,
Философ, художник, поэт для друзей,
Готов рисовать я все формы натуры,
Фольклор старобытный и мысли людей.*

А.А. Невский

Богато и разносторонне одаренной натуре этого человека были свойственны религиозное мирозерцание и художественно-поэтический склад души. «Душа художника, душа ученого, душа мистика, душа отца – и это все я», – писал он о себе. Его никогда не покидало желание «выявить Космоса, Жизни и Мысли зажженную Духом внутри Красоту». Ощущение божественного источника этой красоты находило поэтическое выражение:

В высотах Мысли и Искусства,
В Добре, в интимных недрах Чувства –
Во всем сквозит непостижимый свет –
Источник Бытия и Жизни и Ума,
Которым изнутри Природа вся полна,
Ему в речи достойного названья нет.

(1942 г., Инта)

Арест, лагерное заключение и многолетние занятия чуждой специальностью в ссылке не изменили основных устремлений этого человека. «Две особенности я постоянно сохраняю в своей жизни, – отдает он себе отчет в ссыльной тетради 1947 года, после 44 лет неволи, – 1) бескорыстную любовь к науке и 2) постоянное искание Бога, смысла жизни, который я нахожу, а потом снова теряю (забываю) в периоды протрации, уныния и упадка духа».

С юности он мечтал о религиозной философии, видя в ней свое жизненное призвание. Тема – толкование догмата Троицы в историко-культурном плане – определилась еще в средних классах гимназии под влиянием законоучителя о. М. Обудовского. «Души и мысли постижение еще в гимназии любя», золотой медалист шуйской гимназии выпуска 1917 года, выходец из духовного сословия не предполагал, что за такие наклонности и такое происхождение можно поплатиться потерей не только призвания, но и жизни. Всего год довелось Невскому проучиться на философском отделении Московского университета – помешали революция и начавшийся голод. В дальнейшем ему пришлось пройти долгий и сложный путь идейных исканий, вести настоящую битву за свое призвание – с собой и своей трагичной судьбой, в условиях разрушительного влияния постреволюционных изменений в стране, когда началось коренное уничтожение религии, в условиях гонения на то, что было ему дороже всего, – гонения, по выражению Н.А. Бердяева³, «на знание, на творчество, на высшую жизнь духа». А.А. Невский сам сделался скрупулезным исследователем «диалектики своего развития».

На фоне религиозно-философских исканий, сделавшихся запретной темой, но не прекращавшихся до конца жизни, Невский активно искал свое место в новой действительности. Опорой поиска было знание: «Книга меня создала – книгой я должен завоевать и свое место среди людей». Оказавшись вне университета, спасаясь от голода в Середи (ныне г. Фурманов Ивановской области) у сестры, он пробует себя в течение ряда лет в педагогике, преподавая в местной школе и в фабрично-заводской психологию и русский язык. (О возвращении к своему «исконному амплу психолога-словесника» Невский неоднократно размышляет в ссылке, планируя будущее.) В эти же юношеские годы, в атмосфере общего подъема первых лет революции он пережил всплеск увлечения живописью, много рисовал и даже проучился два года в Москве во ВХУТЕМАСе⁴ – обстоятельство, лишь случайно всплывшее в одной из бесед и никогда потом не упоминавшееся Невским при анализе своего пути, как ложное направление. В поисках дальнейшего пути, увлекшись поэтикой, Невский поступает в 1924 г. в Литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова в Москве, «в надежде посвятить себя исследованию теории и психологии художественного творчества». Институт через год закрывают, и Невского вместе с другими беспартийными студентами переводят в Ленинградский университет, где он изучает этнографию и фольклор и работает впоследствии «по религиозному

фольклору и истории русской церкви в Музее Истории Религии». По возвращении из ссылки он восстанавливает и углубляет свои знания по христианской иконографии, истории древнерусского искусства, сравнительной мифологии, фольклору, становясь иконоведом и специалистом по старобытовому календарю в практической музейной деятельности.

* * *

Талантливый Вы человек, Невский!

В.Г. Богораз⁵

Слова эпитафии передают суть отношения к Невскому не одного только профессора Богораза, но и других профессоров Ленинградского университета, например, этнографа и фольклориста Д.К. Зеленина, этнографа Л.Я. Штернберга. Он был любимым учеником проф. Н.М. Маторина («роковое знакомство», ибо Невский был арестован, в числе других учеников, вскоре после расстрела Н.М. Маторина в 1935 г.). Среди учителей нет ни одного философа. С представителями философской школы, тем более религиозной, он в эти и последующие годы встретиться не мог. Однако всего одна краткая запись дневника последних лет жизни обнаруживает, что насильственное искоренение старой дореволюционной философской мысли ни к чему не привело: «Со Шпетом⁶ я не расставался». При знакомстве с архивными материалами выясняется, что при полном отсутствии личных связей, равно как и доступа к печатному и рукописному слову Невский не оставлял все-таки своих занятий предметом.

Разрозненные листы с философскими стихами периода ссылки могли бы составить объемистую тетрадь. «Я все время стремлюсь выразить мое жизнеупреждение в единой стихотворной формуле – но это (окончательно) мне не удастся, может быть, так как я все время изменяюсь. Однако свое миропонимание (мировосприятие) я как будто сумел стихотворно отфиксировать. Это напоминает старинное философское стремление выразить сущность мира в единой универсальной формуле», – писал он в дневнике в 1944 г. Приводимые названия некоторых стихотворений дают представление о темах напряженных поисков ссыльного геолога: «Кто я?», «Лик Божий», «Призвание человека», «Памяти Гегеля», «Два страдания», «Путь жизни», «Неопалимая купина», «Символ веры», «Христос», «Scientia», «Philosophia divina», «Философская исповедь», «История философии в портретах и эпитафиях» (20 стихотворных портретов философов от Фалеса до Вундта). При том широком охвате целого спектра наук, который был присущ интересам Невского, именно философии и религии уделял он главенствующее внимание и посвятил львиную долю своих писаний. Отдельные записи в дневнике как бы подытоживают сущность науки и уясняют источник увлеченности ею: «Жадность к еде я стараюсь переключить на жадность к знанию, но, к сожалению, это не всегда мне удается... Философия в наиболее общем смысле – это любовь к знанию, как таковому, бескорыстная и самозабвенная, но в особенности любовь к знанию

универсальному, охватывающему – цельному, самому ценному в жизни (к мудрости)» (1944, Инта).

В познании Невский считал недостаточным только рациональное освоение мира. «Логика одинаково не дает нам основания ни утверждать наличие второго плана мироздания (за первым), ни отрицать его совсем. Ответ может дать только мистика». Человек высокой мистической одаренности, он не мог примириться с устранением этой стороны восприятия из научного обихода: «Почему надо пренебрегать мистическими переживаниями, составляющими часть великой клавиатуры души?». В структуре его знания неизбежно присутствовало, помимо логического, еще и интуитивно-образное знание. Научные и мировоззренческие идеи он стремился выразить не только средствами строгого описания и поэзии, но и графики. «Не является ли для меня поэзия и графика тем языком, которым я должен говорить обо всем?» – спрашивает он себя в дневнике. К «графическому раскрытию» он прибегал чаще всего при отыскании стройных взаимосвязей между науками, а также между различными, выбиравшимися им самим понятиями при осмыслении жизни. Например, «Круг идей» иллюстрирует неразрывную связь комплекса наук философии и психологии с науками о языке – литературой, поэтикой и фольклором, которые автор дополняет близкой ему изобразительной миниатюрой. Стрелки, скользящие по замкнутому кругу, подчеркивают непрерывность научных взаимосвязей, возможные пути синтеза. Созвучные идеи часто звучат и в его стихах; можно привести одно из них, из той же ссыльной тетради 1942-43 гг.:

Философские просторы,
Психологии сады,
Даль старинного фольклора –
Как моря живой воды.
Затвердев в оправе слова,
Их волшебный полусвет
В душу смотрит бирюзово
Из глубин прошедших лет.
Созерцайте ж вдохновенно
Знания чистые лучи:
Они красят мир наш бренный,
Метят духу путь в ночи.

Рядом с «Кругом идей», на той же странице дневника от 23.08.1943, помещена «Тематика научной работы по философии, психологии и фольклору:

1. Очерк истории религиозной философии. Круговая классифик. наук.
2. Очерк истории русской мысли (филос., крит., публ.).
3. Психологич. анализ в худож. лит-ре. Психология худож. творчества.

4. История мысли (по мат-лам языка, мифологии, фольклора).
Искания в среде русского старообрядчества (значение толков).
Древнерусский фольклор в живописи Палеха».

Сжатые, строгие планы, фиксация идей, цитаты, наблюдение за собой -- и нигде в этих дневниках мы не встретим жалоб, выражения злобы или мести или чьего-то осуждения, вообще ничего, что не относилось бы к осмыслению и переосмыслению жизни, к положительному знанию. Очень редкие лаконичные строки напоминают о том, где писались эти дневники: «Бодяная и хлебная диета опять встают у меня в порядок дня. Голодновато!» (7.09.43). Чаше он упоминает лагерь, критикуя себя: «Когда же я научусь владеть своей волей? Когда мои дела перестанут расходиться с моими словами и обетами?... Приходится все время бороться с собой -- чтобы не выпить лишней кружки воды, чтобы не съесть утром всей пайки хлеба... Часто падаешь -- вновь надо подниматься. А воля нужней всего сейчас» (12.09.43).

Одним из результатов осмысления жизни в 1943 г. явилась графическая иллюстрация «Роза заветных интересов», в которой дорогие сердцу понятия помещены в лепестки прекрасного цветка. В самом центре цветка находится человек и его семья (примечание Невского: «Единственная дочь взамен семьи»). Человек раскрывает себя не только в семье, но и в сферах деятельности -- второй круг из двух лепестков, включающий у автора науку и школу. Деятельность человека разворачивается вовне, руководимая категориями Добра, Разума и Красоты -- цветок раскрывается третьим концентрическим кругом из трех лепестков, которым автор дает следующее примечание: «Три высших идеала (символические изображения)». Развертывающийся далее четвертый круг включает 4 лепестка -- 4 темы художественных композиций, посредством которых автор переходит к образному обобщению жизни (труды и праздники), включая сюда круг наук и Рождество Бога и Слова. Наконец, пять лепестков периферического пятого круга символизируют исследование и логическое осмысление в русле пяти научных тем, которые, в свою очередь, находятся внутри знакомого круга излюбленных научных дисциплин.

При знакомстве со столь своеобразным языком графики невольно вспоминаешь, насколько близка была Невскому идея синтеза: «Синтез -- мой идеал. Синтез религии и науки, жизни и искусства, идеализма и материализма, высокой мистики и теплой чувствительности. Работой мысли я должен доказать правоту своего существования». С другой стороны, была и причина прозаическая -- наглядность графики помогала не сбиться с пути, и признание Невского в этом заставляет вспомнить, что окружающая действительность в то время не имела ничего общего с думами и мечтами заключенного: «Схемы-рисунки основных интересов моей жизни являются мнемоническими образами, наглядно и постоянно напоминающими мне о том, что я должен делать, по каким путям двигаться». Среди его стихотворений есть одно с близким названием «Заветное»:

История Образа, Мысли и Слова --
Вот тема заветная жизни моей.
Я к ней возвращаюсь все снова и снова,
Как воды небесные к глубинам морей.

Искусство, поэзию, речь человеческую
И всю философию с древних веков
Люблю я всем сердцем и праздную встречу
Всё новых познаний душевных миров.

Когда я механику мысли постигну,
И творчество мифов раскроется мне --
Я разуму новые замки вздвигну,
Каких не пригрелит в сказочном сне.

* * *

*Великий Мир! Я с избытком отдал дань
познанию Твоих великих тайн!*

А.А. Невский (1944, Инта)

К отношению Невского к понятию Знание стоит присмотреться особенно. Может быть, жизненный опыт, когда столько рушилось и уничтожалось, заставил его сделаться столь страстным поборником и защитником понятия как такового. В жизни Невскому пришлось очень многое защищать и спасать от унижения. Дорогие сердцу книги, ценнейшие иконы, рукописи, конспекты, письма, семейные архивы. Кажется, тяжелее всего он переживал потерю личной библиотеки. Выработавшийся с годами бесстрастный стиль писем не передает глубины потрясения: «Что именно из Лосского Вас интересует? К сожалению, у меня нет ни его «Логик», ни сборника статей по теории познания (когда-то они у меня были, до 1936 года)... 26 авг. этого года исполняется ровно 40 лет, как судьба подвергла меня суровому испытанию, в результате которого пропала моя, тщательно собранная библиотека. С большим трудом мне удалось восстановить кое-что из потерянного, организовав библиотечку заново. Но я все же счастлив тем, что сейчас, не выходя из дома, могу для своих занятий пользоваться собственными книгами» (из письма к А.Е. Бабулевицу от 1.07.1976). Если сравнить строки из дневников и писем разных лет, то окажется, что на протяжении десятилетий, вплоть до последних лет жизни, он трудился над восстановлением своей библиотеки. Можно привести для примера две записи разных лет. «Сколько труда, времени и педантизма я положил на составление моих записок -- начиная с университетских записей лекций (даже раньше -- гимназических конспектов разных книг и статей), в надежде воспользоваться ими -- и вот с моим арестом все пропало. Приходится все создавать заново» (Инта, 1947). Спустя 12 лет: «Осталось еще названий 20 книг, которые мне хотелось бы восстановить для моей библиотеки» (Ленинград, 1959).

Невскому было более 70 лет, когда библиотека «наконец округлилась» и появилась возможность иметь свой собственный рабочий кабинет. При этом можно без колебаний утверждать, что всю жизнь он трудился, не покладая рук, поглощая, анализируя, систематизируя и создавая знание. Письменных свидетельств этого труда не сохранилось только за самые первые годы ссылки, когда запрещалось иметь даже огрызок карандаша, когда при обыске отбиралось все написанное, независимо от содержания. Известно также, что библиотека появилась в ссыльном поселке в 1944 году, но и до того попадались кое-какие издания. Какие именно, мы можем судить по записям Невского. Самодельная книжечка из грубой сероватой бумаги, испиленная четким бисерным почерком и озаглавленная «Хронология всеобщей и русской истории» была «составлена по «Истории СССР», краткому курсу, учебнику для 3 и 4 класса под ред. проф. А.В. Шестакова, Учпедгиз, 1938». Тщательные конспекты и копии статей по философии, психологии и этике из словаря Брокгауза и Ефрона. По отзывам на произведения Толстого, Лескова, Чехова и других писателей можно составить представление о подборке художественной литературы в поселковой библиотеке. Похоже, он изучал все, к чему был доступ – геологию, палеонтологию, минералогию, английский язык. Запись от 22.07.1944: «...как ни ограничивайся, остаются у меня все те же три круга исконных интересов: 1) философия (по этой линии я сейчас штудирую естествознание - геохимию), 2) психология и литература (штудирую римскую литературу!), 3) фольклор и язык (перевожу, соревнуясь с Пастернаком, стихи Шелли)». Невский привык отчитываться перед собой и делал это на протяжении всей жизни; в последние годы посылал отчеты еще и в письмах друзьям. Например, в письме к Бабулевичу от 5.04.1967 содержатся те же отчеты о штудиях, но с более целенаправленной на русскую культуру тематикой: «В библиотеки я сижу сейчас над повторением апокрифов – по Порфирьеву (История русской словесности, т. 1). Курс Порфирьева рекомендую и Вам – он подробнее курса Келтуялы. За апокрифами буду осваивать христианскую легенду – по Ал-ру Веселовскому, а затем, на закуску, займусь иконографией святых – по Réan. После этого останутся не освоенными только нек-рые работы, которых я не нашел ни в библ-ке Русского Музея, ни в библ-ке Ин-та археологии».

Конспектами и цитатами, наряду с изложением собственных мыслей и набросков работ, заполнены личные дневники Невского – многочисленные страницы, килограммы рукописей. Это кажущееся теперь странным писание авторучкой целых скрипточек, по существу переписывание книг, было и привычным методом штудирования, и полем брани за спасение утраченного знания. «Когда у меня будет Молитвенник или Часослов, я, конечно, не буду заполнять этих страниц призывами к Богу. Когда у меня будет Евангелие и Псалтирь, я не буду вспоминать на бумаге священных текстов из этих книг, а буду писать работу о глубоком содержании библейских притч и рассказов...» (1.04.1944).

Итак, вместо работы с нужной книгой, статьей, являющейся непременным условием труда ученого, – изнурительная погоня, долгие усилия за обладание материалом и труд по его восстановлению в памяти, фиксации и закреплению в рукописных тетрадях. На этом пути Невский сформировался в своеобразного самодеятельного ученого, обладавшего обширнейшими и прочными знаниями. «В Феропонтове мы ходили за ним толпой, - вспоминает И.М. Громова, художник-реставратор древнерусской живописи высшей квалификации, проработавшая 30 лет в Реставрационном центре им. И.Э. Грабаря, - он говорил и говорил... Такие вещи люди не говорят, а печатают в виде статей и защищают кандидатские и докторские диссертации. Он об этом не заботился, у него был тезис: «Важны знания, а не звания». В его знаниях подкупали точность определений и педантичное владение деталями, при стремлении к энциклопедической полноте. Он неоднократно находил фактические ошибки в серьезных книгах. Вот только один пример: «Конечно, книга «Geschichte der russische Kunst», IV, хорошая... Кстати, я сразу же наткнулся в этой книге на ошибку: на стр. 267 под изображением Андрея Боголюбского стоит: «Grosse ist Alexander Jaroslavitsik». Значит, вранье бывает и в немецких книгах!». «Высочайший профессионализм», «искусствовед высокого уровня», «уникальная личность», «его знания поражали, и он щедро и бескорыстно делился ими», «знаток мелочей», «мог бы создать целую школу» - таковы отрывки из отзывов специалистов и коллег Невского по работе в МИР в последние годы. Это признание тем более ценно, что восстанавливает связь с научной средой, которой изгнанник из общества был лишен почти четыре десятилетия. Большая часть жизни Невского прошла вне официальной науки, и никаких званий у него не было. Когда он в 1969 г. на 72-м году жизни вернулся-таки в Музей, его просто мало кто знал и почти никто не помнил. Но он «врос» в жизнь Музея сразу, всерьез и надолго. Уже через полтора месяца он писал в одном из писем: «Моя работа в музее разветвляется по четырем направлениям: научно-исследоват.-му и экспозиционному, по фондам и подготовке кадров. Это для меня большое удовлетворение: если в 1936 году из этого музея я был изъят, как здоровый зуб по воле невежественного дантиста, то теперь оценен по-настоящему и возвращен на свое настоящее место в жизни. А ведь это главное: the very man on the very place, когда и человеку хорошо, и обществу выгодно. Зеленая молодежь мало знает из той области, которой я посвятил себя – поэтому всякое мое замечание получает вес и встречается с благодарностью».

Мне хотелось бы заключить свой краткий рассказ замечанием о том, что личность А.А. Невского, помимо всего прочего, являет собой пример отношения к родине и служения ей. Сам он так писал об этом в дневнике в 1943 г.: «Через Лен-д и далекий Север я опять приезжаю в Шую, чтобы найти в ней опоры для дальнейшей работы (Иваново, Палех). Ведь недаром же я тратил время и силы на изучение фольклора центр.-х областей России. Все более и более растет во мне тоска по родному во всех его формах. Но как

мало я еще сделал, как мало знаю... Я буду очень нужен своему родному краю по разным линиям».

¹ Короткова Н.Н. О подвижнике культуры шуянине А.А. Невском // Провинциальный анекдот. Чтения по региональной казуальной истории. Вып. III. – Шуя, 2003. – С. 100-109.

² Невская В.А. родилась в 1930 г. в Ленинграде. Окончила ленинградский Киноинженерный институт. проработала 25 лет в Магадане. Автор многочисленных поэтических публикаций и отдельных сборников стихов.

³ Есрляев Н.А. (1874-1948) – русский религиозный философ, представитель персонализма. В 1922 г. выслан из СССР. С 1924 г. жил во Франции, издавал религиозно-философский журнал «Путь» (Париж, 1925-40),

⁴ ВХУТЕМАС – Высшие государственные художественно-технические мастерские, учебное заведение в Москве. Создан в 1920 г. Готовил в основном художников-станковистов и архитекторов. В 1926 г. преобразован во ВХУТЕИН.

⁵ Богораз В.Г. (псевдоним Тан, 1865-1936) – советский этнограф, писатель, обществ. деятель. Автор учебников, словарей, один из создателей письменности на языках народов Севера. Директор Музея истории религии АН СССР, профессор ряда ленинградских вузов. По свидетельству вдовы А.А. Невского И.Г. Языковой, В.Г. Богораз намеревался сделать Невского своим преемником.

⁶ Шпет Г.Г. (1879-1940) – русский философ, последователь феноменологии Гуссерля. Научные интересы от психологии и эстетики до истории и методологии науки. Знание 17 европейских языков способствовало его литературной и переводческой деятельности. С 1937 г., после очередного ареста и приговора к 10 годам лишения свободы без права переписки, о Шпете ничего не известно.

А.А. Невский слушал лекции Шпета в течение года в 1917-18 учебном году в Московском университете.

ИЗ ДОМАШНЕГО АРХИВА И.И. ТУРУНОВОЙ

Публикуемый документ сохранен жительницей пос. Холуй Южского района Инной Ивановной Туруновой. Он невелик по объёму, но, несомненно, обладает определённым информативным потенциалом как для исторических, так и для лингвистических изысканий. Так, несмотря на известную формализованность, шаблонность языка документа, являющегося образчиком официально-делового стиля, в нем нашли отражение некоторые явления местной речи, что делает его интересным для диалектолога.

В публикации сохранена орфография и пунктуация рукописи.

Л. П. Батырева

АКТ

1924 года октября мес. 5 дня между гражданами Первомайской слободы, Южской волости, Шуйского уезда, Иваново-Вознесенской губ. Александром Ивановичем и Александрой Петровной Дьяковыми и гражданином той же слободы, Ефимом Феодоровичем Кособрюховым в присутствии свидетелей Ивана Трифоновича и Анны Федоровны Туруновыми произошло соглашение в следующем: Е.Ф. Кособрюхов, чувствуя себя старым и больным и вследствие этого находясь не в состоянии воспитать находящуюся при нем девочку Веру Николаевну Кособрюхову, взятую им из Вязниковского приюта Владимирской губ. в июле мес. 1923 г., передал ее, т.е. девочку, на воспитание гражд. Дьяковым, которые вместе с девочкой получили от Е.Ф. Кособрюхова для воспитания следующие вещи: швейную машинку, перину, белый самовар, подушку, теплый сак на бараньем меху, ватный сак, драповый сак, летний (майский) сак, два шерстяных платья, теплую шаль, шелковый платок и шелковый косок, салфетку, простыню, шерстяной сак, золотое кольцо, золотые сережки, золотой перстень, брошку с зеленым стеклянным камнем и старым серебром на 3 руб. 20 коп. Во всем этом, как с той, так и с другой стороны подписываются.

Александр Дьяковъ.

Александра Дьякова.

Занеграмотного Е. Ф. Кособрюхова расписался Петр Мамин

Ив. Турунов А Турунова

Правильность подписи рук граждан Первомайской Слободы Александра Дьякова, Александру Дьякову, Петра Мамина, Ив. Турунова и Анны Туруновой удостоверяю.

16/X – 1924 г. Предрайсельсовета Бабурин

К.Е.БАЛДИН
(г.Иваново)

У ИСТОКОВ ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В декабре 2003 г. Ивановский государственный университет отмечал свое тридцатилетие. Однако фактически вуз был создан значительно раньше – 85 лет назад, в декабре 1918 г. Всякий юбилей – это повод оглянуться назад, внимательно присмотреться к пройденному пути. В настоящем сообщении пойдет речь о самых первых шагах вуза, первом периоде его истории, продолжавшемся с 1918 по 1923 г. До революции в городе Иваново-Вознесенске – крупном промышленном центре – не было ни одного высшего учебного заведения. Первые вузы были созданы здесь уже новой властью – в 1918 г. Первым из них был политехнический институт, возникший на базе Рижского политеха. В дальнейшем он дал начало четырем вузам, которые и поныне благополучно существуют в Иваново – энергетическому, химико-технологическому, текстильному, сельскохозяйственному.

На III съезде Советов ивановского края 21-22 апреля 1918 г. было решено создать в Иваново-Вознесенске и педагогический институт. В связи с этим руководители «красной губернии» стали усиленно добиваться его открытия в Народном комиссариате просвещения в Москве. Здесь нельзя не упомянуть добрым словом тех людей, которые внесли свой весомый вклад в возникновение и дальнейшее становление нашего вуза.

«Крестным отцом» политехнического института обычно называют Михаила Васильевича Фрунзе, который приложил много усилий для того, чтобы состоялся этот главный вуз текстильного края. «Отцом» же педагогического института можно в известной степени назвать Дмитрия Андреевича Фурманова, заместителя губернского комиссара просвещения, который был командирован из Иваново-Вознесенска в Москву решать этот вопрос в Наркомате просвещения. Так что много лет спустя имя Фурманова было присвоено педагогическому институту совершенно неслучайно. Большую помощь в организации нашего вуза оказал также Исидор Евстигнеевич Любимов, который в 1918 г. возглавлял губернский комиссариат просвещения. Он хорошо понимал необходимость добротного образования для педагогов, т.к. сам до революции трудился учителем в начальной школе.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), находящемся в Москве, до наших дней сохранился документ, который можно определить как «свидетельство о рождении» вуза. Это протокол заседания отдела школьной политики Народного комиссариата просвещения Российской Федерации от 22 июля 1918 г.:

«СЛУШАЛИ: Ходатайство Иваново-Вознесенского отдела по народному образованию об открытии учительского института.

ПОСТАНОВИЛИ: Разрешить открыть учительский институт»¹.

Незадолго перед новым 1919 годом основные подготовительные работы были завершены. Технические работники института и будущие студенты разносили по различным учреждениям приглашения, в которых значилось: «В субботу 21 декабря сего года в 5 часов вечера в доме Щапова на Негорелой улице состоится открытие педагогического института и педагогических курсов, на которое Вы приглашаетесь». Под этим текстом стояла подпись заведующего губернским отделом народного образования П.О. Дианова (который на некоторое время сменил на этом посту И.Е. Любимова).

Вечером 21 декабря 1918 г. в обширном, но плохо протопленном купеческом особняке состоялся торжественный митинг, посвященный открытию педвуза. На нем присутствовали педагоги, будущие студенты, представители губернских и городских органов власти. В президиуме за столом, покрытым красным сукном, разместились немногочисленные пока преподаватели вуза, а также представители местных властей. На видном месте был установлен портрет А.В. Луначарского, который тогда занимал пост народного комиссара просвещения в молодой Советской республике. На этом собрании выступил И.Е. Любимов, который, в частности, сказал: «Сегодня праздник культуры и просвещения, ибо сегодня открывается педагогический институт, которому предстоит создать нового учителя... Мы желаем, чтобы здесь был и новый слушатель, который понимал бы задачи советской трудовой школы и воспитания подрастающего поколения»².

Вслед за Любимовым на трибуну поднялись преподаватели института С.Н. Боголюбский, В.М. Экземплярский, Н.Ф. Бельчикова, ректор политехнического института М.Н. Берлов, от городского Совета рабочих депутатов новорожденный вуз приветствовал В.П. Кузнецов.

Власти губернии и города позаботились о том, чтобы обеспечить учебное заведение необходимыми помещениями. Сначала институту выделили особняк, конфискованный у фабриканта Н.Т. Щапова. В настоящее время это главный корпус сельскохозяйственной академии на углу улиц Советской и М. Рябининой. Он был построен еще в 1908-09 гг. по проекту московского архитектора П.А. Заруцкого в духе эклектики. В то время он был не столь просторным как сейчас, т.к. здание имело не три, а только два этажа (третий этаж был надстроен в 1934 г.) Здесь педагогический институт делил учебные площади с местной промышленной школой, но в дальнейшем, по мере предоставления других учебных зданий, вуз был выведен из щаповского особняка.

Канцелярия института первоначально находилась на Георгиевской улице в бывшем доме бакалейщика Чернова, выселенного оттуда после октября 1917 г. Это здание на пр. Ленина хорошо знакомо ивановцам, в нем сейчас находится магазин, в обиходе именуемый «Главхлеб» (напротив бывшего кинотеатра «Центральный»). Сюда несли свои заявления о приеме в вуз первые его студенты»³.

К началу 20-х годов в распоряжении педагогического вуза находилось четыре учебных корпуса. Главный из них располагался в помещении бывшей мужской гимназии, выходившем торцом на улицу Воздвиженскую, в 1920 г. она была переименована в улицу Степанова в честь известного ивановского революционера, погибшего на фронтах гражданской войны. Фасадом этот корпус был обращен к переулку, который в 1927 г. тоже был назван в честь Степанова, а в начале 20-х годов именовался Пьяным. Причем это было не народное, а совершенно официальное название. Наверное, забавно выглядел адрес на письмах, приходивших в «храм науки»: «г. Иваново-Вознесенск, пер. Пьяный, педагогический институт». В настоящее время в том здании, о котором мы ведем речь, находится один из корпусов Ивановской сельскохозяйственной академии.

Сначала в институте было только два факультета – социально-исторический и естественно-математический, но уже в мае 1919 г. последний было решено разбить на физико-математический и естественный, причем некоторое время они имели одного общего декана и единый ученый совет. Окончательно их разделение произошло в январе 1920 г. На естественном факультете существовали две специализации – биологическая и геолого-географическая. На социально-экономическом факультете после общеобразовательной подготовки, осуществлявшейся на первых двух курсах, с третьего вводились две основных специализации – социально-историческая и литературно-художественная.

Кроме трех факультетов, готовивших «шкрабов» для средней школы, были созданы и существовали в разные годы три отделения, которые не давали высшего образования – школьное, дошкольное и внешкольное. Первое готовило учителей начальных школ, второе – работников для детских садов и яслей и третье – деятелей внешкольного образования. Последнее было призвано выпускать инструкторов по культпросветработе, которые работали с заведующими клубами, избами-читальнями, библиотеками.

16 января 1919 г. к учебе приступили первые студенты нашего вуза. Их было очень немного – около полусотни, хотя первоначально изъявили желание учиться 145 человек. Однако у многих желания разошлись с их возможностями, а также с внешними обстоятельствами того очень трудного времени. Сказывались постоянные мобилизации на фронты гражданской войны, материальные трудности, голод, эпидемии (в гражданскую войну в Иваново-Вознесенске, как и по всей стране, свирепствовала испанка – тяжелая форма вирусного гриппа, она унесла жизни сотен людей). Многие мужчины ушли на фронт, поэтому подавляющую часть студентов составляли девушки. Это были в основном учительницы начальных школ, которые хотели повысить уровень своего образования и зачастую учились без отрыва от работы. В числе принимавшихся в институт было много таких, кого мы сейчас назвали бы «целевиками». Их направили в вуз органы народного образования и профсоюзы. В 1919 г. в институте числилось 82 студента, 1920 г. – 167, 1921 г. – 330, 1922 г. – 348⁴.

В то время от студентов не требовалось какого-то титанического труда и для того, чтобы сдать сессию. Вообще сейчас довольно сложно разобраться в том, какую форму имели испытания при переходе с курса на курс: то ли это были экзамены, то ли зачеты. В зачетной книжке выводились оценки только в двух вариантах – «удовлетворительно» и «весьма удовлетворительно» (сокращенно – «уд.» или «вуд»). Иногда там же ставилась другая запись – «зачет». В ряде случаев по настоятельным просьбам студентов зачеты или экзамены заменяли коллективными собеседованиями⁵.

Большинство педагогов молодого вуза были совместителями. Они трудились в различных московских институтах и приезжали в Иваново-Вознесенск на короткое время для того, чтобы ускоренным порядком вычитать свои курсы лекций. Достойного жилья для них в нашем городе найти не удавалось, гостиниц здесь было не так много, некоторые из них были заняты советскими учреждениями. Поэтому к московскому поезду для педагогов два раза в неделю железнодорожники прицепляли так называемый «профессорский» вагон повышенной комфортности. Мягкий профессорский вагон стоял на запасных путях возле ивановского железнодорожного вокзала. Здесь в удобных купе и жили профессора Иваново-Вознесенского гединститута вместе с преподавателями местного политехнического вуза, в котором учебный процесс зачастую осуществлялся тем же порядком – путем кратковременных приездов совместителей из Москвы. Иногда приглашенные из столицы преподаватели приезжали в Иваново-Вознесенск на несколько недель. Деньги за проезд преподавателей и их проживание в импровизированной гостинице на колесах включались в смету института.

Первым ректором вуза стал Сергей Николаевич Боголюбский. Тогда это был совсем молодой профессор, а впоследствии, уже работая в Москве и других научных центрах страны, он прославился как выдающийся биолог, специалист по доместикации (одомашниванию) животных⁶.

В нашем педагогическом вузе в первые годы его существования вели преподавательскую работу математики, впоследствии получившие мировую известность, – Н.Н. Лузин, А.Я. Хинчин, Д.Е. Меньшов. Большинство из них были тесно связаны с мехматом Московского университета. Одной из самых заметных фигур на физико-математическом факультете был Николай Николаевич Лузин, один из создателей отечественной школы теории функций. Его перу принадлежат капитальные труды по дифференциальным уравнениям и дифференциальной геометрии. В 1929 г. он стал действительным членом АН СССР.

Курс истории средних веков в институте читал Дмитрий Моисеевич Петрушевский – крупнейший отечественный ученый. Он окончил Киевский университет и с 1906 г. занимал должность профессора Московского университета. Впрочем, несмотря на его научные заслуги, аудитория слушателей в Иваново-Вознесенске была у него очень немногочисленной. Воспринимать его лекции было довольно затруднительно, читал он медленно, невнятно, сидя, опершись подбородком на массивную трость и не глядя на

студентов. Никаких конспектов перед ним на столе не было. «Казалось, — отмечали слушавшие его студенты, — что он глубоко ушел в свой предмет и делится своими знаниями с теми, кто проявляет к ним интерес. И те немногие с вниманием и глубоким уважением слушали большого ученого». В минуту откровенности он объяснил студентам, что во время лекции у него в голове совершается очень сложный мыслительный процесс: думал он по-польски, затем с польского переводил почему-то на немецкий, и только потом на русский язык. Перед ним сидели не более 6-7 студентов из числа энтузиастов, остальные в условиях свободного посещения предпочитали прогуливать лекции, казавшиеся им неинтересными⁷.

Позже, в 20-х годах, Д.М. Петрушевский работал директором института истории Академии наук. В 1924 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1929 г. — действительным членом АН СССР. Его основные работы посвящены истории средневековой Англии. Еще в 1897 г. вышла в свет его монография о восстании крестьян под руководством Уота Тайлера. Несколько раз издавались также его «Очерки из истории средневекового общества и государства» (последнее издание датировано 2003 годом) и «Очерки из истории английского государства и общества в средние века». Несмотря на то, что Петрушевский долгие годы трудился уже в советских вузах, он в целом оставался верен своим буржуазно-либеральным воззрениям, которые шли в разрез с господствовавшей в то время марксистской концепцией исторического развития⁸.

Еще одной яркой фигурой, с которой довелось познакомиться студентам, был Александр Александрович Кизеветтер — крупный историк и известный политический деятель начала XX в. Он оставил свой заметный след не только в науке, но и в самой истории нашей страны. Кизеветтер происходил из дворянского сословия, окончил Московский университет, где учился у выдающегося отечественного историка В.О. Ключевского. Позже он преподавал в различных учебных заведениях Москвы, в том числе в университете. Однако его властно влекла к себе политика, и в 1906 г. Александр Александрович был избран членом ЦК партии конституционных демократов (кадетов), которая делегировала его во II Государственную думу. Становится ясно, почему этот крупнейший ученый и общественный деятель даже не упомянут в «Очерках» истории нашего института, изданных в 1980 г. В то время вуз никак не мог гордиться тем, что его стенах в свое время преподавал один из вождей крупнейшей буржуазно-либеральной партии. Его основные научные интересы лежали в сфере отечественной истории XVIII столетия. В 1903 г. А.А. Кизеветтер издал монографию «Посадская община в России XVIII столетия», а в 1909 г. — свою магистерскую диссертацию «Городовое положение Екатерины II 1785 г.»⁹.

Преподавать в Иваново-Вознесенский пединститут Кизеветтер приехал не от хорошей жизни, в то время в Москве он уже подвергался преследованиям со стороны органов ЧК. Достаточно сказать, что за 1918-1921 гг. его трижды арестовывали, и некоторое время ученый находился в

тюремном заключении. В 1922 г. спецслужбы выслали Кизеветтера из России вместе с большой группой других известных общественных деятелей и ученых на так называемом «философском пароходе», который увозил на чужбину также философов Булгакова, Бердяева и других деятелей отечественной науки и культуры. Находясь в вынужденной эмиграции, он жил в Праге, продолжал здесь научную и педагогическую деятельность, умер в 1933 г.

В голодные годы гражданской войны гораздо большую ценность, чем деньги, имели продовольственные пайки, которые централизованно распределялись властями. Выдавались они как преподавателям, так и студентам. В помещении современного гастронома в начале улицы Георгиевской (пр. Ленина) можно было получить по карточкам ржаную муку, в месяц ее выдавали от 10 до 30 фунтов. В паек входили также крупы, иногда — растительное масло, а также несколько штук копченой воблы. Из этой воблы тогда варили суп, и он казался необыкновенно вкусным в условиях военной голодухи. Обедать студенты бегали в столовую, расположенную по соседству с учебными корпусами — в здании современной детской поликлиники на улице Степанова.

Студентам в счет пайка выдавалось также несколько фунтов керосина, который тогда был буквально на вес золота. Доходило до того, что некоторые записывались в вуз только для того, чтобы получать керосин. На лекции такие студенты не ходили, зачетов не сдавали. Через некоторое время деканат убеждался, что они пришли в вуз не ради знаний, а ради пайка, тогда от таких студентов приходилось избавляться. Один из сотрудников института В.П. Крылов вспоминает анекдотический случай, когда в приемную комиссию института приползла совершенно ветхая старушка, которая просила тоже «записать ее в студентки», т.к. она остро нуждалась в керосине.

Полуголодными были и студенты, и преподаватели. Какой-то особо сытный паек не полагался даже ректору института. По воспоминаниям С.Н. Боголюбовского, он угощал приходивших к нему в гости коллег сушеной картошкой (не путать ее с современными чипсами!), поджаренной на касторовом масле за неимением какого-либо другого, а также варением из тыквы, сваренном на глицерине¹⁰.

Трудно было и с одеждой. В условиях гражданской войны, когда легкая промышленность страны практически не работала, студентам, да и преподавателям, приходилось донашивать одежду и обувь, оставшуюся от «старого режима», т.е. от дореволюционного времени. В коридорах института можно было встретить публику, одетую очень живописно, — в серые солдатские шинели, потертые чиновничьи мундиры с чужого плеча, в драповые пальто на «рыбьем меху», на ногах у большинства были либо валенки с галошами, либо видавшие виды сапоги армейского образца.

Первый период истории вуза закончился в 1923 г., когда в результате крайне непродуманного решения педвуз в Иваново-Вознесенске закрыли, преобразовав его, правда, в педагогический техникум¹¹. Нехватка

квалифицированных кадров учителей в нашем крае выявилась довольно быстро и вскоре пришлось исправлять допущенную ошибку. В 1932 г. вуз был возрожден, но далее следует уже иной период его истории, который заслуживает особого внимания.

¹ ГАРФ, Ф. 2306. Оп. 2. Д. 194. Л. 63.

² Очерки истории Ивановского государственного университета и его предшественника — Ивановского педагогического института. Иваново, 1980. С. 7.

³ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Ивановская область. Ч. 1. М., 1998. С. 256, 281.

⁴ Очерки истории Ивановского государственного университета и его предшественника — Ивановского педагогического института. Иваново, 1980. С. 7-8.

⁵ Социально-исторический факультет Иваново-Вознесенского института народного образования в 1921-1923 годах // Ивановский государственный университет глазами современников. Вып. 1. Иваново, 1993. С. 20.

⁶ Алексеева Е.М. Первый ректор // Ивановский государственный университет глазами современников. Вып. 1. Иваново, 1993. С. 9-13.

⁷ Гусева М.И. Об учебе в Иваново-Вознесенском педагогическом институте // Ивановский государственный университет глазами современников. Вып. 1. Иваново, 1993. С. 16-17.

⁸ Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 120-121.

⁹ Отечественная история. Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 566.

¹⁰ Боголюбовский С.Н. Письмо студентке исторического факультета Л. Бойковой // Ивановский государственный университет глазами современников. Вып. 1. Иваново, 1993. С. 13.

¹¹ ГАИО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 822. Л. 81.

О.В. КУРАТОВ
(г. Москва)

МОИ ЗАПИСКИ

Футбол в глубинке

Если бы мы оказались на улицах маленького городка Шуя в сороковых-пятидесятых годах, то первое, что нас поразило бы — это вездесущий детский футбол. С самой ранней весны и до наступления зимних холодов дети и подростки играли в парках, сквериках, просто на тротуарах и мостовых, в лесу, на реке; играли и кожаными мячами, и резиновыми, и просто из чулка, набитого сеном или тряпками. Играли босиком, так что все лето и до поздней осени ноги у игроков были покрыты трескавшейся коростой цыпок. Зимой играли дома в комнатах и кухнях, в фойе кинотеатров, в коридорах школ и клубов. За неимением места в этих случаях играли «в одни ворота», то есть обе команды старались забить гол одному и тому же вратарю.

Тогда не было никаких «угловых, вбрасываний, одиннадцатиметровых, защитников, полузащитников, полусредних, нападающих» — тогда звучали специальные, иностранные (и тем особо значительные) слова «корнер, аут, пенальти, бек, хавбек, инсайд, форвард». Футбол был высшим объединяющим началом над племенной и территориальной враждой; он был великим непрерывным праздником. В Шуре, этом маленьком городке, как и в тысячах других, было два приличных стадиона с хорошими полями и вместительными трибунами. Почти еженедельно по городу расклеивались афиши о предстоящих футбольных боях либо местных команд, либо «на первенство области», либо товарищеских встреч с командами других городов, даже из Москвы. Народ валил на эти встречи на тот или другой стадион, где его обязательно встречали звуки духового оркестра.

Самыми популярными были встречи трех команд: сборной команды города, сборной команды военного городка и сборной команды югославских воинских частей, содержавшихся в нашем военном городке, по-видимому, под присмотром. Политический статус этих югославских военных был нам неведом; они носили свою военную форму, пели строевые песни на родном языке, когда колоннами ходили в Центральную баню, и некоторые из них бывали в свободном увольнении.

Для нас было важно другое: они потрясающе играли в футбол! Они наголову разбивали и городскую сборную, и сборную наших военных, и любых других противников. Их вратарь по имени Иисус, кудрявый красавец античного сложения, их горбоносый, вечно улыбающийся, неказистый, но юркий форвард Рампо и другие игроки были для нас настоящими кумирами. Из «наших», то есть городских или военных, самыми известными и любимыми были левый крайний сборной города Саша Перфильев — высокий, худощавый и необщительный — и центрфорвард военных, капитан, затем майор Барсов — вечно улыбающийся, постоянно «мастерившийся», спорщик.

весельчак и женский любимчик. Быть в увольнении для футболистов-военных, особенно югославов, оказывалось нелегко: и на улицах, и в кино, и на танцах их окружали пацаны-поклонники, мешающие этим одиноким, молодым и привлекательным мужчинам отдавать должное бесчисленным шуйским красавицам.

Плата за вход на стадионы взималась не всегда, а только на особо интересные встречи; впрочем, цена билетов была совершенно доступной. Тем не менее, все дети и часть взрослых считали такой проход на стадион неестественным и проникали туда нормальным путем – через забор.

Заработная плата (1970-1990 гг.)

Ниже приводятся отдельные примеры среднемесячных заработков в 1970-1990 гг. Денежные расчеты с работниками проводились следующим образом. Во второй-третьей декаде месяца выдавался аванс (примерно половина оклада), а в первой декаде следующего месяца производился окончательный расчет за предыдущий месяц. В этом расчете определялась с учетом аванса сумма заработанных и дополнительно полученных за месяц денег (премии, выплаты за рацпредложения, изобретения и т.д.). Из рассчитанного суммарного дохода вычитался подоходный налог (8-13%), а оставшиеся средства выплачивались по платежной ведомости. Копии платежных ведомостей направлялись в партком, профком и бюро комсомола; те рассылали их по своим первичным ячейкам, где собирались взносы с суммы полученных на руки средств. Партийные взносы составляли 3%, профсоюзные – 1%, а комсомольские – 1,5% от фактически полученных за месяц денег.

Приведенные сведения о зарплате взяты из партбилетов, т.е. точно соответствуют всем полученным на руки средствам.

Шуйская гармонная фабрика

1.1. Мастер цеха, затем председатель профкома.

До 1975 г. – мастер цеха, с ноября 1975 г. – председатель профкома.

Год	Среднемесячный доход и его разброс, руб.	Год	Среднемесячный доход и его разброс, руб.
1973	131 (100-192)	1982	173 (154-269)
1974	135 (95-228)	1983	179 (154-244)
1975	152 (112-224)	1984	191 (154-274)
1976	180 (151-322)	1985	178 (154-233)
1977	177 (150-298)	1986	208 (130-386)
1978	193 (154-305)	1987	223 (175-320)
1979	180 (154-303)	1988	267 (175-396)
1980	205 (154-324)	1989	303 (230-644)
1981	205 (154-309)	1990	304 (230-753)

1.2. Инженер по технике безопасности и рационализации.

Год	Среднемесячный доход и его разброс, руб.	Год	Среднемесячный доход и его разброс, руб.
1973	141 (100-217)	1981	208 (155-336)
1974	132 (100-204)	1982	186 (145-207)
1975	143 (105-233)	1983	202 (158-290)
1976	160 (130-282)	1984	210 (158-325)
1977	161 (130-271)	1985	200 (154-267)
1978	169 (130-248)	1986	204 (150-328)
1979	174 (113-276)	1987	174 (134-273)
1980	217 (178-323)	1988	220 (150-357)

1.3. Работница механического цеха.

Год	Среднемесячный доход и его разброс, руб.	Год	Среднемесячный доход и его разброс, руб.
1974	135 (116-153)	1982	168 (123-206)
1975	107 (51-136)	1983	186 (164-211)
1976	104 (84-125)	1984	195 (164-238)
1977	123 (104-135)	1985	195 (167-241)
1978	139 (117-176)	1986	201 (168-280)
1979	146 (117-196)	1987	197 (175-297)
1980	170 (139-190)	1988	197 (166-263)
1981	164 (138-191)		

ШУЙСКИЙ «СЕЛФ-МЭЙД-МЭН»

(Краткое жизнеописание друга детства Анатолия Сергеевича Ситникова)

Толя Ситников родился в 1937 году в семье, проживающей в г. Шуя по адресу: улица Стрелецкая, дом № 6/6. Они жили на первом этаже кирпичного флигеля; в маленькой отдельной квартирке были холодная прихожая, из нее – вход в крохотную кухню с печкой, за кухней – маленькая комнатка. Из холодной прихожей был также вход в холодный сарайчик; в сарайчике они держали дрова, а также козу, потом поросенка, позднее барана. Туалет, общий для всех жильцов флигеля, был на улице, рядом с общей помойкой.

Отец Толи вернулся с войны инвалидом и долго не протянул. Его старший сын, брат Толи, появился на время и неожиданно исчез. Однако он успел объяснить нам, малышам, что такое атомная бомба. В день, когда Америка сбросила на Японию первую атомную бомбу, он собрал нас во дворе, взял два кирпича и долго тер их друг о друга, строго на нас посматривая. Потом набрал две полных пригоршни кирпичного порошка, подбросил их над нашими головами и сказал: «Вот что остается от всего этого (он широко развел руками вокруг). Больше ничего, будь то железо, камень, дерево, трава или люди. Понятно?».

С самого малого детства мы росли вместе. Вместе постигали уличные правила: жаргон, мат, чеканку, карты, шулер, божбу. Вместе летом на весь день уходили в лес и на реу, добывали впрок ягоды, грибы, орехи. Вместе выменивали на кусок хлеба у голодных солдат патроны и «артпорох», а при возможности воровали с военных складов запалы, толовые шашки, бикфордов шнур и другие боеприпасы. Вместе пошли в школу. Хотя жили мы по одному и тому же адресу, в школе № 2 нас почему-то определили не в один, а в параллельные классы.

В один из сентябрьских дней он прибежал ко мне на перемене, сунул в мой портфель какой-то сверток, хитро мне подмигнул и умчался. Во время следующего урока его ввела в наш класс учительница, он молча указал на меня. Мой портфель открыли, развернули сверток – там оказалась пачка спичек. Он стащил эти спички у девочки, которая принесла их как палочки для счета, а спички годились для «громовых ключей» и самопалов. Нас обоих как сообщников в краже примерно наказали – все оставшееся до конца уроков время мы простояли и проплакали в кабинете завуча, а потом были отправлены к матерям на доклад.

В первом же классе Толя остался на второй год, а через несколько лет был отправлен в «пятую школу», предназначенную для обучения детей с замедленным развитием. Дружбе нашей это нимало не помешало, а рассказы Толи о том, как их обучают столярному мастерству, даже вызывали у меня зависть. Мы по-прежнему проводили свободное время вместе, но я чувствовал, что он занят каким-то тайным делом. Однажды я увидел у него дома большой бинокль, который он пытался от меня спрятать; в другой раз я застал его за копанием глубокой ямы в сарайчике, чем он был очень смущен.

Приехав на очередные студенческие каникулы, я узнал, что Толю посадили за воровство: говорили, что милиция много лет не могла найти искусного вора, укравшего много денег и ценных вещей исключительно из частных домов. Как оказалось, Толя взбирался на тихих улочках Шуи на подходящее дерево и в бинокль обстоятельно наблюдал за выбранным домом, ожидая, когда дом останется без присмотра. Выскочившая на минутку хозяйка оставляла дом незакрытым, а Толя в эту минуту оказывался тут как тут. В следующие приезды я узнал, что Толю признали kleптоманом, выпустили и перевели в колонию для умалишенных. Несколько раз я узнавал, что его то выпускали, то вновь сажали или помещали в принудительные лечебницы. Потом, после смерти его матери, следы его на некоторое время потерялись.

И вот в конце 90-х годов он снова появился в Шуе, теперь уже в облике бомжа. Моя мама случайно столкнулась с ним на улице и привела его домой. Как они узнали друг друга через столько лет – ума не приложу. Это остается для меня одной из самых неразрешимых загадок: ведь и я, и мама, и Толя за прошедшие десятки лет изменились внешне, можно сказать, неузнаваемо. Однако и мама, и Толя отвечали мне на этот вопрос одно и то же: он (она) совсем не изменились. Толя рассказал, что живет где попало, в основном в

подъездах больших домов, а пропитание добывает работами на рынке по разгрузке-погрузке. С тех пор он время от времени приходил поесть, взять приготовленные для него теплые вещи, а за это поработать на огороде. Один раз его оставили ночевать; увидев, что ему готовят постель с простынями, подушкой и одеялом, он попросил все это свернуть и убрать, выбрал место на полу и там лег, укрывшись собственным пальто. Во время своих визитов он выражал желание как-нибудь повидаться со мной, и в один из моих приездов в Шую мама такую встречу устроила.

Передо мной сидел мой сверстник – старик с умными, хитрыми и добрыми голубыми глазами, с совершенно белой головой. Он был уверен в себе и немного снисходителен; те пояснения, которые он давал в ответ на мои вопросы о его судьбе, звучали даже несколько иронично, словно он не надеялся на то, что я способен их понять. Он рассказал, что, действительно, провел долгие годы в колониях и в лечебнице «для психов» в Зиново (Ивановская область), там много читал, размышлял и рисовал, но, в конце концов, из этой лечебницы сбежал. Много позднее этой встречи один из шуйских художников, происходящий из следующего поколения нашего двора, рассказал мне, что в зиновской лечебнице Толя прославился как художник. Его картины, посвященные теме космического секса (?), пользовались там непререкаемой популярностью как у больных, так и у персонала, и выставлены там до сих пор. После последнего побега он почувствовал, что обрел не только свободу, но и настоящее счастье: «Словно прозрение настоящее наступило! У меня ничего лишнего нет – только то, что на мне. Нет паспорта, никакого другого документа – а зачем они мне? Ты только подумай: зачем тебе документ, если у тебя ничего нет и тебе ничего не надо? Питаюсь я в «Сударушке», там дают сладкий чай, а хлеб я покупаю. Человеку, когда он это поймет, ничего, кроме хлеба и воды, не надо; правда, очень хорошо еще поесть картофельного пюре. Но вот чтобы это понять, надо прожить такую жизнь, какую прожил я. Во-первых, я со всеми и за все рассчитался и никому ничего не должен. Если что и украл, то за это отсидел. Во-вторых, я сам себя воспитал и сам себя выстроил. Мне никто никогда не помогал. А если что дают, я обязательно отработываю. Вот в той же «Сударушке» снег или грязь какую разгребаю. Вы там, в столице, лучше бы по-хорошему поделились со всем народом, и всем сразу стало бы хорошо.

Я предложил ему немного денег, которые он принял с благодарностью, заметив вскользь, что сейчас его «бюджет весьма напряжен и эта сумма его как раз поправит». Он обещал мне письменно изложить свое жизненное кредо, и через некоторое время мама, действительно, передала мне от него листок бумаги, где он изложил свою версию ответа на русский вопрос «Что делать?». Указания Толи гласят: «Москвичам и во всех других городах три месяца денег не платить ни военным, ни банковским работникам, ни милиции, ни врачам, ни другим работающим, ни пенсионерам. Эти деньги направить в г. Иваново нам, труженикам, по адресу ул. Маршала

Василевского, дом царских обедов, Наталье Николаевне. Такие же дома царских обедов создать во всех других городах».

«Царскими обедами» в наших краях называли бесплатные обеды для бедняков, а Наталья Николаевна, по-видимому, заведует пунктом раздачи.

Праздничные домашние меню

В этих заметках приведены примеры домашних праздничных меню нашей семьи, взятые из сохранившихся записей. С давних пор мы установили порядок, согласно которому подготовка праздничного стола осуществляется следующим образом. За несколько дней до торжества мы письменно составляем полное меню, из которого вытекает список покупок. Составляются списки покупок (для каждого члена семьи) и план приготовления блюд: какие блюда кто и когда готовит.

При переезде из Сибири в Москву часть записей была утеряна, поэтому ниже приведены наши праздничные меню, начиная с 1976 г. Их можно рассматривать как типовые праздничные меню для русских семей, имевших более или менее высокий достаток (суммарный ежемесячный доход нашей семьи в 1975-1985 гг. составлял тысячу с лишним рублей – по тем временам деньги немалые).

Праздничные застолья в нашей семье, кроме общепринятых праздников, всегда происходили в дни рождения, по случаю встреч с друзьями и родными и их проводов, по поводу важных событий в жизни каждого из нас и наших родных. Поэтому они происходили весьма и весьма часто.

Несмотря на обилие блюд, праздничные меню у нас и людей нашего круга были довольно консервативны. «Пробиться» сквозь традиционные бастионы из студня, разносолов, стандартных салатов, домашних пирогов, пельменей и тушеного мяса новым блюдам было нелегко. Помнится, что устойчивую популярность завоевали две «новых» закуски: селедка «под шубой» и сырный салат с чесноком. Тем не менее, настойчивые и жизнерадостные домашние кулинары стремились разнообразить свой стол и заводить «свои фирменные» блюда и манеры оформления праздничного стола. Один из моих друзей, например, подал к столу большого (не молочного, а именно большого) зажаренного целиком поросенка. В ответ ему я где-то вычитал рецепт и приготовил язык в апельсиновом соусе. Кроме того, я заморозил на балконе большую красивую глыбу льда, внутри которой, в круглой нише, размещалась литровая бутылка водки. Эту глыбу я водрузил в центре праздничного стола, от чего наши жены почувствовали себя на следующий день простуженными.

Список открывает наша семейная реликвия – наше свадебное меню, составленное собственноручно отчимом моей жены, незабвенной памяти Михаилом Карповичем Федоровым.

Свадебное меню 13.09.58, г. Шуя, Ивановская область

- | | |
|------------------------------------|--------------------------------------|
| 1. Соленые огурцы, помидоры, грибы | 10. Тушеный картофель со свиной |
| 2. Свежие овощи | 11. Тушеные кролики с рисом (4 шт.) |
| 3. Винегрет | 12. Голубцы с мясом и рисом (25 шт.) |
| 4. Сельдь (1 кг) | 13. Котлеты с картоф. пюре (25 шт.) |
| 5. Колбаса вареная (2 кг) | 14. Пирожки с мясом (40 шт.) |
| 6. Окорок варено-копченый (2 кг) | 15. Пирог сладкий (2 шт.) |
| 7. Студень (около 3 кг) | 16. Яблоки, груши, виноград |
| 8. Сыр (1 кг) | 17. Водка (7 л) |
| 9. Блины | 18. Вина крепленые (5 л) |
| | 19. Чай |

Встреча высокопоставленных друзей из Москвы и Челябинска-70 (в бане) (февраль 1978 г., Новосибирск)

- | | |
|---|--|
| 1. Грузди и рыжики соленые | 9. Строганина из нельмы |
| 2. Брусника моченая | 10. Картофель отварной |
| 3. Клюква моченая | 11. Холодная телятина, фаршированная морковью и чесноком, с горчицей |
| 4. Соления (капуста вилоквая, огурцы, помидоры бурые сибирские) | 12. Жаркое из свежего мяса марала, добытого на Алтае три дня назад |
| 5. Рассол капустный специального приготовления густой | 13. Коньяк, водка, пиво |
| 6. Пелядь подкопченная | 14. Чай – настой на алтайских травах; к чаю белый алтайский мед с акаций |
| 7. Икра кетовая | |
| 8. Балык осетровый | |

День рождения (06.05.1982, Москва)

- | | |
|-----------------------------------|---|
| 1. Салат мясной «Оливье» | 12. Колбаса сырокопченая |
| 2. Салат из печени трески | 13. Ветчина |
| 3. Свежие огурцы, редис, зелень | 14. Гусь с яблоками и сливами |
| 4. Сельдь «под шубой» | 15. Помидоры, огурцы, перец консервированные. |
| 5. Кета холодного копчения | 16. Пирог с мясом горячие домашние |
| 6. Красноперка холодного копчения | 17. Фрукты, шампанское |
| 7. Балык осетровый | 18. Водка, коньяк, минеральная вода |
| 8. Рыба щекур заливная | 19. Торт «Наполеон» домашний |
| 9. Икра кетовая | 20. Чай, кофе, конфеты |
| 10. Икра паюсная | |
| 11. Крабы (консервы) | |

Встреча друга-однокашника по институту, чеха,
прибывшего в командировку в СССР (29.03.84, Москва)

- | | |
|--|------------------------------------|
| 1. Икра кетовая | 10. Окорок тамбовский |
| 2. Икра паюсная | 11. Лобио домашнее |
| 3. Балык осетровый | 12. Опята маринованные |
| 4. Сельдь холодного копчения
(гарнир) | 13. Пельмени домашние |
| 5. Сельдь с гарниром (вареные
овощи) | 14. Торт домашний |
| 6. Брынза с редисом и помидорами | 15. Персики консервированные |
| 7. Судак заливной (морковь, огурец) | 16. Бальзамы «Рижский», «Москва» |
| 8. Шпроты | 17. Чай, кофе, конфеты |
| 9. Колбасы сырокопченые | 18. Пиво чешское (!) из спецбуфета |
| | 19. Водка, перцовка, наливка |
| | 20. «Боржоми» |

Домашний обед в честь американских коллег
по организации в СССР производства фотокамер «Поляроид» (15.03.90)

- | | |
|--|---|
| 1. Бутерброды с кетовой икрой | 10. Соления: огурцы, помидоры,
капуста |
| 2. Бутерброды с паюсной икрой | 11. Колбасы сырокопченые |
| 3. Миноги с оливками (из Нарвы) | 12. Пирог с палтусом и лососиной |
| 4. Шпроты | 13. Свежая зелень (салат, петрушка) |
| 5. Пирожки с яйцами и зеленым
луком | 14. Свежие овощи |
| 6. Балык осетровый | 15. Вырезка тушенная с фасолью |
| 7. Салат из кальмаров | 16. Торт домашний «Наполеон» |
| 8. Салат из курицы с орехами | 17. Чай, кофе, конфеты |
| 9. Опята маринованные | 18. Водка, коньяк, ром, сухие вина |

Представляет интерес сравнение домашних праздничных меню с
«казенным» новогодним столом, накрытым для нескольких сот отдыхающих
в санатории 4-го Управления Минздрава СССР «Подмосковье» (вблизи
г. Домодедово) 31.12.85 г.

- | | |
|---|----------------------------------|
| 1. Салат с крабами | 6. Мясное ассорти |
| 2. Шпроты | 7. Рулет мясной с грибами и пюре |
| 3. Осетрина хол. копч. с зеленым
луком | 8. Пирожные |
| 4. Икра кетовая со сливочным
маслом | 9. Фрукты |
| 5. Севрюга заливная с лимоном | 10. Шампанское |
| | 11. Чай |

А.М. ПОДУРЕЦ
(г. Саров)

СУДЬБА КРАЕВЕДА

Город Саров краеведами небогат. Причина этого в специфике его истории. Монастырь Саровская пустынь, существовавший на месте, где сейчас стоит город, был закрыт весной 1927 года, после чего население возникшего на месте монастыря посёлка несколько раз менялось: там последовательно существовали коммуна для беспризорников и различные лагеря, последний из которых был закрыт в конце 1938 года. В 1941 году производственная база в поселке перешла в ведение наркомата боеприпасов, а в 1946 г. в Сарове был организован секретный объект для разработки отечественного ядерного оружия. Только начиная с этого времени поселок (с 1954 года – город) стал расти и развиваться без полной смены его жителей.

Следствием такого формирования населения города является то, что большинство пожилых людей не являются местными уроженцами. Во времена самых активных работ по ядерному проекту (с 1946 по середину 1960-х гг.) в город свозились специалисты со всех концов СССР. Только часть малоквалифицированной рабочей силы завозилась в «зону» по оргнабору из окрестной сельской местности. Таким образом, социальный слой, обычно рождающий краеведов в других городах (назовём их «старыми»), в Сарове до сих пор почти отсутствует. Поэтому люди, которые по своему умственному складу в других условиях стали бы краеведами, не имея корней в данной местности, в условиях Сарова выступают в качестве историков разработки и испытаний ядерного оружия. Необходимо упомянуть и о такой саровской специфике, как негласном (а иногда и гласном) долго державшемся запрете на исследования по истории Сарова, вызванном соображениями режима секретности, который действовал до сравнительно недавнего времени.

После такого предисловия хотелось бы перейти к рассказу о человеке, представлявшем немногочисленных краеведов города Сарова, хотя исследователем саровской старины он стал только в конце своей жизни, большую часть которой он посвятил истории бывшего Ардатовского уезда.

Николай Васильевич Артёмов родился 10 апреля 1919 года в селе Кремёнки ныне Дивеевского района Нижегородской области, в шести километрах от Сарова. Образование получил в Арзамасском педагогическом техникуме (позднее, в 1954 г. он закончил Арзамасский государственный учительский институт) и в 1939 году был призван в армию. В самом начале Великой Отечественной войны, в августе 1941 года, Артёмов был тяжело ранен и вернулся домой инвалидом I-й группы (у него не было одной руки). С этого времени и до окончательного ухода на пенсию в 1977 году Николай Васильевич работал учителем истории и директором в сельских школах Дивеевского и Ардатовского районов. В 1979 году Н.В. Артёмов переехал жить к родственникам в Саров, где и скончался в 1995 году¹.

Как мы уже говорили, Н.В. Артёмов в течение всей своей жизни занимался историей родного края. Вполне естественно, что в последние годы жизни его стала интересовать история Сарова.

В силу изложенных в начале причин в конце 1980-х – начале 1990-х годов на волне пробуждения интереса к родной истории в Сарове краеведением стали заниматься люди сравнительно (тогда) молодые. К сожалению, взаимопонимание с Артёмовым у них не сложилось. Дискуссиям и шумным спорам Николай Васильевич предпочел одиночество. А поскольку результаты своих исследований в то время он не публиковал, в городе сложились легенды о фантастической осведомлённости Артемова. Те немногие счастливицы, которым удавалось побывать у него дома (автор к ним не принадлежит), рассказывали потом об «огромной картотеке», картах, книгах и прочих сокровищах, которые в условиях практически не известной тогда саровцам истории своего города, вызвали жгучее желание со всем этим познакомиться. Но это никому не удавалось.

После смерти Н.В. Артёмова его архив был передан родственниками музею «Саровская пустынь» и изучен. По этому архиву можно восстановить круг интересов краеведа, его достижения, взгляды и особенности работы, которые, по-видимому, были характерны для многих его коллег по краеведческому цеху 1950 – 1970-х годов.

К слову сказать, каких-то особенных материалов по истории Сарова у Артёмова не оказалось, основная часть его архива относится к изучению им территории бывшего Ардатовского уезда (в основном нынешние Ардатовский, Дивеевский, Первомайский районы Нижегородской области) и Арзамаса.

Архив можно подразделить на три части: бумаги (черновики, письма, отдельные выписки и конспекты книг и источников и т.п.), карты и картотеку. Картотека до сих пор не изучена и не расшифрована. Дело в том, что Н.В. Артёмов пользовался одному ему известным способом кодировки источников с помощью аббревиатур, и поэтому понять, что откуда взято, невозможно.

Большую историческую ценность представляют собой собранные Артемовым межевые карты. Их оказалось 163, и все они за единичными исключениями относятся к дачам бывшего Ардатовского уезда. Наиболее старые карты относятся ко времени Генерального межевания, то есть к 1780-1790-м годам (любопытно, что, судя по сохранившимся на некоторых из них пометкам, картами XVIII века пользовались еще при планировке колхозных полей). Наиболее поздние карты датируются 1920-1930-ми годами и освещают сначала организацию хуторов, потом – колхозов. Большая часть карт относится к XIX веку. Каким образом и когда они попали к краеведу – неизвестно, понятно лишь, что благодаря Артемову карты эти для нас сохранились. Можно сказать уверенно, что данный картографический фонд станет ценным источником для местных исследователей. Среди людей, которые были землевладельцами Ардатовского уезда и чьи имена есть на

картах, – князя Шаховские, Блудовы, Кугушевы и Звенигородские, Николай Александрович Мотовилов (человек близкий Серафиму Саровскому), Чаадаевы.

Папки с рукописями составляют 115 единиц хранения. О родном крае Н.В. Артемова как истинного краеведа интересовало всё: география, археология, история древняя и новейшая, революционные события (как же без них в те годы?), топонимика, народное образование (тут, безусловно, профессиональный интерес), здравоохранение и многое другое.

Несколько папок содержат обширную переписку с краеведами и историками, как любителями, так и профессионалами. Пожалуй, это наиболее интересная для стороннего читателя часть бумаг. Среди основных адресатов Артёмова П.В. Зимин из Пензы, П.М. Травин из Краснослободска, А.А. Золотарев из Мурома – бывший директор Муромского музея, И.П. Ениватов из села Стандрово в Мордовии, Г.П. Вохромов из Арзамаса и другие. Что интересно: многие краеведы тогда не просто обменивались информацией – дружили, ездили друг к другу в гости, были в курсе семейных и житейских проблем друг друга. Об этом говорит и интенсивность переписки, жаль только, что она сохранилась не полностью.

Не стеснялся Николай Васильевич обращаться с запросами и в различные организации – государственные архивы, административные органы. Есть в одном из дел, например, письмо от Николая Фёдоровича Мокшина, ныне профессора, одного из ведущих специалистов по истории и этнографии мордвы. Тогда же, в 1961 году, молодой аспирант весьма подробно ответил на письмо, направленное в Мордовский университет от членов кружка «Юные краеведы» школы деревни Кавлей, которым руководил Артёмов. Вопросы касались мордовский ономастики?

Здесь мы не будем касаться собственно исторического содержания архива, интересного более для специалистов, занимающихся историей Нижегородской области. Хотелось бы обратить внимание на то, как документы архива дают представление о методологии работы краеведов, об условиях, в которых они вели свои исследования. Условия же для работы были гораздо сложнее нынешних. Например, достав на время у кого-то необходимую для топонимических изысканий книгу «Горьковская область. Административно-территориальное деление», краеведы переписывали ее от руки полностью. Также вручную составлялись географические карты, ведь пользоваться в серьезной работе общедоступными картами 1960-1970-х годов выпуска было бессмысленно. Отсутствие у сельских и районных краеведов доступа к закрытой информации компенсировалось фанатичной преданностью делу.

Как справедливо выразилась героиня фильма «Москва слезам не верит», в то время с бумагой в стране была напряженка. Николаю Васильевичу редко удавалось писать на хорошей писчей бумаге. Много писал он в ученических тетрадках, использовал для заметок и листки перекидных календарей. Этих календарных листков в его архиве – сотни, а скорее тысячи.

В конце концов такое постоянное взаимодействие с календарями сыграло свою роль: целое дело в архиве посвящено составленным Артёмовым различным календарям. Календари были на годы XVIII-XIX веков, на будущее, с особенной тщательностью составлены были календари на годы жизни Александра Сергеевича Пушкина³. Безусловно, краеведение – разновидность чудачества, но без таких чудачков пострадала бы наука.

Большие трудности испытывали краеведы и с публикацией результатов своих исследований. Надо отметить с сожалением, что подавляющая часть рукописей Артёмова, многие из которых были уже им оформлены как готовые к публикации, так и не увидели свет. Вот характерный отрывок из письма, полученного Артёмовым из редакции горьковской газеты «Ленинская смена» в 1951 году.

Здравствуйте, тов. Артемов!

Ваша статья о работе руководимого Вами краеведческого кружка, безусловно, представляет интерес для читателей. Думаю, что она будет напечатана в газете. Кое-что придется подсократить – в особенности описание разных исторических событий.

За лето, очевидно, кружок соберет новые экспонаты для школьного музея, ребята побывают в походах по району. Пишите, что будет интересного. Да и не только об этом надо информировать редакцию. Вы тесно связаны с комсомольской организацией, со всей молодежью. Комсомольская работа, труд и досуг молодых хлеборобов, – разве это не может быть темой для статьи?

С приветом!

Зав. отд. пропаганды и агитации Трунов⁴.

Или еще одно письмо оттуда же.

15.II.52 г.

Здравствуйте, тов. Артемов!

Прошу извинить за то, что задержался с ответом.

Относительно статьи не могу Вам сказать, что-либо определенное. Мне кажется, что она не представляет интереса: глубокая старина, не связанная с современностью... Во всяком случае, пока я подержу ее у себя, быть может, поближе к 400-летию Арзамаса удастся напечатать (странное предложение, 400-летие Арзамаса отмечалось в 1978 году, т.е. через 26 лет после этого письма. – А. П.). <...>

Кроме этого мне хотелось бы попросить вот о чем. У нас плохо освещается самостоятельная теоретическая учеба комсомольского актива и молодой интеллигенции. Быть может, в ваших краях есть хорошее? Расскажите, пожалуйста. А, возможно, следует по критиковать за это райком комсомола? И такая корреспонденция будет ценна для газеты.

С тов. приветом

Зав. отд. пропаганды и агитации Трунов⁵.

Краеведение проходило по ведомству идеологии, а у идеологических работников тогдашних газет были другие приоритеты.

Выручали круглые даты. Н.В. Артемову удалось опубликовать газетные статьи и даже их циклы в 1967 году к 50-летию Октябрьской революции, в 1970 г. – к 300-летию восстания Степана Разина, в 1978 г. – к 400-летию города Арзамаса. И конечно, больше интереса к краеведческой тематике проявляли не областные газеты, а районные, с некоторыми из которых у Артемова установились хорошие отношения. Особенно много его материалов опубликовала дивеевская районка «Ударник», где работал такой же краевед-энтузиаст Василий Иванович Карпушов.

Нельзя утверждать, что труды Н.В. Артемова были совсем не признаны. Именно ему как известному знатоку местной старины было доверено написание самого раннего хронологического раздела в «Очерках истории Арзамаса»⁶. В 1973 году Артёмову даже предлагали стать директором арзамасского архива, но он отказался, предпочтя учительствовать в сельской школе⁷. Однако при изучении материалов архива у нас сложилось впечатление, что объем проведенной исследовательской работы, о котором можно догадываться по сохранившимся документам, значительно превышает объем опубликованного. И действительно, нельзя же было надеяться в то время на публикацию районной газетой изысканий по помещичьему землевладению XVI-XIX вв.

И еще на одно обстоятельство обращает внимание архив. Несколько раз журналисты из областных средств массовой информации, прослышав о знатном сельском краеведе, приезжали к нему, получали интересовавшие их сведения, а потом публиковали под собственными именами, иногда даже не упомянув имя своего информатора⁸. Наверное, в этом одна из главных причин, почему Николай Васильевич в конце своего жизненного пути замкнулся, отгородился от журналистов и коллег-краеведов, оставшись один на один с накопленными за долгие годы работы сведениями и документами.

Но, как говорится, рукописи не горят. И сейчас архивный фонд Артёмова активно используется в работе саровскими исследователями, а статья о Николае Васильевиче включена в недавно вышедшую книгу о знаменитых людях Ардатовского края⁹.

¹ Биографические сведения получены от дочери Н.В. Артёмова И.И. Глухой, живущей в Сарове.

² Рукописный фонд музея «Саровская пустынь». Фонд Н.В. Артёмова. Д. 75. Л. 35-44.

³ Там же. Д. 31.

⁴ Там же. Д. 104. Л. 70.

⁵ Там же. Л. 76.

⁶ Очерки истории Арзамаса. Горький, 1981.

⁷ Рукописный фонд музея «Саровская пустынь». Фонд Н.В. Артёмова. Д. 105. Л. 93.

⁸ Там же. Д. 41. Л. 108-111.

⁹ Знаменитые люди Ардатовского края XVI-XXI веков. Ардатов. Арзамас. 2002. с. 13.

О.А. ИВАНОВ
(г. Шуя)

ПРО МЕДАЛЬ: ИСТОРИЯ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ЭКСПОНАТА

В 1975 г. в Шуйском краеведческом музее была развернута большая юбилейная выставка к 30-летию Победы. Наряду с экспонатами из постоянной экспозиции и фондов музея на ней были представлены и предметы, переданные (по старой традиции, когда музей был еще народным) жителями Шуи. Так, в витрине, где были выставлены награды Великой Отечественной, оказалась редкая польская медаль «Возрождение», предоставленная В.И. Адамовым. Через две недели работы выставки медаль исчезла, а, проще говоря, была украдена...

Василий Иванович Адамов (1912 - 1982) был в Шуе человеком известным: участник коллективизации в его родном селе Дунилове, член партии с 1930 г., после войны долгое годы был директором единственного тогда в Шуе ювелирного магазина, а после выхода на пенсию активно участвовал в общественной жизни: пел в хоре ветеранов, помогал, как мог, становлению краеведческого музея. Факт кражи из музея получил в городе широкий резонанс, тем более, что у награды была своя примечательная история.

Великую Отечественную войну В.И. Адамов прошел от начала до конца в интендантской службе в чине капитана, в основном заведя складами трофейного имущества. В 1944 г., когда военные действия переместились на территорию Польши, он был временно прикомандирован к Войску Польскому в той же должности. С ним он и вступил в освобожденную Варшаву 17 января 1945 г.

По его рассказу, на складе оказалось и свернутое в рулон батальное полотно большого размера (5 x 3 м.). В феврале 1945 г. на склад к капитану Адамову явилась делегация Временного польского правительства во главе с премьер-министром Э. Осубкой-Моравским с просьбой передать картину польскому народу, что и было сделано. Вскоре В.И. Адамов был награжден польской медалью.

Что же за полотно пылилось на трофейном складе в разрушенной Варшаве? Судя по всему (особенно учитывая позднейшие обстоятельства), речь шла об одной из национальных реликвий Польши — картине выдающегося польского художника-баталиста Яна Матейко (1838-1893), скорее всего, о самой знаменитой — «Битва под Грюнвальдом» (1878), посвященной разгрому польско-литовским войском немецких — Тевтонского ордена — в 1410 г. и считавшейся одним из символов польского духа и возрождения. Разумеется, в годы оккупации немцы разыскивали это полотно, с целью уничтожения, но его успешно скрывали польские патриоты вплоть до трагического Варшавского восстания 1944 г., после которого оно, волею судеб, и оказалось на складе трофейного имущества у советского капитана.

Учитывая все эти обстоятельства и саму скандальность кражи из музея, Шуйский горком КПСС, по согласованию с Ивановским обкомом направил письмо в посольство Польской Народной Республики в Москве с просьбой содействия в выдаче дубликата, тем более, что наградные документы остались целы. Через месяц из Москвы в Шую была доставлена новая медаль, в сопроводительном письме к которой, подписанном секретарем польского посольства, отмечалось, что «Польша помнит о его патриотическом поступке» и желали здоровья ветерану. Со слов Василия Ивановича (он был моим дядей), знаю, что он собирался передать медаль и ряд документов, связанных с его биографией, в краеведческий музей, но после его смерти в 1982 г. следы награды в очередной раз затерялись...

СОДЕРЖАНИЕ

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

▪ Ставровский Е.С.	Князь И.М. Долгоруков и Шуя.....	3
▪ Гладкова В.А.	Дело о пожаре 1848 г.	7
▪ Добычина Т.А.	Иерусалимская Пасха: письма шуйских паломников со Святой Земли	10
▪ Возилов В.В.	Техническая интеллигенция: люди и факты (конец XIX – начало XX вв.)	15
▪ Новичкова Н.Ю.	«Как на Уводи вонючей стоит город наш мозучий»	23
▪ Кокурин А.К.	М.В. Фрунзе и революционный террор в Шуе	27
▪ Розанова Л.А.	Лев Толстой и жители Шуйского региона ..	30
▪ Шептуховская Н.С.	Альбом 1913 года	48
▪ Батырева Л.П.	Поршни, берестенки, ступешки.....	52
▪ Муравьева Г.П.	В краю Берендея	56

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

▪ Киприянова Н.В.	Особенности правосознания провинциального купечества в XVIII в.	58
▪ Красницкая Т.А.	Церковная школа и раскольники (на материалах Владимирской и Костромской губерний)	64
▪ Дубровский П.С.	Крестьянская икона и рыночный бизнес: Вязниковский уезд	67
▪ Зудина И.Н.	Филантропия с выгодой	71
▪ Ширманова Ю.В.	Повседневная жизнь реалистов в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Владимирской губернии) ..	76
▪ Мавлиханова Е.А.	Несостоявшаяся «Ходынка»	81
▪ Монякова О.А.	Ковровские кадеты на выборах в I Государственную думу	86
▪ Липатова О.В.	Рабочие Владимирской губернии в избирательной кампании в I Государственную думу	92

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX

▪ Короткова Н.Н.	А.А. Невский: личность и судьба	98
▪ Балдин К.Е.	Из домашнего архива И.И. Туруновой	107
▪ Куратов О.В.	У истоков Ивановского государственного университета	108
▪ Подурец А.М.	Мои записки	115
▪ Иванов Ю.А.	Судьба краеведа	123
	Про медаль: история несостоявшегося экспоната	128

НАШ АНОНС

Уважаемые коллеги!

Шуйский историко-художественный и мемориальный музей и Шуйский государственный педагогический университет приглашают Вас принять участие в Чтениях по региональной казуальной истории «Уездная старина».

Мы ждем от Вас материалов, связанных с историей Шуи и Шуйского уезда как в границах Владимирской губернии, так и в границах Шуйского района Ивановской области в период с конца XVIII в. до 20-х гг. XX в. Нас интересуют сообщения о любопытных фактах, случаях, событиях (возможно, анекдотических, но достоверных), биографические материалы о забытых незаурядных людях.

Нам интересны аналогичные материалы об уездной жизни во Владимирской, Костромской, Нижегородской и Ярославской губерниях в указанный период.

Ждем от шуян документальных свидетельств о жизни в городе в прошедшем XX веке.

Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории.
Вып. IV. – Шуя, 2004. – 132 с.

Подписано к печати 28.06.2004 г. Формат 60x84/16.
Бумага газетная. Печать ризография. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. листов 8.25. Тираж 100 экз. Заказ №663.

Издательство «Весть» ГОУ ВПО «ШГПУ»
155908, г. Шуя Ивановской области, ул. Кооперативная, 24
Тел/факс (09351) 2-65-94
E-mail: Vedomosty@rambler.ru
www.tpi.ru/~sgpu

Отпечатано в типографии ГОУ ВПО
«Шуйский государственный педагогический университет»
155908, г. Шуя Ивановской области, ул. Кооперативная, 24